

Борис Призвалов

ЛЕСОРУБ КУМОХА

Annotation

Это повесть-сказка о мудром выходце из народа, бедняке Кумохе, который в любом состязании умом и смекалкой побеждает барина, купца, попа и полицейского. Написана повесть по мотивам карельских народных сказок.

- [Борис ПРИВАЛОВ](#)
 - [ПРО СТРАНУ КАРЕЛИЮ](#)
 - [ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ](#)
 - [ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ](#)
 - [ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ](#)
 - [ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ](#)
-

Борис ПРИВАЛОВ ЛЕСОРУБ КУМОХА

Борис ПРИВАЛОВ
ЛЕСОРУБ КУМОХА

*Веселые и занятные приключения
знаменитого Кумохи и его друзей*

Издательство „Детская литература”
Москва 1971

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Это повесть-сказка о мудром выходце из народа, бедняке Кумохе, который в любом состязании умом и смекалкой побеждает барина, купца, попа и полицейского. Написана повесть по мотивам карельских народных сказок.

Рисунки В. Шутова

ПРО СТРАНУ КАРЕЛИЮ ПРО ВЕСЕЛОГО ЛЕСОРУБА КУМОХУ И ПРО ЕГО РОДСТВЕННИКОВ

Без присказок сказки — как без полозьев салазки.

(Карельская поговорка)

Богата страна Карелия!

Ее называют краем тысячи озер, хотя озер там, наверно» значительно больше. И в каждом озере — это уж непременно! — рыба. Иной раз столько рыбы скопится, что из-за нее и воды не видно. Сам не видел, но старые карелы рассказывали. А старики, как известно, всегда говорят правду.

Еще Карелию называют страной красных полян. Приезжаете летом или ранней осенью в карельские леса — убедитесь! Говорят даже — не знаю, правда или нет, — будто морошки, клюквы, брусники и прочей ягоды там столько, что ее собирают с помощью специальных машин: клюквоуборочных, морошкоуборочных, брусничноуборочных.

А еще в Карелии много ценного меха — мягкого золота. В лесах — белки, лисы, куницы. В реках: норки, выдры, выхухоли. И много всяких других пушных зверей — всех разве перечислишь?

Рассказывали бывалые охотники, что дичь — уток, куропаток, тетерок, рябчиков — еще недавно они считали только на дюжины.

— Сколько уток добыл? — спрашивали охотника.

— Две, — отвечал он, и все понимали, что речь идет о двух дюжинах, то есть о двадцати четырех утках.

А грибы? Царь грибов, боровик, разрастается в карельских чащобах до громадных размеров. Три-четыре таких грибами телега полна!

Правда, мне лично грибные рассказы старожиллов кажутся несколько преувеличенными. Но я сам наблюдал, как коровы, которые пасутся на лесных полянах, до того привыкают к белым грибам, что потом их приходится долго уговаривать есть сено.

Про карельскую березу знает весь мир. Из нее делают замечательные сорта мебели.

А знаменитые Ладожское и Онежское озера?

А фабрики, заводы, электростанции?

А кто не слышал о Беломорско-Балтийском канале, пересекающем всю Карелию с севера на юг? Караваны судов идут по нему из Белого моря в Балтику. Обо всем этом вы, конечно, читали. Могли видеть Карелию в кино и по телевидению. Некоторым, может быть, повезло, и они даже успели побывать в Карелии.

Но следует помнить, что ни каналов, ни фабрик, ни гидростанций в те времена, о которых пойдет рассказ, еще не было, потому что они появились лишь при Советской власти.

Раньше же было две Карелии: одна для бедняков, другая для богатеев. Бедняков-карелов было во много раз больше, чем богатых, но именно богатые распоряжались карельской землей, ее лесами, озерами, водопадами. Они заставляли карелов-бедняков работать на себя и от этого богатели еще больше.

Бедняки мечтали о радостном времени, когда справедливость и правда восторжествуют и тот, кто сеет хлеб, станет хозяином полей, а тот, кто ловит рыбу, — хозяином озер и рек.

И все, кто работает и трудится вместе, станут законными хозяевами карельской земли.

Об этих счастливых грядущих днях бедняки складывали песни, сказки, поэмы.

Так родился знаменитый карельский эпос «Калевала», воспевающий героизм труда и славящий верность и дружбу.

Так родились и веселые сатирические сказки и анекдоты, в них народ высмеивал хитрость богатеев, их жадность, их корыстолюбие. Бедняк всегда оказывался умнее лентяя богача, трусоватого попа, жуликоватого купца-торгаша.

Во многих сказках встречается имя веселого лесоруба Кумохи.

Рассказывая о нем, карелы никогда не забывают упомянуть о его родственниках — родителях, сестре, — о его приятелях, словно речь идет о человеке, некогда жившем на самом деле. Но как и любой из фольклорных героев, Кумоха жил и живет лишь в забавных приключениях, веселых историях, народных анекдотах. Это не мешает ему, однако, и поныне быть грозой глупцов, лентяев, пройдох.

Что же касается его родственников, то они у него есть. Правда, живут они не в Карелии, а в других республиках нашей страны: Катигорошек — на Украине, Насреддин — в Средней Азии и Азербайджане, Нестерка — в Белоруссии. Пэкалэ и Тындалэ — в Молдавии, Будамшу — в Бурятии, Омирбек — в Каракалпакии... Если бы мы начали всех родственников Кумохи перечислять, то и целой книги не хватило бы! Ведь у каждого народа есть свой веселый герой, смысленный хитрец, который и себя в обиду не дает, и беднякам всегда на помощь придет, и богатея проучит.

Таков и сам Кумоха: он терпеть не может обмана и несправедливости, беззаветно любит свою землю и свой народ, ненавидит тех, кто заgreбает себе плоды чужого труда.

В отличие от богатырей, героев знаменитых карельских песен-былин (рун), Кумоха — обыкновенный крестьянский парень, лесоруб. Он только чуть-чуть смысленнее прочих, чуть-чуть сильнее, чуть-чуть хитрее.

Сказочный Кумоха может иной раз так современного зазнайку или бездельника высмеять, что тот надолго запомнит урок и в следующий раз уже будет себя вести как положено.

— Ты слышал, как Кумоха поступил с лентяем Юсси? — лукаво прищурившись, говорит карел какому-нибудь нерадивцу, — Не слышал? Так вот, дело было...

И острая шутка, едкий анекдот больно жалят лодыря, болтуна, скупердяя.

Вот и получается, что жив Кумоха, что он и поныне среди нас, что он борется с недостатками, неполадками, неурядицами.

Но ведь многие из вас, дорогие читатели, если и слышали прежде о Кумохе и его веселых делах, то, наверное, только лишь краем уха. Вот для того, чтобы вы могли познакомиться с ним поближе, подружиться с ним, и написана эта книга.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

КАК КУМОХА БОГАТОМУ ХОЗЯИНУ ТАЙПО ОТЦОВСКИЕ ДОЛГИ ПЛАТИЛ

Если уж садиться на горячее угли, то в чужих штанах.

(Карельская поговорка)

Первое это приключение Кумохи или нет — точно никто не знает. Известно лишь, что в то время еще жили-поживали отец Кумохи — Ийвана, мать Ирукка, а его сестра Айно совсем маленькой девочкой была. Ну, может, не совсем маленькой — лет десять ей, верно, исполнилось, не больше.

Жили они так: поужинать хлеб есть, а к завтраку и к обеду нет. Подряд два дня досыта никогда не ели. Разве что в конце лета, когда грибы-ягоды поспевают. Тальке ведь одними грибами да брусникой сыт не будешь!

Избенка у них была хилая, как говорится, небом покрыта, лесом огорожена. На окнах — берестяные заплатки, на пороге — мох. Банька так скособочилась, словно в землю юркнуть собралась. Свинья — как тощая кошка, даже догадаться трудно, что это за живность такая: не мяукает, а хрюкает.

Тем только и жили, что Кумоха добывал. Ему приходилось то уходить на всю зиму с лесорубами, то деготь гнать, уголь жечь. А когда подрос парень, стал наниматься к богатым хозяевам работником. Осенью весь заработок в дом приносил, родителям отдавал. Старый Ийвана натягивал кожух и шел к богатому хозяину Тайпо долги платить. И в избеке снова хоть шаром покати...

Про скупого богача Тайпо и сынка его Юсси

У богатого хозяина Тайпо бороденка серая, словно из мха. И все время шевелится, даже когда Тайпо молчит. Кажется, будто она живет сама по себе.

Тайпо приземист, коренаст, с кочку лесную ростом. Чтобы вровень с другими людьми стать, ему нужно на что-нибудь взобраться. Только тогда он может тому, с кем разговаривает, прямо в глаза смотреть. А глаза у него рыжие, злые, завидующие и все время бегают, как два таракана.

Над скупостью богатого хозяина много смеялись.

Говорили, что во всей Карелии скупее его, может, если и найдется, то не больше одного или двух человек.

Как-то однажды приехал из Лапландии самый скупой лапландец. Узнал он про Тайпо и пришел знакомиться — уж очень лапландцу хотелось узнать, кто из них скупее.

Тайпо гостя принял как обычно, кормить-поить ничем не стал, даже лучину задул.

Так сказал:

— Зачем зря ее палить, когда и в темноте поговорить можно.

А какие у лапландца с карелом разговоры? Одни молчит, а другой помогает.

Наконец гость собрался уходить. Тайпо взял уголек, раздул лучину и обомлел от удивления: гость сидел перед ним на лавке... раздетым! Одежда, аккуратно сложенная, лежала рядом.

Увидя распахнутый от удивления рот хозяина, лапландец сказал:

— Зачем зря штаны и рукава трепать-протирать? В темноте-то все равно не видно — голый я или нет. Теперь оденусь и пойду.

После этого Тайпо две недели носу на улицу не показывал — так ему досадно было, что на свете скупее его человек сыскался!

С той поры богатый хозяин еще мрачнее стал. На всех, словно пес цепной, накидывался: то не так, это не по нему — житья работникам не стало от него. Даже во сне и то сердился — бороденкой своей тряс и руками размахивал.

В конце концов работники от него разбежались кто куда: кому охота у скупого, да к тому же еще и злого хозяина работать?

Что еще сказать про Тайпо? Да, о его хозяйке! Она во всем старалась на Тайпо походить. На всех смотрела исподлобья, снизу вверх, хотя роста была немаленького. Кричала на батраков так же, как Тайпо. И очень жалела, что у нее глаза голубые, а не рыжие, как у Тайпо.

Был у них сынок единственный — Юсси его звали.

Отец с матерью надышаться на него не могли. Несмотря на всю свою скупость и жадность, для Юсси они ничего не жалели, ни в чем ему не было отказа.

Сначала Тайпо хотел было сына к рыбацкому делу приучить.

— Пусть Юсси хоть невод научится ставить, — сказал богатый хозяин. — В жизни это может ему пригодиться.

Но матери очень не хотелось сыночка от себя отпускать. И она отыскала где-то старика увечного, привела его в дом. познакомила с богатым хозяином.

Старик был кривобок, хромал на обе ноги, и при ходьбе его заносило из стороны в сторону, как лодку во время морской качки.

— С малых лет рыбачил, вот меня теперь и скрутило, — пояснил он. — Каждая косточка ноет и жужжит, стонет и дергает... А ведь я тоже когда-то хорошо жил. Был сыном богатого хозяина. Но получилось так, что пришлось рыбаком стать... Вот теперь жужжит и стонет... каждая косточка... ноет и дергает...

Тайпо с омерзением и отвращением смотрел на кособокого рыбака.

— Неужели нашему единственному сыночку предстоит такая старость? — запричитала мать. — Юсси, что с тобой хотят сделать, солнышко мое! Ой, несчастная я! Ой, пожалейте меня!

Понятно, что любящий отец не хотел видеть своего дорогого наследника развалиной.

Так Юсси и не стал рыбаком.

Однако Тайпо не оставил попыток приохотить подрастающего бездельника к какой-либо работе. Спустя некоторое время он сказал жене:

— Надо же парню немного потрудиться. Пусть хотя бы за сохой походит. Ведь он до сих пор думает, что мука, как клюква, на полянах сама растет.

А мать поехала к родственникам в соседнее село и привезла оттуда убогого старичка: руки скрючены, голова все время на грудь падает, будто он поклоны бьет.

— Что за чучело? — удивился богатый хозяин.

Зачем так говоришь, Тайпо? — обиженно прошамкал старик. — Я в детстве был не беднее тебя. Но судьба моя так повернулась, что стал я не купцом, а пахарем. Ходил за сохой, пахал, вот руки-то мои заостенели и голова плохо держится...

— Ты хочешь нашему единственному сыночку такой же хворобы? — закричала мать, обращаясь к Тайпо. — Пусть его так же скрутит? Ой, несчастная я!..

Тайпо не хотел, чтобы его любимый сын к старости стал убогим.

Так Юсси и не приобщился к землеробам.

Через некоторое время богатый хозяин снова завел разговор о сыночке-лентяе:

— Если карел не умеет топора в руках держать, то разве это карел? Надо парню хоть немного с лесорубами поработать.

На этот раз мать привезла в дом такого старца, что два предыдущих по сравнению с ним могли сойти за богатырей и писанных красавцев.

Старик весь трясся, как осиновый лист на ветру. Борода у него стояла дыбом и сплелась с седыми космами так, что даже лица не было видно. Нос выглядывал из волос, как палец из рваного валенка. Руки у старика дергались сами по себе, ноги сами.

Приплясывая от трясучки, он еле-еле смог выговорить:

— Лесоруб я... отец с матерью выгнали меня из дома... стал я лес валить... походил по карельским лесам с топором... теперь вот уже ничего в руках держать не могу.-

— И ты хочешь, чтобы наш единственный сыночек... — снова начала мать.

Но Тайпо не дал ей закончить очередной вопль и твердо сказал:

— Молчи! Хватит! Пусть сын наш подрастет еще немного! Там видно будет!

Так Юсси и не приобщили к лесорубам.

Ночью богатый хозяин спросил у жены:

— Но почему другие рыбаки, пахари, лесорубы совсем не такие, а здоровые мужики? Почему?

— Потому, что их отцы и деды тоже были лесорубами, пахарями, рыбаками, — ответила жена. — А ты родился сыном богатого хозяина, потом сам стал богатым хозяином. Вспомни: те, кого ты видел, тоже считались в свое время богатыми. Но судьба за что-то покарала их, и они вынуждены были идти работать. Так и с Юсси: он сын богатых хозяев и у него в жизни будет одна работа — быть богатым хозяином. От другой работы он погибнет.

А через некоторое время стало известно, что все три старика — кривобокий рыбак, скрюченный пахарь и трясущийся лесоруб — сами никогда нигде не работали, а были нищими с какого-то заонежского базара и обманывали богатого хозяина, так как хозяйка за это им хорошо заплатила.

Но Тайпо лишь слегка потаскал свою жену за волосы: ведь, в конце-то концов, она пошла на этот обман из-за любви к Юсси! А кроме того, она, пожалуй, была права: сыну богатого работать, как все, негоже.

Но все время бить баклуши да валяться на овчине тоже непорядок.

Даже мать понимала, что сыночку надо готовиться к тому, чтобы стать хозяином.

— Пошел бы ты, любимый мой, в лес, на лужайку, где наши работники сено косят. Посмотрел бы, покричал бы на них! — говорила она.

— Сама и кричи, если хочется! — отвечал Юсси. — Гляди, что придумала: в лес мне идти! Вот докормите-дорастите меня до усов, тогда и посылайте куда хотите!

Ну, поили, кормили его, и выросли вскорости у парня усы. Мать опять за свое:

— Возьми коня, съезди на дальнюю ламбу, там рыбаки должны улов отцу сдавать, так ты посмотри, не утаят ли они рыбу, не обманут ли.

— Вот еще! — обиделся Юсси. — Отец- сам справится. Придумала — на коне по лесу скакать! Вот докормите-дорастите меня до бороды, тогда и посылайте.

Опять стали кормить и поить парня. Выросла у него борода. А ума-то не прибыло. И делать Юсси ничего не умел. Глупым был, жадным, нахальным — как птенец кукушки. Вся его работа: сладко есть, сладко пить да в баньке париться.

Про то, как Кумоха с отцом подсеку делали и встретились с богатым хозяином Тайпо

В конце лета Кумоха из работников вернулся.

Поглядел он издали на родную избушку — сердце похолодело.

Притулился дом к старому дереву, оконца узенькие, как глаз прищуренный, трубы нет: печка по-черному топится, дым под потолком стелется, в чердачное окно выползает. Крыша мхом поросла. Берестяные заплатки на окнах от ветра дребезжат. Еще до зимы далеко, а дрова уже кончаются. Банька, что поодаль от избенки стоит, ссутулилась, скособочилась.

Солнце уходило за лес, и остроносые тени деревьев, как хищные звери, крадучись, бесшумно подползали к беззащитной беззаборной избенке, словно хотели сожрать ее.

«Совсем ослаб отец, с грустью подумал Кумоха. — Видно, нельзя мне больше далеко от дома уходить, нужно заработки поблизости искать, хозяйство в свои руки брать».

На другой день вместе со стариком отцом Кумоха пошел в лес, подсеку делать, поле на будущий год готовить.

Карелы хлеб сеяли так: шли в лес, рубили, подсекали деревья. Называлось это подсека. Подсеку поджигали, чтоб пни и щепы сгорели дотла. А на месте пала распахивали землю, хлеб сеяли. Зола и угли землю удобряли.

Кумоха по лесу шел, словно среди толпы знакомых, только что шапку не снимал, не кланялся.

Вот ель, с детства знакомая... А вот березка, под которой он зим пятнадцать назад зайца поймал руками... Вот ольха, о которую он нос расшиб, когда от медведя бежал... Вот на полянке вереска куст — за ним он как-то от ребят прятался... Вот на болотце ракита — с нее своего первого глухаря Кумоха сбил камнем... Вот можжевельник — о него Кумоха штаны порвал, мать его долго шлепала за это...

Отец отыскал наконец удобное место для подсеки — лес молодой, земля не вся корнями вязана-перевязана.

Взялся за работу Кумоха — с двух ударов любое дерево валит. Пройдется с топором из конца в конец подсеки — дорога за ним ложится. Где остановится — там уже и полянка. Старику смотреть на сына любо-дорого: светлая бородка вокруг лица золотится, глаза сверкают, лицо порозовело, зубы блестят в улыбке! Богатырь!

А тем временем ехал дальней лесной тропой богатый хозяин Тайпо.

Едет, рыжими глазами завидующими по сторонам смотрит, трубку из зубов не выпускает. Борода шевелится, как живая. Прислушивается-принюхивается, будто лес — это его двор.

И услышал богатый хозяин далекий-далекий звук, словно кашляет кто-то: «Кхе-кхе-кхе».

«Деревья валят, — подумал Тайпо. — Кто ж это может быть?»

Повернул он конька в ту сторону, откуда стук топора слышался.

«Три человека рубят, не иначе, — внимательно прислушиваясь, рассуждал Тайпо, — и все трое лесорубы хоть куда!.. Ловко рубят, ловко!»

Когда же он увидел одного Кумоху, то глазам своим не поверил.

«Такого бы мне в работники! — подумал Тайпо, и глаза его стали желтыми, как яичный желток. — Я бы за один год вдвое стал богаче!»

Только Тайпо хотел спросить Кумоху, чей он сын, как старик отец из лесу вышел. Тайпо обрадовался: еще бы — ведь, значит, этот лесоруб сын его старого должника Ийвана!

От радости глаза Тайпо стали желтыми, как сердцевина ромашки.

И сказал богатый хозяин Ийвану так:

— Если сын твой ко мне на три года в батраки пойдет, тогда мы с тобой в расчете будем.

Конечно, эти слова Тайпо сказал не сразу — он на слова был скуп так же, как на деньги. И если уж описывать все по-настоящему, как оно было, то сказал Тайпо так:

— Если (тут он слез с конька и оглядел стоящего перед ним Кумоху три раза с ног до

головы и с головы до ног)... сын твой (тут он разжег погасшую трубку)... ко мне (тут он сел на свежий пенек и докурил трубку до конца)... на три (выколол трубку, спрятал ее в карман)... года (достал нож и вырезал себе длинный прут)... в работники (прут ему не понравился, он его отбросил, начал вырезать новый)... пойдет (срезал с прута сучки, помахал им в воздухе — свистит!)... тогда (полюбовался гибким прутом, подстругал толстый его конец по руке, чтоб удобнее было)... мы (вытер о пенек лезвие, спрятал нож)... с тобой (сбил прутком шишку с молодой елки, посмотрел, куда она упала)... в расчете (еще сбил три шишки)... будем.

От такой наглости богатого хозяина старый Ийвана все слова растерял, лишь руками развел. Ведь Кумоха только-только под родной кров вернулся, всей семьей начали о будущем годе думать, судить-рядить, как хозяйство поднять, и вдруг этот Тайпо как снег на голову! Хочет Кумоха на три года отобрать!

Кумоха врубил топор в толстую, хоть лошадь за нее прячь, сосну и подошел к богатому хозяину. Тот, словно невзначай, на пенек встал, чтобы повыше быть. И все равно Кумохе даже до плеча не достал макушкой своей высокой шапки.

Кумоха посмотрел сверху вниз на Тайпо. Встретил взгляд желтых глаз, усмехнулся:

— Лучше умереть дома смолоду, чем у скупца с голоду!

Но Кумоха не только говорил, и поэтому эти слова надо было бы написать так:

— Лучше, — сказал Кумоха и пятерней сгреб богатого хозяина за загривок, — умереть (тут он поднял ошалевшего Тайпо с пня так высоко, как позволила рука)... дома (другой рукой он сорвал с ближайшей елки несколько шишек)... смолоду (пока богатый хозяин барахтался в воздухе, Кумоха подложил шишки под седло его конька)... чем (он начал медленно опускать Тайпо в седло)... у скупца (он усадил его на седло лицом к хвосту)... с голоду!

Богатый хозяин шлепнулся в седло, шишки впились в спину коня. Коню это почему-то не понравилось — он взвился на дыбы, рванулся, метнулся, не разбирая дороги, в лесную чащу.

Первый же сук сбил седока на землю. Но Тайпо тотчас же вскочил на ноги и побежал ловить коня, умчавшегося в лес.

Кумоха посмотрел на отца. Улыбка, как тихий порыв ветра над озерком, легкой рябью пронеслась по морщинам Ийвана.

— Он нам это не простит, — вздохнул старик.

Кумоха беззаботно махнул рукой и свистнул так громко, что белки посыпались с деревьев, как шишки. Потом он вытащил топор из сосны и весело принялся за работу.

Карел без баньки — это не карел, а уж он и сам даже не знает, кто он... Просто непонятно, кто он такой!

Как же можно жить без баньки?

Зимой, в самый злой мороз, когда речки выстывают до дна и могучие сосны трещат, поевживаясь от холода, что спасает продрогшего лесоруба или охотника?

Банька!

А сырой, дождливой осенью, когда все кругом мокро и туман такой плотный — хоть выжимай его! — что спасает от простуды и ломоты в костях рыбака или пахаря?

Банька!

А летом, когда от зари до зари стучит топор и кости зудят от работы и кажется, уже сил нет добраться до порога дома, что прогоняет усталость и возвращает силы?

Банька!

Неказиста она на вид да и внутри красой не блещет, а все же, как добрая волшебница, спасает от бед и напастей.

«Вели уж баня тебя не лечит, то ложись и помирай», — говорят старые карелы больному.

Потому что банька лечит от любой хвори — и от кашля, и от круженья головы, и от болей в пояснице, и от лихорадки, и от корчей, и от колотья. Только нужно натопить ее пожарче, да душистых веников навязать, да воды натаскать вдосталь.

...Отец и Кумоха пришли с подсеки домой, едва ноги волочили, а зашли в баньку, да какдохнуло на них жаром да хвоей (сосновую смолку в камни мать бросила для духа лесного), да как ухнуло от первого ковша воды паром, да как зашипели камни — усталое тело вздохнуло свободно и радостно.

Деревянный потолок каплями, как росой, покрылся. На полке такой жар, словно само солнце под доски засунули.

Кумоха взял в обе руки по венику березовому да как прошелся ими по отцовской спине — только закричал от удовольствия старик.

А по пяткам отца парил Кумоха веником еловым: есть такое поверье, что все болезни из тела выходят, когда еловый веник по пяткам бьет.

Парились так отец с сыном в баньке часа два, и так им легко стало, хоть снова в лес еще одну подсеку рубить!

Облепленные березовым листом, среди кучи разбитых веников, красные, распаренные, они сидели в клубках пара.

— Сколько ни мойся, чище воды не будешь! — сказал отец.

Борода, как плющ, окутывала его тело. После парки и колено не свербело, и в боку уже не кололо, и в шее не сверлило. Он отжал мокрую бороду, посмотрел на сына. Кумоха задумчиво обирал с себя прилипшие березовые листья — следы, оставленные веником. Глаза отца и сына встретились. И оба поняли, что они думают об одном и том же — о Тайпо.

Отец вздохнул, пожал плечами.

«Даже не знаю, сколько мы ему должны», — понял Кумоха.

Кумоха закричал огорченно: сыну отца наставлять не положено, но как же это своих долгов не знать? Ведь обведет должников богатый хозяин вокруг пальца, обязательно обведет!

Понял Кумоха, что выход один остается: идти в работники к Тайпо. Сделать так, как сказал богатый хозяин. Три года? Там видно будет... Время ведь и не по годам можно считать, а по делам.

— Ладно, — ударив себя веником, сказал Кумоха. — Завтра пойду к Тайпо...

Бежали в лесу тропки и стежки, вились, змеились, сходились и расходились. Чем к селу

ближе, тем их больше, тем они приметнее среди палой листвы. Наконец, как нитки сплетаются в веревку, сплелись они все вместе, стали дорожкой, а та слилась с другими и обратилась в дорогу.

Дорога лесная вся в узлах корней, в хребтинах — из земли, как ребра большого зверя, корни лезут. По краям дорога изъедена, будто ее по ночам дикие звери грызут. Но все-таки дорога! Значит, и село близко!

А в селе самый большой двор и самый большой дом у Тайпо.

Возле церкви богатый хозяин построился. Хитро дом стоит: издали если смотреть, то крест словно в крышу Тайпо воткнут.

Постройки во дворе богача приземистые, коренастые, как сам Тайпо. Амбар, зерном набитый, словно брюхо обжоры, вперед торчит. Забор крепкий, бревенчатый. Ворота сразу не откроешь: сначала одну створку отвести надо, потом вторую — уж очень тяжелы.

Кумоха стучать в ворота не стал, ухватился за гребень забора да и перемахнул через него.

Собака, что на цепи сидела, так ему удивилась, что даже не тявкнула. А сам Танпо посреди двора стоял, трубку курил, даже и не вздрогнул, словно ждал Кумоху. Только борода ходуном заходила и в глазах рыжие костры от радости запылали.

— Отец... — глубоко затянулся Тайпо и словно вместе с дымом выдохнул слово, — прислал?

Кумоха кивнул.

Богатый хозяин вперед пошел, Кумохе, как исправному работнику, положено следом шагать.

Подшли к сараю. Наверху сеновал. Тайно трубкой показал на сено.

— Тепло, — сказал Тайпо.

Кумоха понял: пока еще тепло, можно спать здесь.

Опять кивнул согласно и забросил свою тощую котомку на сено.

Из дома вышел лежебока Юсси. Его безоблачные голубые глаза с интересом уставились на Кумоху. Парни были ровесниками и встречались не один раз, но Юсси каждый раз рассматривал Кумоху так, словно впервые его видел.

Рослый, широкоплечий Кумоха казался вдвое больше плотненького, узкоплечего, уже слегка пополневшего Юсси. Когда Юсси подошел к Кумохе вплотную, то оказалось, что соломенно-золотистая борода Кумохи достает Юсси до затылка.

— Сын, — сказал Тайпо, кивнув на Юсси.

— Знаю! — Кумоха похлопал Юсси по плечу. — Здравствуй!

Лежебоку это рассердило: его, хозяйского сына, по плечу, как ровню, бьет работник!

Он отошел на шаг от Кумохи, оглядел его.

— Этот чурбан будет нашим работником? — спросил Юсси отца.

Тайпо кивнул.

Кумоха огляделся по сторонам.

— Чего смотришь? — усмехнулся Юсси.

— Где, какой чурбан? — Кумоха недоуменно посмотрел на Юсси.

— Чурбан — это ты! — радостно засмеялся Юсси.

Кумоха молча и неторопливо схватил Юсси за плечи так, что тот рукой шевельнуть не мог. Потом, шумно вздохнув, метнул лежебоку, как бревно, прямо на сеновал.

Юсси что-то пискнул на лету и уткнулся головой в сено.

Тайпо испугался, даже заговорил быстро, без обычных пауз между словами, борода заметалась туда-сюда:

— А ежели бы ты не в сено, а в жернов попал?

— Да, пожалуй, жернов мог бы разбиться, — задумчиво промолвил Кумоха, и в глазах его сверкнули веселые искры. — Но я точно метил — в сено. Оно мягче.

Юсси вылез из сена, отплевываясь и чихая, спустился по лестнице вниз. Он долго вытаскивал сухие травинки изо рта, ушей, носа, бороды и усов.

Тайпо успокоился, невозмутимо продолжал курить трубку.

— Будешь знать разницу между чурбаном и лесорубом, — сказал Кумоха.

— Чхи... кхе... хе... — отозвался Юсси.

— Будет, — за сына ответил богатый хозяин — Теперь будет.

Юсси беззлобно погрозил кулаком Кумохе и поплелся к дому.

— Обиделся почему-то! — удивился Кумоха и засмеялся так громко, что собака на цепи вздрогнула и залаяла.

— Молодой еще, — кивнул вслед сыну Тайпо. — При доме держу.

— Пусть на работе в лесу помучается, человеком станет, — сказал Кумоха.

— Он... болеет немного... — отвел рыжие глаза Тайпо.

— Сытый, известно, болеет от безделья.

— Ну, ты у меня!.. — с угрозой произнес богач. — От безделья не заболеешь!

— Значит, сыт я буду? — весело спросил Кумоха. — И на том спасибо, хозяин!

— Дома и вода — еда.

— Так это ты, хозяин, у себя дома, а я нет. Мне одной воды мало.

— Что ж, молоком тебя поить? — Глаза Тайпо угрожающе потемнели.

— А мне в пищу годится все, что мягче камня, — улыбнулся Кумоха.

Пока шел этот разговор, солнце уже успело миновать крест на церкви и начало склоняться к западу.

— Слышал я про тебя всякое, — запыхтел трубкой Тайпо. — Своевольничать любишь. Силы девают некуда. Вон как бедного Юсси швырнул... И на каких хлебах тебя отец таким вырастил!.. Работать у меня будешь, как я сказал, три года. Делать все, что прикажу. Если чего не осилишь, еще год прибавляется. Два приказа не выполнишь — два года прикину...

— Чего уж яснее, — сказал Кумоха.

— Три ошибки сделаешь — на три лишних года останешься...

— Я до десяти считать умею, хозяин. И работы не боюсь. Но и у меня есть условие.

— Работники свои условия будут ставить тогда, когда моя трубка без табака задымит! — рассердился Тайпо.

Но Кумоха, словно не замечая слов хозяина, продолжал: — Чтобы, кроме тебя, мне никто не приказывал. Ни твоя жена, ни твой сынок Юсси. Только тебя одного слушать буду — запомни.

Тайпо согласно кивнул головой. Ему понравилось, что Кумоха, лесоруб неотесанный, пень пнем, а власть хозяина признает.

— Значит, подрядились, — выколачивая трубку и пряча ее в карман, произнес Тайпо. — Теперь, в случае чего, пеняй на себя!

Солнце успело уже сесть на верхушки далекого леса, и на село начали спускаться сумерки. А от сумерек до ночи, как известно, рукой подать.

Богач пошел в дом, а Кумоха взобрался на сеновал.

Про то, как Кумоха заставил Тайпо вместо одного слова говорить два

О Кумохе-лесорубе рассказывают много всяких историй. Среди них есть и такая: как он за один день сто сажень дров нарубил.

На самом деле все произошло несколько по-иному. Как? А вот как.

Первую свою ночь на дворе Тайпо Кумоха провел на сеновале.

Заря только занялась, как хозяйка нового батрака разбудила — завтрак на столе.

Бездельник Юсси еще спал — ему рано вставать было ни к чему.

— Помолимся, — сказал хозяин Тайпо, едва Кумоха взялся за ложку.

Кумоха только плечами пожал; хозяину, может, есть за что благодарить бога и попов — вон сколько добра нажил! — а работнику на бога надежда плохая. Но промолчал — подождал, пока Тайпо пробормочет молитву.

Когда хозяйка (тихая, худая, из-под платка глаза бегают, как бусинки мышинные) поставила на стол загусту — мучную болтушку — да два ломтя хлеба Кумохе подвинула, то Кумоха усмехнулся, ложку отложил.

— Я, хозяйка, ем каравай хлеба в один присест. А при такой еде и работы с меня не спрашивай.

Тайпо кивнул жене: мол, дай ему, сколько съест.

И сказал, хлебая загусту:

— Он в лес пойдет. Пока двадцать пять сажень не нарубит, там жить будет.

Кумоха кивнул головой: дескать, понял, сделаю.

В А может, уж сразу пятьдесят? — замирая от радости (того же на полгода хватит!), проговорила хозяйка.

— Он только мои приказы исполняет! — хлопнул ладонью по столу Тайпо. — А я сказал — семьдесят! И все!

Кумоха вытер последним куском хлеба миску, поглядел весело на хозяина с хозяйкой:

— Семьдесят так семьдесят. Только мне на такую работу две недели нужно.

— За две недели — сто сажень! — сказал Тайпо. — И каравай хлеба в придачу! Не исполнишь — хуже будет. Уговор помнишь? С делом не справился — еще на год у меня в работниках останешься.

Хозяйка почтительно смотрела на мужа: вот какого работника заполучил Тайпо, теперь родственники умрут от зависти!

И не удержалась, добавила:

— Да чтоб все дрова были трехвершковые, не меньше!

Юсси высунул голову с печки, радостно зачмокал: сто сажень трехвершковых дров десять лесорубов обычно целую неделю готовят, да и то, если днем и ночью работают. Это даже глупый Юсси знал.

Кумоха взял топор, шапку, положил в котомку караван хлеба, поклонился хозяевам и вышел из дома.

— Иди на Падун-озеро, — вслед ему сказал Тайпо.

Кумоха понял: возле Падун-озера все село дрова на зиму

готовит, Тайпо хочет работником похвастаться.

Но ничего не ответил хозяину, только рукой махнул: Падун-озеро так Падун-озеро, мне, мол, все равно!

...Сосед Тайпо, охотник Нийкой, выехал на Падун-озеро почти следом за Кумохой.

Но лошаденка у охотника была, такая лядащая. а Кумоха шагал так споро, что гроыхающая телега догнала Кумоху лишь тогда, когда позади осталась почти половина дороги.

— Садись, сосед, — сказал охотник.

Кумоха сел рядом с Нийкой, и телега сразу осела, заскрипела на все лады.

— Здоров ты, парень, — усмехнулся охотник.

Они проехали еще верст пять, пока Нийкой спросил:

— Правда, что хозяин тебе наказал сто сажень за две недели нарубить?

— Правда.

— О-хо-хо! — Нийкой вздохнул так тяжело, словно это ему нужно было дрова рубить.

— А ты зачем на Падун? — поинтересовался Кумоха.

— Бревна нужны для амбара, старый развалился совсем. Да еще баньку пора подправить.

Лес у Падуна был как на подбор — березы и ели дружной толпой окружали озеро. Все ладные, стройные, ровные.

Кумоха помог выбрать Нийкой самые лучшие стволы для бревен, сам их свалил, от сучьев очистил.

Пока Нийкой с одним возился, Кумоха десять приготовил.

— Да, сильный ты, парень, — качал, головой Нийкой. — Но сто сажень за две недели и тебе не по плечу.

— Там видно будет, — усмехнулся Кумоха.

Потом, уже солнце за полдень перевалило, приехал к Падуну старый знакомый Кумохи рыбак Матти, тоже за бревнами для бани.

Кумоха помог рыбаку, даже сам волокушу настроил.

Матти всегда был в движении, мгновенья не стоял на месте, весь ходуном ходил, словно сеть, набитая только что вытасченной рыбой. Мелкая сетка морщин на его веснушчатом лице то растягивалась в улыбке, то сжималась, когда Матти старался быть серьезным. Серая, с проседью борода его раздваивалась на конце, как рыбий хвост.

— Если рыба нужна будет — приезжай, — пригласил Матти.

— Я бы и сам рыбаком стал, да в лесу у меня еще дел много, — сказал Кумоха.

Потом уехал Матти, восвояси отправился Нийкой, а Кумоха зашагал по знакомой тропке к родному дому.

Ночью, когда небо уставилось на землю тысячами звездных глаз, он постучал в дверь.

Избушка закричала от кулачного удара Кумохи.

Первой проснулась сестренка Айно, закричала:

— Кумоха вернулся!

Мать зажгла лучину, вынула из печки еще горячее варево.

Отец вздыхал, курил. Кумоха понимал, что старикам любопытно: что случилось, почему богатый хозяин отпустил работника домой?

— Десять дней буду дома, — сказал Кумоха. — Все хорошо, не волнуйтесь.

Отец недоверчиво покачал головой, но промолчал.

Десять дней хозяйничал Кумоха — укрепил стены, все щели мхом проконопатил, заготовил дров на зиму, в озерце наловил сегов, а в речке усатых налимов, наладил капканы на лисиц, которые повадились в курятник наведываться.

— Ох, Кумоха, — беспокоился отец, — чую я, задумал ты богатого хозяина вокруг пальца обвести. Смотри, как бы самому в силочку не попасть — хитер Тайпо, не таких, как ты, перехитрил, потому и богатым стал.

— Кто первый, кто второй, после видно будет! — отвечал Кумоха.

— Бодришь, бодришь, да голову не теряй, — вздыхала мать.

На одиннадцатый день простился Кумоха с родными, зашагал в обратную дорогу, к Падун-озеру.

Там он два дня работал — сто трехвершковых жердей, каждая длиной ровно в сажень,

вырубил. Аккуратно разложил их на поляне, словно плот приготовил.

К вечеру четырнадцатого дня Кумоха появился возле дома хозяина.

А тот уже сидел у ворот, дымил трубкой, глаза у него были рыжие, как закат, и тут же Юсси-бездельник, хихикая без причины, подпирал плечом забор.

И сосед-охотник Нийкой выглянул на улицу: интересно, что же будет?

— Думал, хозяин, опоздаю? — весело спросил Кумоха. — И ты мне год накинешь?

Он сел рядом с Тайпо на лавку у ворот, щелкнул по лезвию топора:

— А я управился, как видишь. К сроку. До четырнадцати я считать умею, хозяин.

— Сто саженей? — спросил Тайпо.

— Ровно, — подтвердил Кумоха. — До ста я считать умею, хозяин.

— Завтра сам пересчитаю, — сказал Тайпо, встал с лавочки, пошел к дому, важный, маленький, в высокой шапке, из трубки дым валит.

Охотник Нийкой весело подмигнул Кумохе: молодец, парень! Придумал что-то, хитрец! Такой работник хозяину спуска не даст!..

На следующее утро Тайпо с Юсси и Кумоха поехали к Падун-озеру. За ними затарахтел на своей тележке и Нийкой-охотник.

— Еще два бревна моих там остались, — сказал он, наткнувшись на вопросительный взгляд хозяина.

Кумоха сидел впереди, держал в руках вожжи. А отец и сын Тайпо расположились сзади, на сене.

Богатый хозяин доволен: его новый работник всем нос утер! Даже хорошо, что сосед Нийкой следом едет: будет кому порассказать о ста саженях!

— Едем? — спрашивает Юсси.

Тайпо пожимает плечами.

— По лесной дороге? — снова спрашивает Юсси.

Телегу трясет на корнях, колеса скачут, как зайцы.

— На Падун-озеро едем?

Юсси лежит, в небо смотрит. В небе ни облачка и в глазах у Юсси пусто.

Кумоха тихо смеется: умный сын растет у богатого хозяина!

Остановились по другую сторону Падун-озера.

Кумоха повел Тайпо и Юсси через бурелом, меж больших старых камней. Охотник Нийкой зашагал следом: ему, длинноногому, привычно шагать без усталости, а Юсси еще версты не одолел, как захныкал, начал себя за тощую бороду дергать.

Тайпо два раза его трубкой в спину, как шилом, ткнул — замолчи, мол, людей постыдись. Но разве Юсси утихомиришь если он разошелся:

— Я хочу назад, в телегу... Там сено... Там мягко!

Тайпо свирепел с каждым шагом, лицо его становилось все краснее и краснее, борода прыгала, словно хотела оторваться, глаза из рыжих стали алыми.

Наконец Кумоха вывел хозяина на полянку, устланную саженными жердями.

— Сто саженей, — сказал Кумоха.

— Где дрова? — удивленно спросил Тайпо.

— Где? — повторил Юсси, шаря глазами по порубкам.

— Какие дрова? — Кумоха смотрел на хозяина во все глаза.

Лицо Тайпо из красного стало бурым, потом серым, потом пожелтело и пожухло, затем снова вспыхнуло, сделалось оранжевым, как пламя. Рыжие глаза Тайпо на этом пылающем фоне казались почти белыми. Борода отплясывала дикий танец.

— Приказано было нарубить сто саженей, — почтительно произнес Кумоха. — Вот они

— сто штук жердей, каждая длиной в одну сажень. Это хозяйка говорила мне что-то о дровах, но ведь я никого, кроме вас, не слушаю, хозяин, верно?

Нийкой, который- впервые слышал от Кумохи такую длинную речь, даже рот раскрыл: вот тебе и батрак! Как обвел богатого хозяина!

— Даже мой Юсси и тот понимает: раз я говорю сажень, то это значит сажень дров! — закричал Тайпо.

— Но вы-то о дровах как раз ничего и не сказали, хозяин, — вздохнул Кумоха.

Нийкой засмеялся, глядя на Тайпо, у которого лицо в этот момент стало таким же бессмысленным, как у Юсси.

— В другой раз будете говорить яснее, хозяин! — Кумоха поклонился низко, почти в пояс, чтобы скрыть свою улыбку.

— Ну ладно, — сказал Тайпо и сунул кулаком Юсси под ребро. — Пошли!

— Авой-вой! — закричал Юсси.

Но хозяин даже не оглянулся, быстро зашагал вокруг Падун-озера к телеге.

— Обиделся почему-то! — простодушно произнес Кумоха и развел руками.

За Тайпо заковылял Юсси, за ним — охотник Нийкой.

Кумоха двинулся последним — работник всегда должен знать свое место.

Про то, как Кумоха строил новый амбар и что из этого вышло

Известно: язык на замок и кузнец не запрет.

Длинноногий Нийкой не поленился, все село обошел, всех рассказал о том, как новый батрак Тайпо посмеялся над жадным хозяином.

— Теперь Тайпо будет разговаривать, как все люди, — улыбались крестьяне. — А то всегда приходится ломать голову: что он буркнул? Думает, раз денег у него много так и слово его дороже золота. Смелый парень этот Кумоха, не испугался богача.

Тайпо сидел на лавке, положил ладони на колени коротеньких ножек, мрачно смотрел на притихшую жену и сына. Борода дергалась, будто ее трепал кто-то невидимый.

Он и не выходя за порог знал, что сейчас происходит в селе, кто и как над ним смеется, кто и что говорит.

«Если я не придумаю такой работы, с которой этот проклятый лесоруб не справится, надо мною будет смеяться не одно село, а Карелия... вся... — Тяжелые, как мельничные жернова, мысли крутились в голове богача. — Какую бы работу Кумохе на завтра дать? Какое непосильное дело придумать?»

Жена и сын сидели тихо, боялись слово проронить — хозяин, когда сердился, тишину любил.

Начало смеркаться. Тайпо вышел на улицу. Долго смотрел в небо: мерцание звезд всегда успокаивало его.

Со двора соседа Нийкой тянуло запахом свежих бревен, припасенных для стройки амбара.

«А почему бы посреди моего двора не поставить большой сарай? — вдруг осенило Тайпо. — Вот дело для Кумохи! Пусть-ка за день, один, без посторонней помощи, сруб поставит, крышей покроет, сделает все, что положено... Нийкой вон уже две недели амбар строит, а тут за один день... От восхода солнца до захода!..»

Тайпо сразу повеселел и даже ударил себя ладонями по бедрам, как курица, которая, не сходя с места, хлопает крыльями.

— Скорее пустая трубка задымит, чем работник перехитрит хозяина! — пробормотал он любимую поговорку. Пусть этот чурбан Кумоха узнает свое место!..

Утром хозяин подробно растолковал Кумохе, что тому следует делать.

.. — Понял? — спросил Тайпо, попыхивая трубкой.

— Понял, — ответил Кумоха. — Все понял. Только вот не знаю, как срубы вяжут. Ведь я, хозяин, простой работник, лесоруб, строить не подряжался.

— Ты смотри, что сосед Нийкой делает, и делай то же самое! — приказал Тайпо. — Невелика премудрость.

А сам подумал:

«Нийкой едва-едва шевелится. На него глядя, Кумоха и за неделю не управится со стройкой!»

— Мастер имеет право испортить половину работы, подмастерье— чуть-чуть, а ученик — ничего. Знаешь эту поговорку, а, Кумоха? — хитро прищурил рыжий глаз Тайпо.

— Слышал, хозяин, — ответил Кумоха. — Не дело портит человека, а человек дело.

— Ну, так с богом! — сказал Тайпо, вскочил на своего мохнатого конька и поскакал прочь со двора.

Юсси уселся на корточках возле дома, жевал хлеб с медом и жмурился под солнечными лучами, как кот. Очень интересно, как этот чурбан Кумоха возьмется за дело!

Охотник Нийкой слышал из-за забора весь разговор работника с хозяином. Он не спеша обтесывал бревно, хитро поглядывая на торчащую над забором золотоволосую голову Кумохи.

— Тебе, парень, приказано делать все, что делаю я. не забывай! — сказал он.

Кумоха лишь головой кивнул. И тихо, шевеля одними губами, чтобы Юсси не слышал, проговорил-прошелестел:

— Ты бы, охотник, сегодня чем-нибудь другим занялся— Не постройкой...

Нийкой несколько мгновений удивленно смотрел на Кумоху, потом улыбнулся:

— Молодец, парень! Верно. Другое дело у меня найдется!

Кумоха отошел от забора, бездельник Юссн подошел к старым, сухим бревнам, лежащим возле сеновала, пнул их ногой:

— Что-то ты не торопишься, строитель!

— Не подходи ко мне близко, молодой хозяин, — ласково молвил, Кумоха, — а то я тебя, не ровен час, либо бревном, либо топором задеть могу.

Юсси торопливо убрался на безопасное расстояние.

Кумоха внимательно следил, что будет делать Нийкой.

Охотник тем временем залез на крышу своей избы и начал ее разбирать. Дранка летела, как пух с птицы, которую ощипывают.

«Вот что придумал! — обрадовался про себя Кумоха. — Сейчас и я с дома крышу сброшу».

Сняв с сеновала лестницу, Кумоха приставил ее к стене дома Тайпо и забрался на самую верхнюю ступеньку.

Юсси удивленно таращил свои голубые глаза, утирал мед с усов.

Ухватив обеими руками один из шестов — решетину, на которых держалось драночное покрытие кровли, Кумоха так его рванул, что пол крыши сразу стало дыбом.

В доме послышался грохот — напуганная хозяйка, видимо, уронила что-то.

Вторым рывком Кумоха сорвал с крыши добрую половину кровли. Стали видны чердачные балки.

— Что же ты делаешь, черт лесной?!—выскочила из дома хозяйка. — Спятил, что ли?!

Она так дернула за лестницу, что если бы не решетка, за которую Кумоха держался, то он бы свалился на землю.

— Потише, хозяйка, — сказал Кумоха спокойно. — Что приказано, то и делаю. И не мешай мне, а то я что-нибудь неположенное разворочу, тогда ты будешь перед хозяином ответ держать!

— Авой-вой-вой! — заголосила хозяйка. — Без дома нас этот дьявол оставит! Из-за него по миру пойдем! Чего ты, Юсси, смотришь? Нищими останемся, сынок, как есть нищими!

— Я что... я, как отец... — забубнил Юсси. — Откуда я знаю?

— Эй, хозяйка! — крикнул со своей крыши охотник Нийкой. — Тайпо приказал Кумохе делать все, что я делаю. Я думал было с утра-то амбар строить, а теперь решил крышу перебрать...

Кумоха так рванул вторую решетину, что сразу распахнулась половина крыши. Издали теперь дом богатого хозяина напоминал большого толстого глухаря, поднявшего одно крыло.

Хозяйка метнулась к Нийкой:

— Сосед, слезайте с крыши, тогда и наш чурбан на землю спустится! Нийкой, я же всегда тебе добро делала! Помнишь, два года назад кружку квасу тебе дала? Сосед, ну иди сюда, сделай милость, я тебя киселем угощу!

Нийкой продолжал сшибать со своей крыши дранку за дранкой.

— Сосед, ты что, оглох? — уже со злобой закричала хозяйка. — Ведь наш работник весь дом разнесет в пух и прах!

Кумоха дернул за решетины, крыша крякнула, затрещала.

Возле дома богача уже собралось много жителей села. Ребятишки, как пчелиный рой, повисли на заборе. Старухи вышли из церкви. Несколько телег остановилось. Все молча, с удовольствием, наблюдали, как трещит крыша Тайпо.

— Нийкой, я тебе заплачу хорошо, только слезай на землю! — кричала хозяйка. — Рубль тебе дам!

— Десять, сказал Нийкой и отколупнул топором дранку.

— Пять! — взмолилась хозяйка.

Кумоха дернул за крышу что есть мочи, и она ходуном заходила в его ручищах.

Хозяйка застонала.

— Черт с тобой, длинноногий! — обреченно молвила она. — Только слезай с крыши!

Охотник легко соскочил на землю, подошел к забору:

— Тащи десять рублей, хозяйка, а не то я снова примусь за дело! Дранка-то у меня совсем обветшала!

Хозяйка, кляня на чем свет стоит Кумоху и Нийкою, бросилась в дом.

Кумоха, поглядев на охотника, тоже слез на землю.

— Крышу ломал? — с любопытством спросил Юсси.

— Ломал, — ответил Кумоха, расправляя плечи.

— И на лестнице стоял? — удивился Юсси.

— Стоял.

— А лестницу с сеновала брал?

— Брал.

— Зачем? Чтобы крышу ломать?

— Ну да!

— Ага! — задумался Юсси.

Выбежала из дома хозяйка с деньгами, передала их Нинкою:

— Подавись ими, соседушка дорогой! Лезь снова на свою крышу и прибивай дранку, тогда и наш чурбан крышу на место вернет.

— Спасибо на добром слове, — поклонился охотник, убирая деньги в карман, — только такого уговора не было.

На улице смеялись даже глухие старушки.

— Ладно, Тайпо приедет, разберется! — Хозяйке было стыдно оставаться на дворе, она юркнула в дом.

Нийкой сел на бревна отдохнуть.

Кумоха тоже уселся — по другую сторону забора. Теперь они хотя друг друга и не видели, но разговаривать могли свободно.

— Хорошо поработали, лесоруб, — сказал Нннкой.

— Хорошо, охотник, — согласился Кумоха. — Э-э. а куда наш Юсси подевался?

— Юсси убежал? — спросил из-за забора Нийкой. — Сейчас узнаем куда...

Он подошел к своему плетню и спросил сидящих на противном а Тайпо зрителей:

— Юсси-то куда побежал?

— Побежал, — ответил один голос.

— К лесу, — добавил второй.

— Верно, за хозяином побежал, — уточнил третий.

...До заката оставался еще час времени, когда прискакал Тайпо.

Еще издали заметив крылатую крышу своего дома, он заскрипел зубами и ударил ни в чем не повинного конька.

И все же, пока он скакал по селу, каждый встречный норовил хоть словечко сказать богачу:

— Дров на всю зиму заготовил, новый дом будешь строить?

— Ох, хорошего работника раздобыл, Тайпо!

— Пойду-ка и я сломаю свою крышу, раз уж самому Тайпо крыша не нужна.

— Много у тебя денег, Тайпо, даже соседям раздаешь!

— Жалко, я не сосед твой, ох как деньги нужны!

Тайпо влетел во двор, соскочил с коня.

Хозяйка вышла из дома и заплакала. Кумоха взял коня под уздцы, повел к конюшне.

— Ты же приказал ему делать все, как сосед, а сосед начал крышу разбирать, — сквозь слезы проговорила хозяйка. — Я Нийкою десять рублей дала, а то бы он после крыши за стены принялся...

Кумоха простодушно улыбнулся:

— Все делал так, как ты наказывал, хозяин.

— Тьфу! — плюнул Тайпо и пошел в дом. По дороге остановился, оглядел крышу, лицо кровью налилось.

— Обиделся почему-то хозяин! — пожал плечами Кумоха.

— Сейчас же все сделай, как было! — с порога сказал Тайпо Кумохе. — Поставь крышу на место.

...Когда запыленный и усталый Юсси приплелся домой, то крыша уже стояла на месте, словно с ней ничего и не случилось.

А перед домом на лавочке сидели охотник Нийкой и Кумоха.

— Сидите? — спросил Юсси.

— Угу, — ответил Нийкой.

— Просто так? — продолжал Юсси.

Кумоха пожал плечами.

— Я отца нашел, все ему рассказал. А он меня бросил, домой поскакал!

— Иди, тебя мать заждалась, — сказал Кумоха. — Да и загуста стынет.

Юсси довольно зачмокал губами и поплелся в дом.

— Вот твои десять рублей, — проговорил Нийкой, передавая деньги Кумохе, — заплати ими долг отцовский. Если бедняк бедняку не будет помогать, то кто же нам тогда поможет? А?

Про то, как киндасовцы лодку строили и рыбу бражской поили

Тайпо не спал, глядел в потолок.

И хозяйка не спала, глядела в потолок.

Только усталый Юсси спал как убитый, сжимая в пальцах блин: он схватил его с тарелки, пожадничал, а съесть не смог — заснул.

— Может, напечь блинов на все село? — сказала хозяйка. — Тогда все нас будут благодарить и никто не будет смеяться.

— Теста не хватит, чтобы все рты замазать, — сказал Тайпо.

— Что же делать?

— Избавиться от Кумохи.

— Ты хочешь простить ему все долги и отпустить его домой? — испугалась хозяйка. — Чтобы опять он смеялся над нами? Нет, его нужно погубить.

— Тсс!.. — зашипел Тайпо. — Спи! Я, кажется, надумал, как быть!..

И утром он объявил Кумохе, что посылает его к Синей ламбе, к озеру, где пасется стадо Тайпо и где зверствует большой серый медведь.

— Пять лучших коров задрал, разбойник, — вздохнул богач. Пастухи боятся на лесные луга выходить... Поймай серого медведя, покажешь мне его шкуру. Тогда я тебе все долги отцовские прощу и домой отпущу. А не поймаешь — пеняй на себя.

— Ладно, поймаю, — добродушно согласился Кумоха. — Какой срок даешь, хозяин?

— Недели за глаза хватит, — буркнул Тайпо. — Сегодня же отправляйся...

И рыжие глаза, как тараканы, поползли в разные стороны, забегали.

...Кумоха любил шагать по лесным тропам.

Ветерок тебя подталкивает, солнце греет, лес дышит прямо в лицо травами, прелью листьев, хвоей.

Вот желтым фонариком вспыхнул лист среди зелени — первый лоскут осени.

Вот блеснула гибкая спина ручья, заиграла под солнечными лучами, заискрилась, как драгоценный мех.

Вот утес, как корабль; из сосен навстречу плывет. А под ним озерко — ламба, и по воде облака плывут, как по небу, — » такая вода тихая, не шелохнется.

Вот лось купается в лесном озере, фыркает, пузыри пускает, рыбу пугает.

Вот старый валун весь в мох, как в шубу, закутанный. А из валуна, из трещины в камне, к солнцу молодая березка тянется.

Вьется лесная тропка и с каждым поворотом новые чудеса путнику дарит.

То тетерева и куропатки пасутся на полянах, усыпанных морошкой.

То беззаботный заяц поперек тропы улегся спать.

То рыжая лисица рыбу ловит в ручье.

То шустрые белки шишками швыряются.

То белые грибы всем семейством на полянку выбежали, то вороны пошли по ягоды, то

заохает, заушает в чащобе кто-то. И сладко на душе, и боязно!

Шагал Кумоха, шагал, тропка крутанулась раз-другой и вывела его к пенькам, недавней порубке.

А на одном из пеньков, скрутив кренделем ноги, сидел Нийкой и спокойно трубку свою тоненькую покуривал. На коленях у него лежало ружье, котомка с припасом возле пенька стояла.

Кумоха удивленно на Нийкой поглядел: откуда он тут взялся?

— Отдохнем, ловец медведя, и дадим спешке пройти мимо, — сказал охотник.

Кумоха лег на теплую, прогретую солнцем траву:

— Конец одного дела — начало другого. Но это последнее — так сказал хозяин.

— И послал тебя с топором на медведя? — усмехнулся Нийкой. — Твое счастье, парень, что мне тоже нужно в те края, к Синей ламбе.

Сразу стало весело на душе у Кумохи: теперь он не один на медведя пойдет, друг ему поможет!

— Медведь этот потому серый, что уже от старости поседел, — рассказал Нийкой. — Его все боятся — хитрый, не поймашь. Сколько охотников за ним гонялось — никому не дался. В лесу еды много, а ему корову подавай... Какие луга на Синей ламбе! А нынче пастухи туда боятся стада водить!

— Мой топор не хуже твоего ружья, — сказал Кумоха. — Смотри!

Он вынул, из-за пояса топор, не целясь, с размаху бросил его в тоненькую сосенку, стоящую шагах в двадцати. Топор срубил сосенку под корень.

— Ого! — запыхтел трубкой Нийкой. — Ружья, пожалуй, тебе и не надо, но совет охотника не помешает!

Кумоха понял: когда все село узнало, что его послал богатый хозяин на Синюю ламбу за медведем, то Нийкой пошел следом и более короткой тропкой — охотники свой лес лучше всех знают! — вышел сюда раньше Кумохи. Хороший друг! Пусть медведь будет хоть в сто раз хитрее — теперь его песенка спета!

Когда на другой день Нийкой и Кумоха пришли на Синюю ламбу, уже вечерело. На западной кромке неба еще мерцали угли заката, как отблески дальнего костра.

Первым, кого они там встретили, был рыбак Матти. Веснушчатое бородатое лицо его было заполнено радостной улыбкой.

На берегу озера рыбаки сушили сети.

Горели два костра: на одном варилась уха, над вторым висел котел с грибами.

— Уха надоела, — сказал длиннородый худой рыбак Мокки. — Грибами решили побаловаться. Грибов много в этом году.

— А нам ушица сейчас в самое врем я, — улыбнулся Нийкой. — Весь день шаньги жевали, по горячему стосковались.

За ухой согрелись, разговорились.

Оказалось, что Матти и Мокки рыбачат сейчас мало, а больше промышляют карельским жемчугом. Ракушки-жемчужницы «перловицы» живут под порогами речушек и ручьев. Матти и Мокки вылавливают их черпаками, вскрывают, иногда находят жемчужины.

— Сегодня одну темно-серую нашел, — хвастался Матти. — И пять розовых. Если повезет, черная попадется!

— Ты хоть бы одну показал, — сказал длиннородый Мокки. — А то только с языка жемчуг у тебя и сыплется.

Если тебе показать мою добычу, — засмеялся Матти, — то ты начнешь завидовать, потеряешь аппетит, умрешь от голода, и к останусь здесь в лесу один, без друга. Зачем же

мне тебе их показывать?

Когда уха была съедена, дошла очередь и до серого медведя.

— Говорят, баня силу прибавляет, — сказал Мокки. — А вот медведь никогда в баню не ходит, а сильнее всех в лесу.

— В одной сказке прямо говорится, что человек сильнее медведя только потому, что парится два раза в неделю! — вспомнил Матти.

Все сошлись на одном: с серым медведем шутки плохи.

— Может, он заколдован? — предположил Мокки.

— Просто среди медведей он богатый хозяин, — сказал Матти, — такой же, как Тайпо среди людей. А богатого хозяина так просто не проведешь!

— И медведи иногда над людьми, смеются, — произнес Нийкой. — Над Тайпо серый смеялся не раз, пусть теперь над нами попробует посмеяться.

— Недалеко, на Мокром лугу, колоды пчелиные стоят;— сказал Матти серьезно. — Их хозяин — младший брат вашего Тайпо. Родной брат. Он тот купец, которому мы и рыбу отдаем, и жемчуг. При пчелах работник живет — в шалаше. И две собаки. Но серый медведь их не боится, часто наведывается.

— Мед-то кто не любит, — вставил слово длиннобородый Мокки.

— Много там пчел? — спросил Кумоха.

— Было колод пятнадцать. Осталось пяток, не больше. Все разорил серый! — вздохнул Матти. — Ни собак не боится, ни работника! Хитрый: притащит колоду с пчелами к берегу дамбы, утопит и ждет, когда все пчелы захлебнутся. Тогда вытаскивает колоду, разгрызет ее, как орех, и мед жрет.

Кумоха задумался: мед — приманка хоть куда!

— Коров режет, разбойник, — добавил Мокки. — Будто и пастухов при них нет, вот какой!

— Хорошо еще, что в сети не заплывает! — засмеялся Матти. — А то бы нам пришлось уходить отсюда!

Его толстая короткая трубка фыркнула искрами.

Нийкой кивнул на задумавшегося Кумоху:

— Погрустнел наш работник! Серый-то не так прост, это тебе не богатого хозяина объегорить!

— К одному хозяину богатому нанялся работник ну вроде тебя, Кумоха. Матти пошевелил палкой угли в костре, отставил котелок с грибами;—Лето работал, зиму работал, год прошел. Он расчета у хозяина требует. А хозяин поклонился ему и говорит: «Спасибо». Работник удивился: «Как так? Хозяин все свое твердит: «Мы об уплате прежде не договорились, вот и получай «спасибо». А хочешь заработать, оставайся еще на год». Работнику что делать? С пустыми руками домой не пойдешь! Остался. На другой год опять о расчете речь идет. И опять хозяин ему: «Спасибо». Работник не знает, что делать. Пришлось опять на год оставаться. Ну и что, думаете, получил он? Снова то же: «Спасибо». Да еще — с низким поклоном... Про эти «спасибо» ни одна душа не знала, иначе к богатому хозяину никто бы и работать не пошел. Наоборот думали: раз богатый, значит, и работнику перепадет что-то. Три года — не один день! Вот работник идет к торговцу лошадьми и говорит: «Продай мне коня, а я тебе за него треть того, что у богатого хозяина заработал, отдам». Ударили они по рукам, уговорились, что лошадиник коня сам во двор к богатому хозяину приведет — работник-то пока еще там жил... Дальше он идет к купцу. «Если, говорит, мне телегу хорошую подберешь да упряжь, то я тебе за это треть того, что заработал, отдам». Сговорились. Идет работник к сапожнику, заказывает себе самые лучшие сапоги. «Все,

говорит, что за год заработал, тебе отдам за них. Но чтоб сапоги была царские!» Вот в назначенный день приводят работнику коня, телегу с упряжью везут, сапоги несут. И богатый хозяин тут же стоит, усмехается. Работник сапоги надел, коня в телегу запряг. «Давай рассчитываться», — говорят ему купец, лошадаик и сапожник. А он им: «Спасибо, спасибо, спасибо!» Ударил по коню да и уехал. Богатый хозяин смеется: «Все верно вам мой работник сказал, он за три года три «спасибо» от меня получил. Хорошо, что догадался, как эти «спасибо» в дело пустить!» Так и пошли купец, лошадаик да сапожник ни с чем по домам. Смотри, Кумоха, как бы тебя богатые хозяева за службу одним «спасибо» не наградили!

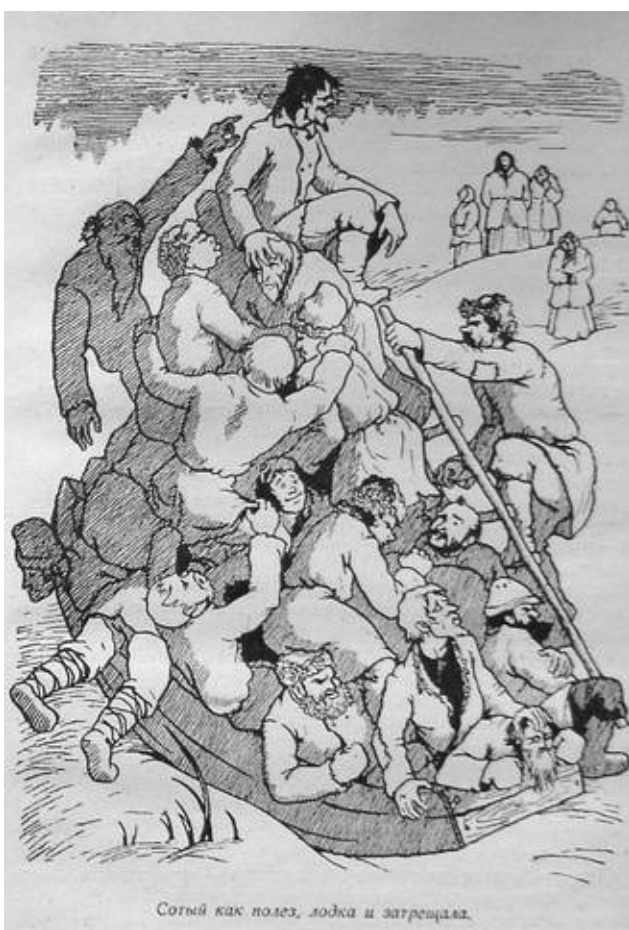
— Богатые хозяева все одинаковы: яйцо подарят — курицу возьмут, — проговорил Нийкой. — Ты бы, Матти, лучше что-нибудь рыбацкое рассказал.

— Матти много историй знает, — подтвердил Мокки. — Расскажи, Матти, как киндасовцы от жажды чуть не умерли.

— Село Киндасово есть, слышали? — начал Матти, закуривая трубку. — Так вот, поехали двое мужиков оттуда на озеро рыбу ловить. День жаркий. Они сели на бережок, забросили удочки. Сидят. А солнце печет! Мужикам пить хочется. Дальше — больше. Совсем не вмоготу стало. «Пить хочу», — один говорит. Другой отвечает: «Вот до дому доберемся, тогда попьем. Забыли с собой-то воды взять». Сидят дальше. Солнце печет. Ну так пить хочется, просто до смерти! «Как же. мы воды-то не взяли?» — говорит один; А другой до того измучился — и говорить не вмоготу. Только хрипит: «Пить... пить... пить...» Прошло время, солнце еще на небе, второй мужик тоже лег, рядом с первым. Слова уже сказать не может — все слова во рту высохли. Так и лежат оба на берегу. А удочки в озере плавают — не до удочек им. Тут шел мимо рыбак. Видит — лежат мужики. Потряс их, спрашивает: «Вы чего?» А они свое: «Пить... воды...» — «Ну так пейте, чего же вы?» — удивился рыбак. «Чего пить-то?» — спрашивают. «Как — чего? Да вы возле воды лежите!» Тут рыбак догадался, что мужики из Киндасова. Тогда он их сам носами в воду окунул — так от смерти и спас.

— А у меня кум живет в Киндасове, — обиженно сказал Мокки. — И ничего. Мужик как мужик. С головой.

— Так это просто для примера выбрали Киндасово, оправдываясь, улыбнулся Матти. — Ну, может, все это и не у них было...

Сотый как полез, лодка и затрещала.

— Да чего там! — махнул рукой Нийкой — Всякий в Карелии знает, что киндасовцы чудить любят... Как они лодку строили, помните? Сколотили плоскодонку зимой. Стали ее на берегу пробовать: сколько народа она выдержит? Тридцать сели — держит. Сорок сели — держит. Девяносто девять набилось — держит. Сотый как полез, она и затрещала. Так и решили: держит лодка девяносто девять человек. Когда весной лед ушел, лодку на воду спустили. И все сразу девяносто девять в нее прыгнули. И лодку утопили, и сами едва не утонули. Одно слово — киндасовцы.

— А вот вот мой кум мужик толковый, — не-сдавался длиннобородый Мокки. — Хоть и в Киндасове живет.

— Про то, как киндасовцы пьяную рыбу ловили, рассказать? — спросил Матти. И, не дожидаясь согласия, продолжал: — Наварили киндасовцы. бражки да пива. Гостей ждали. Много наварили. А гости не приехали. Вот пили бражку киндасовцы, пили. Не могут всего выпить. Ну известно: вино — в голову, ум — в пятки. Кто-то говорит: «Мы сами пьем,

а другим не даем. Рыба, может, в озере тоже пить хочет...» И давай в яму, что под утесом, возле берега, бражку лить, пиво — все, что осталось. В той яме много всякой рыбы водилось, она от этой бражки опьянела. Чуть сама на берег выбрасываться не начала. Бабы ее в корзины, а мужики не дают, кричат: «Мы с ними с одних котлов пили, друзья, значит! А вы друзей на сковородку? Не дадим друзей жарить, даже в сметане!» Так, рассказывают, подрались, что чуть полсела не спалили, вот что было!

— А у меня кум в Киндасове живет, мужик с головой, — продолжал твердить Макки. — И село хорошее.

— Про то, как пчел там выводили, слышал? — спросил неугомонный Матти.

— Не продаст ли мне брат нашего Тайпо своих пчел? — спросил вдруг Кумоха. — Я ему за то, что от пасеки осталось, десять рублей дам.

— Десять рублей? — удивился Матти. — За пять колод с пчелами? Да и то, их пять было третьего дня. Серый, может, за это время еще пару разломал...

— Мне и трех хватит, — сказал Кумоха. — Только продаст ли?

— Завтра с утра поплывем на тот берег, поезжай с нами, — посоветовал длиннорылый Мокки. — Младшего Тайпо увидишь, поторгуешься.

Рыбаки подгребли угли в одну сверкающую кучу, стали, устраиваться на ночлег. Потеснились, дали место Кумохе и Нийкою.

Угли мерцали, легкие порывы ночного ветерка то делали их ярко-оранжевыми, то красными, то розовыми, то желтыми. Постепенно огни углей становились все слабее, все глуше, и вот уже лишь кое-где остались маленькие лоскутики темно-красного цвета.

Про серого медведя, рыбацкую сеть и якорную цепь

Ночью Кумоха два раза просыпался — ему казалось, что кто-то, тяжело ступая, бродит совсем рядом по берегу. Он прислушивался, но все было тихо. Серой холстиной полз туман из низинки. Звезды на небе становились тусклее.

Кумохе уже ясно было, как можно перехитрить, одолеть серого медведя. Вот только бы купить пчел у брата богатого хозяина!..

Но. все произошло легко и просто: брат Тайпо, такой же приземистый и рыжеглазый, долго крутил десять рублей в своих коротких пальцах, смотрел сквозь них на солнце, зачем-то нюхал, теребил редкую бородку. Видно, странно ему было видеть такие деньги у простого работника.

— Ладно, бери пчел, — сказал он наконец. — Только там, кажется, уже две колоды осталось... Остальные серый разбойник разворотил...

Когда Матти с Мокки приплыли с Кумохой и Нийкою на пасеку, то целых колод действительно оказалось лишь две.

Испуганный пасечник еще два дня назад, оказывается, удрал вместе с собаками, и серый медведь мог хозяйничать здесь, как ему вздумается.

Он сюда приходил этой ночью, — сказал Нийкой, внимательно рассмотрев следы. — И прошлой ночью тоже...

— Мед все любят, — облизнулся Матти.

— Он и сегодня придет. Тут мы его и встретим! — обрадовался Нийкой. — Медвежьи пули я с собой захватил.

— Пуля — это уж на худой конец. — Кумоха обошел разрушенную пасеку. — Нужно его живьем взять, чтобы богатому хозяину деваться было некуда!

Матти переглянулся с Мокки, потом оба посмотрели на Нийкою: парень в своем уме?

Но Нийкой знал Кумоху лучше, чем рыбаки: что парень задумал, то сделает, на него положиться можно.

— Что тебе для этого нужно? — спросил он Кумоху.

Кумохе нужно было многое: котел для варки медовухи, якорная цепь, крепкая большая сеть.

Матти и Мокки целый день бороздили тихую воду Синей ламбы, доставляя Кумохе и Нийкою то одно, то другое.

Медовуха получилась крепкой — ее варили уже на старой бражке, которую привез длиннорылый Мокки из своего села. На нее еще пришлось израсходовать весь мед одной из оставшихся колод.

Когда Матти, не удержавшись, зачерпнул медовуху ложкой и пригубил, то так скосорожился, что Кумоха испугался: как бы сеть морщинок у рыбака на лице не порвалась!

Веснушки и те из желтых стали сразу темно-коричневыми.

— У-ух какая медовуха! — сказал. Матти. — Даже жалко ее медведю скармливать! Выпьем ее сами!

— Медведь не придет на пасеку, если человеческий дух почует, — объяснил Нийкой. — Все приготовления нужно делать подальше отсюда. А когда будем котел с медовухой тащить, то руки и ноги рыбьей чешуей измажем, пусть все рыбой пахнет — рыбу медведи любят...

Медовуха была доставлена на пасеку с соблюдением всех охотничьих правил.

Котел закопали в землю так, что, казалось, будто посреди поляны появилась яма, наполненная сладкой, пьянящей жидкостью.

— Ночью ветер будет дуть с этой стороны, — показал Нинкой, — значит, нам нужно спрятаться вон там, на деревьях. Высоко, верно. Но слезать оттуда можно будет не спеша. Ведь если серый попробует медовухи...

— А если не попробует? — спросил Матти. — Может, он сегодня не придет сюда?

— Тогда придется варить ее снова, — вздохнул Нийкой. — За ночь она выдохнется, станет обычным киселем. Комар выпьет, и у того голова не закружится.

— Ладно гадать, — сказал Кумоха решительно. — Показывай, друг, где нам сидеть, чтоб серого не спугнуть.

Рыбаки притащили две сети, длинную толстую якорную цепь.

Уложили всё на берегу — рыбацким хозяйством медведя, который бродит вокруг ламбы, не спугнешь.

Нийкой внимательно следил, чтобы все пахло только рыбой — и цепь, и края котла, и каждый след ноги.

Друзья пожевали сухие шаньги, которые оставались еще у охотника в котомке, и полезли на деревья.

— Не свалитесь, если задремлете! — предупреждал Нийкой. — Привяжитесь к суку чем-нибудь! С этим медведем шутки плохи: раз, два — и... Видели, что он сдѣлал с пчелиными колодами? Разгрыз их, как орехи!

Ночь тянулась томительно, бесконечно. Казалось, что и звезды зажигаются на небе медленнее обычного. И туман ползет не так и не туда. Сова почему-то никак не проснется, словно еще день не кончился. А рыба будто заснула вся — не плещется в ламбе.

В эту ночь медведь на пасеку не пришел.

На следующий день пришлось снова варить медовуху — на это ушел весь мед из последней колоды.

Днем спали по очереди: всех снова ждала бессонная ночь.

В сумерках все повторилось — бегал по берегу Нийкой. следил, чтобы не осталось «человечьего запаха», закапывал котел; устраивались на деревьях поудобнее.

Серый появился после полуночи. Его не было видно. Только кусты зашелестели, да жужжали тревожно уцелевшие пчелы в колодах.

Медведь обошел пасеку. Что-то, видно, ему показалось подозрительным. Он петлял среди колод, потом прошел прямо под сосной, на которой сидел Кумоха. Серый показался Кумохе очень большим, длинным.

Пчелы сонно жужжали. Медведь ушел в лес, потом снова вернулся. Он пыхтел, отдувался, как человек после тяжелой работы.

Раздалось громкое чавканье — наконец-то он добрался до медовухи. Хлебал ее с удовольствием. Громко чмокая, захлебываясь, отфыркиваясь. И котел звенел от медвежьих когтей, словно серый хотел разодрать его стенки, раздвинуть их.

Неожиданно чавканье стихло. Медведь снова, на этот раз урча и взреывая, прошел по

пасеке. Потом опять вернулся к медовухе.

Через некоторое время раздался звон котла — медведь вырыл его и катал по пасеке. Котел стучался о колоды и пни, гудел и бухал, как колокол.

Затем все стихло. Стало так тихо, что можно было сосчитать, сколько пчел еще никак не могут успокоиться.

Первым слез на землю охотник Нийкой. Держа ружье наизготовку, он двинулся к пасеке.

Кумоха соскочил с сосны так грузно, что Нинкой чуть к нему не бросился — принял его за медведя.

Матти и Мокки слезать не торопились.

— Где ж он? — спросил Нийкой, выйдя на середину полянки.

Может, он ушел спать домой? — предположил Кумоха. — Некоторые медведи любят спать в привычных местах. Как и люди.

— Он же выпил пять ведер медовухи! — прошептал Нинкой. — Ты после пяти ведер найдешь дорогу домой?

— Не пробовал, — сознался Кумоха.

Нийкой двинулся по медвежьим следам. Уходя, медведь уже не соблюдал правил лесной предосторожности и ломился сквозь кусты напрямик. За ним идти было легко. Матти с Мокки и те приободрились.

— Возвращайтесь за цепью и сетью! — сказал рыбакам Кумоха.

— Погодите, — остановил их Нийкой. — Сначала мы должны узнать, где он.

Охотник оказался прав: медведь, обойдя по берегу почти пол-озера, лег спать невдалеке от того места, где Кумоха и Нийкой встретились с рыбаками и провели первую ночь.

Медведь спал беспробудно, раскинув лапы и вывалив язык.

— Сверху он мне показался больше, — сказал Кумоха.

— У страха глаза велики, — пояснил Нийкой. — Мне он тоже казался величиной с лошадь.

Охотник остался его караулить, а Кумоха отыскал лодку и поплыл за рыбаками.

Вскоре они привезли сеть и цепь.

— Мне сети не жалко, — сказал Мани, — Кумоха, в случае чего, новую купит. Но как мы медведя в нее будем заматывать? А если он проснется?

— Пулю он получит, вот что! — размахивая ружьем, произнес Нийкой.

— Я его буду ворочать! — распорядился Кумоха. — А вы заматывайте!

Расстелили сеть. Кумоха поднатужился и закатил в нее медведя. Серого запеленали в сеть, оставив свободной только голову.

Когда же Кумоха начал завязывать у серого на шее цепь то Матти стоял рядом и показывал, как вяжется морской рыбацкий узел.

Вдруг Матти отскочил, как кузнечик, шагов на десять и закричал:

— Он на меня смотрит!

Кумоха увидел, что медведь раскрыл глаза, мотнул головой.

Цепь, которая еще не была завязана, звякнула и начала тихонько ползти вниз.

— Стреляю! — крикнул Нийкой. — Отойди, Кумоха!

Кумоха быстро выхватил из-за пояса топор и стукнул обухом медведя в лоб. Голова серого безжизненно повисла.

— Убил! — закричал Нийкой.

— К утру очнется, — спокойно сказал Кумоха. — Эй, Матти кузнечик, иди показывай дальше, как вяжутся у вас узлы.

Нийкой вернулся в село и всем поведал о том, что работник богача поймал серого медведя.

Сам Тайпо вместе с Юсси выехали на двух телегах к Синей ламбе за медведем.

Там уже были и младший брат Тайпо, и рыбаки Синей дамбы, и мужики, из ближайшего села, и пастухи, которым медведь все лето житья не давал.

Кумоха сам как спать лег после той ночи, так два дня и спал без просыпу.

У медведя на шее звякала цепь, и этой цепью он был к толстой сосне привязан. Ходил кругом, когтями яму вырыл, рычал, глаза бешеные, а сам седой уже, старый.

К нему подойти боялись. Смотрели издали — так много страха он на людей нагнал.

Матти ходил меж людей, про то, как они с Кумохой медведя добыли, рассказывал.

— И сеть моя целехонька! — хвалился. — Ни одной ячейки не порвано!

— Это все хорошо, — говорил длиннобородый Мокки, — но кто мне за якорную цепь заплатит? Цепь-то, почитай, еще от дедов мне осталась!

— мне цепь не нужна, — сказал богатый хозяин Тайпо — Забирай свою цепь, и дело с концом.

— Так ее ж снять с медведя нужно! — удивился Мокки.

— Ну так снимай, кто тебе мешает? — сказал Тайпо.

Разбудили Кумоху. Он подошел к хозяину, показал на медведя:

— Дело сделано, лошадь подкована, кузнец плату ждет!

— Кто подкован? — не понял Юсси. — Где кузнец? Чья лошадь?

— А-а, помолчи! — Тайпо отмахнулся от сына как от надоедливой мухи. — Может, еще поработаешь у меня, Кумоха? Ну годик хотя бы?

— Годик! А ты мне потом «спасибо» скажешь, хозяин, как в той сказке! — засмеялся Кумоха. — Нет, уговор дороже денег, При всем народе спрашиваю: что ты мне обещал за медведя?

— Долги отцовские простить, — неохотно проговорил Тайпо. — Квиты мы теперь.

— А еще тебе, хозяин, за цепь нужно заплатить рыбаку, — сказал Кумоха. — Иначе я ее с медведя сниму и его отпущу назад в лес.

Тайпо отошел в сторонку, долго препирался с длиннобородым Мокки, пока наконец они не сошлись в цене.

Юсси смотрел на всех голубыми глазами, теребил бороду и спрашивал:

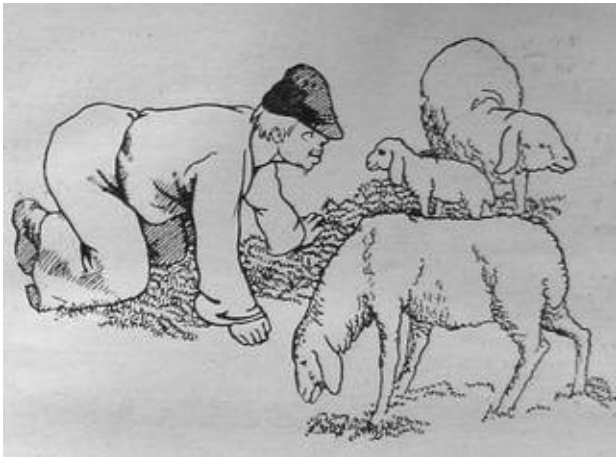
— Мы цепь покупаем? Вместе с медведем? Это наш медведь теперь? Я люблю медведей!

Кумоха взял свою котомку, попрощался.

— Приходи через неделю, поведем медведя в Пус-погост продавать, — сказал Тайпо.

— Там-видно будет! — ответил Кумоха,

И зашагал к родному дому.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ

КАК КУМОХА СПОРИЛ С КУЗНЕЦОМ СИЙЛА И КАК ВЫРУЧАЛ СВОИХ ДРУЗЕЙ ИЗ БЕДЫ

Когда ссорятся добрые люди, то их нужно скорее помирить; когда ссорятся злые, то пусть ссорятся...

(Карельское присловье)

Пус-погост, верно, не такое уж приметное место, как Шуньга или Олонец. Но и в нем жила знаменитые на всю Карелию люди!

Вот, например, хитрец Клиймо.

Он, говорят, где только в жизни своей не побывал — почти всю землю обошел! Однако молодость свою провел в Пус-погосте.

Ох, какой это был парень!

Слух имел такой тонкий, что слышал, как улитка выпускает рожки! И быстрее Клиймо никого на свете не было. Не верите? Он мог задуть лучину и успеть, прежде чем в избе станет темно, открыть печку, выбрать в ней самый лучший пирог, достать его оттуда и съесть, не оставив ни крошки!

А сколько историй про всякие хитрости Клиймо рассказывают... Но о них как-нибудь в другой раз, при случае.

В Пус-погосте жил одно время и богатый купец-скупщик Лаври. Те лабазы, в которых братья Тайпо теперь свои товары держат, раньше принадлежали Лаври. Он был такой богатый, что оси своих повозок смазывал топленным маслом, а не дегтем, как это все делают. И катились его колеса без скрипа, словно плыли.

Лаври был большой добряк. Он охотно признавал племянниками всех, кто называл его дядей. Но в долг не давал и гроша ломаного.

— Если я каждому нищему дал хотя бы копейку, — любил говорить Лаври, — то сам бы стал нищим. Что я себе, враг? Или так похож на дурака, что у меня любой может в долг просить? Ведь у нас нищих больше, чем иголок в лесу!

Про него рассказывали, будто он не мог спокойно видеть деньги у кого-либо в руках. Ему сразу плохо делалось, голова начинала кружиться и ноги подкашивались. Он начинал жалобно клянчить и просить, чтобы ему дали поддержать в руках эти чужие деньги, хотя бы минутку. Просил он так жалостливо, что ему не отказывали. И когда Лаври прижимал к сердцу эти минутные деньги, то лицо его выражало полное блаженство и все боли чудесным образом исчезали.

А однажды, когда в щель пола закатилась копейка, то Лаври засунул в ту же щель бумажные пять рублей. Удивленные родичи спросили, зачем он это сделал. Лаври ответил так:

— Что ж, по-вашему, я из-за копейки буду пол вскрывать? Не так уж я мелочен! А вот из-за пяти рублей другое дело!

Кто еще был знаменит в Пус-погосте?

Да конечно, торговка пирогами Катти!

Она торговала прямо из окна своей избы. У нее всегда были горячие пироги с грибами, с ливером, с вареньем, вязигой, головизной, мясом, потрохами, медом, кашей, репой... Уф! Разве все перечислишь? Только есть захочется раньше времени! Катти даже налиమ్ью икру и

печень умела в тесто запечатывать! А ее пироги с рыбой? Белой и красной. Те самые, у которых вкуснее всего верхняя румяная хрустящая корочка! Ох!..

Катти курила трубку и носила очки. Стекла на носу были в то время большой диковинкой. Когда Катти считала деньги и- сдвигала очки на лоб, то на нее приходили смотреть даже из соседних сел. Хитрец Клиймо, прикинувшись простачком, всегда спрашивал одно и то же:

«Чего она смотрит лбом, а не глазами?»

И сам себе отвечал:

«Кто слаб глазами, тот носит очки на носу, а кто слаб умом — на лбу!»

Катти на него не обижалась, потому что на Клиймо нельзя было обижаться — такой уж это был веселый и ловкий парень!

Ну кого еще следует вспомнить?

Да, Теппо! Вот уж был невезучий мужик! Если он сеял рожь, то ее травили олени. Если он сеял овес, то его вытаптывали медведи. Иногда бывало наоборот — овес топтали олени, а медведи почему-то забирались в рожь, но от этого Теппо было не легче.

Если он выходил с друзьями ловить рыбу, то невод притаскивал лишь одни коряги, да еще разрывался при этом.

Если он шел на охоту, одолжив у кого-либо ружье, то убивал или корову богатого хозяина, или соседскую лошадь. Вся остальная живность могла чувствовать себя спокойно.

В конце концов Теппо до того обеднел, так всем задолжал, что уже на любую работу был готов, лишь бы семью прокормить и самому с голоду не умереть. Отец братьев Тайпо — он женился на дочке Лаври, стал очень богатым мужиком — решил над Теппо покуражиться, себе потеху устроить. Он нанял его... цепной собакой.

Каждую ночь Теппо приходил на двор к Тайпо, надевал на себя цепь, бегал по двору и лаял. Каждую ночь от зари до зари!

Пока цепь на шее звенит, разговаривать Теппо было запрещено. Сказывают, будто он так научился лаять, что настоящих собак легко перебрехивал. А богатому мужику того только и надо: он стал богатеет со своей округи возить, человеком-собакой хвастать.

Однажды ночью лихие ребята-поморы приплыли к лабазам богатого мужика Тайпо и выпотрошили их к утру дочиста.

Теппо, как всегда, много лаял, но в доме Тайпо к его лаю привыкли и не обращали на него внимания.

Когда же Тайно спохватился, обнаружил пропажу, те было поздно — ищи ветра в озере!

Теппо повезли в суд, в Петрозаводск — вот куда!

А там нашелся один честный человек, сказал он Тайпо — Чего ты от собаки хочешь! Она лаяла? Лаяла. Ты слышал ее лай? Слышал. Она же не человек, не может прийти, постучать в дверь, сказать, крикнуть! Значит, и взятки с нее гладки. Работала она как могла!

И остался Тайпо с носом! И до сих пор неизвестно: знал Теппо этих ловких поморов или нет?

Так... Кого же еще забыли? А-а, вот память-то дырявая: о самом главном, о Кумохе конечно. Ведь именно после базара в Пус-погосте Кумоха и стал известен на всю Карелию!

Вот как это случилось.

Про то, как Юсси покупал овцу, про кузнеца Сийла, про блины и про волшебную шкуру

Незадолго до знаменитой Шуньгской ярмарки во всех селах свои большие базары

бывают.

А чем Пус-погост хуже других сел? Туда на базар со всех уголков округи народ приезжает.

И всё как на других карельских базарах: и съестные припасы, и столярные поделки, и меха, и сапоги. Хочешь — лодку покупай. Деньги есть — невод можешь себе подыскать; Скотина разная, хозяйственный припас — что душе угодно!

Базар — не ярмарка, но и на него торговые гости приезжают с моря, из Лапландии, даже из далекой варяжской земли.

Меха, пушнину здесь купить можно дешевле, чем на большом торге, — не у перекупщиков, а прямо у охотников. Ведь самим-то охотникам далеко ездить несподручно. А купцам от этих сделок выгода большая, вот и едут.

Ну, а торгашам карельским такие гости — прямой убыток. Когда они сами мех берут у охотников, сами на перепродаже выгадывают; если мех мимо рук идет — как наживешься?

Купец Тайпо — младший брат богатого хозяина-хитро устроился: он еще с осени охотникам в долг давал и деньги, и ружья, и все, что нужно. Но за это они всё, что настреляли, к нему несли — рассчитывались. Ну, а младший брат богатого хозяина обсчитывал их, запутывал; пересчитывал так. Что опять они у него в долгу оказывались.

Охотник Нийкой пятую осень не мог с этим Тайпо рассчитаться- все выходило мало, сколько шкурок ни добывай!

А рыбаки Мокки и Матти вот уже шестой год не могли никак за неводы свой долг выплатить младшему брату Тайно! Наваждение какое-то! Уж и жемчуга ему все отдавали, а разговор все один:

— Когда весь долг отдашь?

Кумоха на базар в Пус-погосте привел серого медведя.

Два дня весь базар ходил дивился на серого зверя, а потом богатый хозяин Тайпо его продал за хорошую цену и до того обрадовался, что даже Кумохе за помощь два пирожка с ягодой морошкой купил.

— Эх, сестренки Айно нет здесь! — пожалел Кумоха. — Она морошку любит.

— Если бы эта семейка Тайпо не обсчитывала нас, — сказал мрачно Нийкой, — то и у тебя и у меня в доме каждый день можно было бы пироги печь с чем хочешь.

Охотник только что сдал младшему Тайпо все богатые шкурки и был зол на себя, на белый свет, а больше всего на богатых хозяев.

— И еще грозит мне! — продолжал Нийкой. — Если, говорит, ты на следующий год мне столько лисиц принесешь, то я у тебя ружье отберу. Он с меня спускает шкуру, как волк с овцы!

— Кто знает, — невесело усмехнулся Матти, — может, волк прав: овца виновата? Если овца сама подставляет волку горло, туда ей и дорога.

— Что один Тайпо, что второй, — сказал Кумоха, — та же птица, только песня чуть-чуть другая. Старший хитрее, а молодой глупее. А мы сами виноваты — нельзя им спуску давать!

Кумоха на базаре купил соху, как взвалил ее на плечо, так и таскал.

— Что ж ты, чудак, ее на землю не поставишь? — удивлялись приятели, когда Кумоха останавливался возле какого-нибудь торговца, а соху с плеча не снимал.

А-а, потом опять поднимать! — отмахивался Кумоха.

Вдоль берега торговали рыбой — сигом, налимом, щукой, семгой.

На небольшом пригорке пахло медом — туюски и кадушки, наполненные жидким золотом, сгрудились, как стадо.

Оленьи шкуры всех размеров, жемчуг и перламутр, ковры из медвежьего меха — чего

только не было на базаре!

Торговцы берестяными изделиями постелили прямо на землю платки, расставили на них шкатулки, коробки, туески, разложили берестяные дудочки, свистульки, игрушки.

— Медовые пряники! Ешь и в мед обмакивай! — кричал задорный женский голос. — Попробуй — не пожалеешь!

— Если деньги есть, дальше не ходи, зря сапог не носи — тут оставляй! Все равно лучше товара не найдешь!

— Вы послушайте только, что с киндасовскими мужиками сегодня случилось, — громко, чтобы привлечь внимание покупателей, рассказывал один из торговцев. — Собралась их целая артель сюда, к нам на базар, ехать. Пять возов! Целый день. На ночь останавливаются в лесу ночевать. Один мужик, их старшой, говорит: «Возы нужно оглоблями в ту сторону повернуть, куда мы едем. К Пус-погосту, значит. А то, не ровен час, спутаемся — не в ту сторону утром поедем». Сделали, как старшой сказал. Спать легли кто где. А с ними ехал один лесоруб с ближнего села. Ему от этого леса до дому — рукой подать. «Чего, думает, я буду тут ночевать? Пойду домой, рядом ведь, там пересплю, как человек, на печи». Он решил над киндасовцами посмеяться — взял, перед тем как уйти, да все оглобли-то в обратную сторону, в Киндасово, повернул. Так и ушел. Утром киндасовцы просыпаются, запрягли, поехали. Едут. «Вроде мост на наш, киндасовский, похож», — говорит один. «Да что ты, скоро уж Пус-погост будет. А мосты, они все схожи». Едут дальше. «Чтой-то вроде село на наше похоже», — опять кто-то говорит. А старшой смеется: «Да сёла-то все одно на другое смахивают, везде люди живут». Тут третий голос подает: «Смотрите, ну прямо моя изба!» А старшой свое: «Да все избы на один образ». Тут из избы выскакивает жена старшого, как закричит: «Черти окаянные! Чего же вы домой-то вернулись, раз дома вшрду схожи? Там бы и оставались!» Вот почему киндасовцы к нам не приехали!

Слушатели смеялись над глупыми киндасовцами, заодно раскупая товар смекалистого торговца, а рыбак Мокки погладил свою длинную бороду и сказал:

— Ругать нужно человека, а не село. У меня кум живет в Киндасове. Умный мужик этот кум. Вот.

Юркий корабейник из Олонца разложил на лотке завлекательный свой товар — ленты, зеркала, бусы.

Семья смолокуров из лесной глуши, не привыкшая еще к базарному шуму и многолюдью, осторожно приближалась к корабейнику.

— Что я, на медведя похож? — крикнул им корабейник. — Чего боитесь? Идите сюда — не пожалеете!

Смолокуры — отец с матерью и сын с молодой женой — робко подошли к корабейнику.

— Вот товар — всем товарам товар! — Корабейник протянул им круглое зеркальце. — Даром отдам: разве рубль — это деньги?

Судя по тому, с какой опаской брал смолокур блестящий кружок, он зеркало держал в руках первый раз в жизни.

Взял и протянул его молодой жене:

— Смотри, что такое?

Молодую положила зеркало на руку и заглянула в него, как в колодезь.

— Ой! — только и сказала она.

— Что там? — нетерпеливо спросил молодой смолокур.

— Не нужно нам это! — внезапно посуровев, отвела руку с зеркалом молодую. — Зачем в дом такую молодую да красивую брать? Я ему одна жена, другой не надобно.

Свекровь с любопытством выхватила из рук невестки зеркало и заглянула в него.

— Авой-вой! — покачала головой свекровь. — Некрасивая да старая она! Откуда ты взяла молодую да красивую? Глаз у тебя нет, что ли?

— Молодая, молодая... — повторила невестка.

— Покажите-ка мне! — произнес старый смолокур.

Он покосился на беззвучно смеющегося коробейника и бережно взял из рук жены сверкающий крут.

— Обе вы слепые! — веско сказал старик. — Вот уж правда про баб говорят: волос долог, а ум короткий! Это ж дед с бородой! На черта нам в дом еще одного старика везти!

Сын заглянул через плечо отца в зеркало и удивленно проговорил:

Гляди, там и парень есть!

— Ох, медведи вы лесные! — вволю нахохотавшись, сказал коробейник. — В зеркало никогда не смотрели! Так вы же сами себя в нем и видите! Ты, борода, схвати себя за нос! Видишь? А-ха-ха! И ты, парень, скособочь рожу-то, скособочь! Признаешь себя теперь?

— Так как же признать, когда я сам себя никогда не видел, — смутился молодой смолокур.

Но отца-то ты видишь, признаешь?

— Признаю.

— Слава богу! Разобрались!

Молодуха выхватила зеркало из рук мужа, заулыбалась > вся, загорелась — очень сама себе понравилась.

— Два рубля — и с богом! — сказал разбитной коробейник. J

— Ты ж рубль называл? — запротестовал было смолокур.

— Всякое бывало! А теперь два рубля ему цена стала!

— Что ж ты над ними куражишься? — спросил Кумоха, делая шаг к коробейнику. — Сперва рублем заманил, а теперь два дерешь?

— Э-э, парень, иди своей дорогой, — усмехнулся, коробейник. — Я не таких, как ты, видывал, меня не испугаешь! Твое дело топором помахивать, мое дело — языком шевелить, товар продать. Товар мой, не краденый, и цена моя — что хочу, и то и ворочу. Иди-ка отсюда! Да соху не оброни — дружкам ноги отставишь. Мы и без тебя сговоримся!

— Не связывайся ты с ним! — потянул Кумоха за рукав Нийкой.

Кумоха послушался, пошел дальше.

— Два рубля... За что? — сердито бормотал он. — Сколько смолы-то да дегтя на два рубля идет, а?

— Не ворчи ты, как дед старый, — добродушно сказал Матти, посасывая свою толстую трубку. — Купца только могила исправит, да и на том свете он еще с богом торговаться будет: кровь в них такая порченная, в купцах-то..

В окружении притихшей толпы маленький, словно скомканный, старичок пробовал, как звучит новенькое кантеле.

Струны звенели, как весенняя капель. Ждали, видимо, что старик под звуки кантеле прочтет что-либо из рун, былинных песен, но он лишь трогал и трогал струны, звенели радостные капли.

Торговец кожухами, до глаз заросший бородой, молча, I широким жестом руки показывал на свой товар.

Шитые веселыми, разноцветными шерстями кожухи манили девушек и парней, как игрушки ребятишек. Кумоха и тот с трудом оторвал взгляд от красивой одежды.

По площади слонялся радостный Юсси. Он всем сообщал, что отец дал ему два пятака и разрешил купить все, что понравится.

— Пошел дурак на базар, значит, у умного Деньги будут, — усмехнулся Матти.

— Работать нужно парню, сразу поумнеет, — с жалостью глядя на богатого наследника, проговорил Нийкой.

Юсси долго приценивался то к свистулькам, то к медовым пряникам, все время спрашивал торговца:

— Это медовый пряник, а? А это свисток? Из бересты, а?

Уже сторговавшись, он вдруг хватался за бороду, задумывался, тряс кулаком, в котором были зажаты два отцовских пятака, и торопливо переходил к другому торговцу. Приглядывался. внимательно.

Опять стоял долго, улыбался своим мыслям, и от улыбки лицо его таяло, становилось бесформенным, как кусок масла на теплой сковородке.

Дольше всего он стоял у овец. Уходил, потом снова возвращался. Опять внимательно их рассматривал, теребил бороденку.

— Это ведь овцы? — спрашивал он торговца, который не знал, что и отвечать странному покупателю.

Потом выяснилось, что Юсси хочет купить одну овцу — самую маленькую, беленькую, с такими же, как у него самого, бездумными, большими, почти голубыми глазами.

Наследник богатого хозяина совал в руку торговцу два теплых пятака и кричал:

— Вон ту, беленькую, мне! Это ведь овца, а?

— Крик цены не сбавит! — отмахивался от Юсси торговец. — Не нужна мне твоя гривна! К отцу иди, пусть добавит тебе полтину, тогда и разговаривать будем!

Юсси разобиделся, схватился за бороду, подумал — подумал, крепко зажал оба своих пятака в кулак и потрусил к дому дяди, негромко покрикивая по дороге:

— Он надо мной смеется! Смеется!

Растерянный торговец, встретив сочувственные взгляды Кумохи и его приятелей, отер вспотевший лоб, покрутил головой:

— Вот привязался, бездельник! Овцу за два пятака... Большой купец растет!

— Жир ему в голову ударяет от постоянного спанья — вот как я думаю, — уверенно сказал Матти. — Я когда два дня подряд сплю, так ни ног, ни рук не чувствую... И голова как чужая.

— А почему бы тебе не продать ему эту овцу за одну копейку? — спросил Кумоха и широко улыбнулся.

Торговец посмотрел на высокого Кумоху, по-прежнему державшего соху на плече, с некоторым сожалением: мол, вымахал с версту, а ума нет. Матти и Мокки, перехватив взгляд владельца овец, расхохотались.

— А давай я твоих овец так выгодно продам, что век меня помнить будешь! — попросил Кумоха у торговца.

— Покупаешь сам, что ли? — торговец опасливо покосился на хохочущих рыбаков.

— У меня добра — два лаптя, да и то один с дырой, — усмехнулся Кумоха. — Ты что, боишься обману?

— Никого я не боюсь, — сказал торговец. — Вот Нийкой я знаю, ему поверю. Пусть скажет!

— Ну ладно, спасибо хоть про меня-то доброе слово у тебя нашлось, — хмыкнул Нийкой. — Кумоха все равно что брат мой. Я ему верю, как себе,

— Хочу над семейкой Тайпо посмеяться, вот и все дело, — объяснил Кумоха. — Сейчас этот лежебока Юсси сюда отца или дядюшку притащит... Вот и потешимся над ними.

И верно, из дома младшего Тайпо вышло на улицу целое шествие. Впереди — купец

Тайпо. За дядей семенил Юсси.

А за Юсси двигался человек, похожий на утес, громадный, широкий. Волосы у него были бурого цвета, словно голову покрыли большим куском медвежьей шкуры. Великан шагал очень осторожно, словно боялся, что земля под ним провалится.

— Э-э, сам кузнец Сийла у Тайпо гостит! — произнес с почтением Мокки. — Сильный человек кузнец Сийла. И цену своей силе знает.

Кумоха снял наконец соху с плеча, пригладил светлые волосы.

— Парень — что барин, нос — как фонарик! — закричал кто-то из ребятишек кузнецу.

Толстый, мясистый нос Сийлы действительно был ярко-пунцового цвета.

— Парень — что барин... — снова начал дразнилку мальчишка.

Но рука медлительного Сийлы вдруг неожиданно сделала молниеносное движение, и мальчишка получил звонкий шелчок по лбу.

— Послав двух глупцов по делу, следи за ними, чтобы не оказаться третьим. — Матти подмигнул Сийле, но кузнец ответил на шутку лишь мрачным взглядом.

— Как стал Сийла с богатеями якшаться, — сказал Байкой, — так и улыбаться перестал.

— Вот он надо мной смеялся. — Юсси показал на торговца овцами. — Не хотел ярочку продать!

Несмотря на то что солнце пригревало не по-осеннему тепло, купец Тайпо накинул на плечи шубу, подбитую мехом. И для того чтобы все вокруг стоящие эту шубу могли рассмотреть без помех, он то запахивал ее полы, то распахивал, то делал вид, будто она сползает у него с плеча, и вновь накидывал.

Сийла поднял большую, темную, похожую на копченый окорок ладонь и спросил сиплым басом:

— Зачем сына богатого хозяина обижаешь, а?

— А ты откуда знаешь, что его обижали? — спросил Кумоха. — Ты здесь был?

— Несмышлениш врать не умеет, — пояснил Сийла.

— Кто несмышлениш? — захныкал, обиделся Юсси. — Почему несмышлениш? Дядя, зачем он меня несмышленишем дразнит?

— Не лезь, Сийла! — важно сказал Тайпо-младший. — Мой племянник, мне и разбираться.

— Одно слово может затеять десять драк! — произнес Кумоха. — А дело вот как было. Юсси хотел купить овцу. Но они с торговцем не поняли друг друга. Эти овцы продаются только вместе. Их двадцать. Одна стоит одну копейку. Вторая — две копейки. Третья — четыре копейки...

Торговец всплеснул руками и раскрыл было рот, чтобы крикнуть, остановить Кумоху, но Матти вовремя его одернул, прошептал:

— Кури трубку и не мешай, овечья твоя душа, настоящей торговле! Тебе же добра хотят! Если Тайпо этой шутки не знает, то здорово заглотает крючок!

— Каждая последующая овца стоит вдвое дороже — только и всего, — весело продолжал Кумоха. — Потом копейки сложим вместе — вот и цена за всех готова!

— Четвертая овца — восемь копеек, пятая — шестнадцать... — бормотал Тайпо. — Гм... гм...

— Я, пожалуй, куплю всех, — громко сказал Сийла. — Сколько нужно платить?

— Наш Юсси уже давно сторговал их! — отчеканил Тайно. — Первое слово — мое. Я покупаю.

— Оставьте ему пять рублей задатка, — сказал Кумоха, показывая на хозяина овец. — А уж дома все точно сочтете. Не тут же, на площади, при всем народе, копейки считать такому

уважаемому купцу!

— И то правда. — Тайпо, откинув полу шубы так, чтобы все увидели янтарный мех хорей, достал золотую пятерку и вручил ее бледному от испуга торговцу.

— Овец пригонишь — остальное получишь, — сказал Тайпо. — Ты доволен, Юсси?

Дядя и племянник повернули к дому, кузнец двинулся, за ними.

Торговец сделал движение вслед уходящим, чтобы отдать злополучную пятерку, но Кумоха остановил его:

— Эти пять рублей оставь себе, никто их у тебя не возьмет. А овец завтра продашь по той цене, по которой ты нынче ими торговал.

— Да как же... за копейки... да ведь купец-то приказал вечером пригнать, и за расчетом явиться...

— Ты когда к Тайпо пойдешь, непременно меня отыщи. Все вместе и явимся! — засмеялся Кумоха. — Только никакого расчета с тобой не будет, не надейся!

. — Как же это? Почему? — еще больше испугался торговец. — Я ведь ничего... я тебе поверил...

— Тьфу ты, какой трясун! — рассмеялся Нийкой, и тоненькая трубка в его губах закачалась от смеха, как ветка на ветру. Да не дрожи ты, овечий хвост! Торг был честный и правильный. А что расчета не будет — это уж точно. Тайпо сами от покупки овец откажутся и задаток тебе оставят. Иди трать сейчас свои пять рублей как желаешь.

Кумоха взял соху под мышку и не спеша зашагал дальше. Друзья — за ним.

Растерянный торговец остался стоять среди своего стада. Его недоуменный взгляд ничем не отличался от недоуменных взглядов окружающих его баранов...

— Слышал я про этого Сийлу, — задумчиво проговорил Кумоха. — Вроде бы, прежде чем кузнецом стать, он лесорубом был?

— И еще каким лесорубом-то! — восторженно воскликнул Нийкой. — Он мог по двадцать ночей и дней топора из рук не выпускать! Один за сто человек работал — вот какие подряды брал! Теперь кузню завел собственную, возле Пудожа.

Матти пыхтел трубкой и подсказывал от нетерпения — так ему охотника перебить хотелось, самому все рассказать.

— Раз приехал богатейший купец к нему в кузницу, — начал быстро сыпать слова Матти. — «Скуй мне подкову», — говорит. Ну, Сийла сковал, почему не сковать? А купец ее согнул» как травинку: «Не годится мне такая». Сийла вторую сковал. И опять ее купец согнул. Тогда уж в третий раз Сийла постарался — сколько купец ее ни гнул, ни ломал, не поддается. «Хороша!» — сказал купец и дал Сийле полтину. А Сийла ту полтину в трубочку согнул двумя пальцами и говорит: «Не годится». Купец ему серебряный рубль подает. Сийла и его в трубочку. Тогда, делать нечего, купец золотую монету вынимает: «Эта годится», — сказал Сийла. Вот он какой! И себя покажет, и карман не забудет!

Вместе с длинными предвечерними тенями потянулись и холодные ветры с ближних озер.

— Ему-то тепло, — сказал Мокки, кивая на несущего соху Кумоху, — а мне бы самое время погреться. Ты же, Матти, хвалился, что твой кум нас ждет, а его хозяйка блины печет. Чего же мы по улице ходим?

Друзья направились к избе кума Матти, где всегда собирались рыбаки.

У кума уже было полно народа. Вновь пришедших встретили весело, усадили за стол.

Мокки оказался прав: блинный дух наполнял избу.

— Почему я у кумы и сам блинков поесть могу, и друзей ими накормить? — громко спросил Матти. — Потому что третьего-дня, когда на базар приехал, мешок муки с собой

привез и куме отдал. Вот как нужно! Верно, кума?

— Верно-то верно, — согласилась кума, — только блины не из одной муки делаются.

— Э-э, масло завтра принесу! — сразу же понял намек хозяйки Матти. — Полбочонка!

— Хоть один туесок — и то скажу спасибо! — засмеялась хозяйка.

Рыбаки, когда приезжали в Пус-погост, любили останавливаться в этой большой гостеприимной избе, «у кума», как они шутливо называли хозяина. Но каждый, чтобы не быть в тягость, привозил с собой что-либо из съестного: не разоряться же добряку куму! Разве напасешься еды на такую ораву гостей!

Неутомимый Матти, едва усевшись за стол, сразу же взял быка за рога — заставил всех себя слушать.

— Вот здесь, на Пус-погосте, — бойко начал он, — годов пять назад такой случай был... Приехал богатый мужик на базар, купил все, что нужно, домой, вернулся. А у него был бедный брат, такой бедный, что и на базары ему ездить нечего. Сидит он в избе у богатого, ждет, что тот про Пус-по-гост расскажет: какие на что цены, кого видел, кто о чем говорил. Богатый брат решил над бедным посмеяться. Он ему так сказал: «Дороже всего на базаре конские шкуры. Никогда таких цен не было... Ума не приложу, что случилось. Говорят, приказали в Петрозаводск везти много шкур, и потому шкура сейчас дороже живого коня стоит!» Бедный брат эту шутку всерьез принял и подумал: «Это же просто чудо — такой спрос на конские шкуры!» И побежал домой... У него старый мерин был, едва ноги волочил. Он его обухом в лоб — убил. Шкуру снял — и на базар. Ходит по Пус-погосту, шкурой размахивает, а кругом смеются: «Гляди, какой купец объявился!» А как бедняк свою цену назвал, тут уж весь базар смеяться начал. Встретились ему земляки, расспросили. Он им все и выложил. Они говорят: «Это брат над тобой посмеялся, а ты вон чего натворил. Куда ж ты без лошади теперь?» И пошел бедняк брат домой. Шел-шел, притомился. Видит — дом стоит, в окошке свет. «Дай, — думает он, — зайду, посижу в тепле, дух переведу». Заходит во двор — нет никого. В дом — тоже пусто. Подождал — никто не идет. Мужик — на печь. Пригрелся, задремал. И сквозь дрему видит: вошла в избу молодая женщина, печку открыла, начала оттуда калачи вынимать, да шаньги, да блины. И рыба жареная появилась, и окорок... И тут же приходит ее родственник, здоровенный такой мужик, начинается угощение. Родственник говорит: «Ты куда деньги спрятала, какие я тебе дал?» Хозяйка ему: «Вон тут, под полом, закопала, лоскуток сверху положила — как примету. Ежели нужно будет, а меня дома нет, сам возмешь». Ну ладно. Попили-поели, родственник уходит. Он был грабитель — так мужик понял. И деньги свои воровские у хозяйки этого дома хранил. Мужик, конечно, испугался, притаился, не дышит. Проходит время, хозяйка всю еду, что осталась, убрала от стола. Тут как раз домой хозяин возвращается, муж ее. Мужик видит, что хозяин про хозяйкины дела ничего не ведает, и она ему даже на стол ничего не поставила хорошего — хлеба отломила да похлебку в миску плеснула... Мужик осмелел немного, с печи слезает. Рассказывает, конечно, как зашел с дороги, как на печи пригрелся. «Вот заснул, только проснулся», — говорит. Хозяйка обрадовалась: раз спал, то ничего не слышал, не видел. Хозяин указывает: «Гостя угостить нужно с дороги». — «Самим есть нечего», — отвечает хозяйка. А мешок, в который шкура мерина была запихана, мужик под стол положил. Ногой на него наступил — шкура-то и закрипела. «Тихо! — говорит ей мужик. — Не скули. Все равно то, чего просишь, нам не дадут». Хозяин удивился: «Это кто ж у тебя там сидит и чего просит?» — «Волшебная шкура». — «В чем же ее волшебство?» — Это уже хозяйка заволновалась. «А в том, что она знает про угощение, в печке спрятанное», — отвечает мужик. Хозяин сам в печку заглянул, а там еды еще на пять человек хватит. Он хозяйке говорит: «Что это ты врать мне начала? А ну все на стол!» Ей деваться некуда — она

угощение вынула, поставила. Мужик снова на шкуру крепко наступил. Она на всю избу заскрипела. «Чего ей еще нужно?» — спрашивает хозяин. «Да окорок за лавкой спрятан, она говорит». — «Чтоб тебя!» — ругается хозяйка, но достает и окорок. «Ну и ну! — хозяин головой качает. — Вот это шкура так шкура». Посидели, поговорили, мужик опять ногу на мешок — заскрипело. «Хватит, пора и честь знать, — говорит мужик, — не скули. Все равно того, чего просишь, нам не дадут». — «Теперь-то уж чего она просит?» — рассердился хозяин. «Да вот, говорит, деньги большие лежат здесь», — поясняет мужик. «Где ж они?» Шкура тут снова заскрипела, мужик отвечает: «Если дашь нам половину, она скажет где». Хозяйка не выдержала, закричала: «Да что ты ей, шкуре поганой, веришь?» — «Молчи! — хозяин на нее. — Даю половину всего, что найдешь. Где они?» Мужик шкурой поскрипел-поскрипел да прямо в подпол пальцем и показывает: «Там закопаны. Где лоскуток сверху, тут и искать нужно». Полезли под пол, нашли деньги. Хозяйка плачет, хозяин на нее кричит: «Чего ревешь, радоваться надо! Вон сколько у нас денег теперь!» А она ему: «Жалко половину отдавать». Не о том, конечно, она плакала, но правды сказать не может. Ну, уговор исполнили, деньги мужик в мешок положил. Когда вышел в лес, шкуру выбросил. Домой приходит. Богатый брат смеется: «Ну, дурачок, продал на пятак?» А тот вынимает деньги из мешка, да на стол, да на стол. Богатый брат и глаза вылупил: «За что?» — «За шкуру, — поклонился ему бедный. — Спасибо тебе. Подсказал вовремя, что продавать. Теперь на жизнь хватит». Богатый в ту же ночь всех своих лошадей поубивал, шкуры свернул и на базар. Ходил с ними, ходил, смеялись над ним все, так он и вернулся ни с чем. «Что ж, — говорит брату, — ты со мной так нехорошо поступил?» — «Так ты ж первый надо мной посмеялся! — отвечает тот. — А всегда хорошо смеяться тому, кто смеется последним!..»

Матти, довольный собой, осмотрел застолье и спрятал трубку в карман:

— Ну, хозяйка, как насчет свеженьких блинков?

Про то, как хитрый Клиймо брался носить намни, про то, что дороже всего на свете, и про то, сколько стоят дешевые овцы

Когда встречаются два карела, они могут молча курить полдня. Не потому, что говорить не о чем, а по привычке: ведь недаром говорится, что молчаливый всех переспорит.

Трое карелов тоже не будут вести длинных разговоров, если среди них не окажется умелого рассказчика, который валун может расшевелить, если захочет.

Ну, а если собралось человек пять или больше, то тут уж все становятся разговорчивыми. Да если к тому же после блинов выпить по стаканчику пива или медовухи! Ого! Тут уж только успевай наводить порядок за столом, чтобы не все говорили сразу.

Матти, как опытный говорун, сразу же захватил общее внимание:

— Как хитрый Клиймо, ваш земляк, он же из Пус-погоста, валуны на себе таскать подрядился, слышали? — спросил Матти, пыхтя толстой трубкой. И когда все с любопытством уставились на него, продолжал: — Шел Клиймо как-то мимо одной поляны. На ней лежат камни — с избу. Большие валуны! Десять работников вокруг валунов этих крутятся — ямы роют, чтоб их туда спихнуть, колья подсовывают под камни... И хозяин тут же стоит покрикивает. А Клиймо очень есть хотелось. По лесу давно он шел, одной клюквой и брусникой перебивался. Устал. В баньке не мешало бы погреться. Да и поспать на мягком. Вот подходит он к хозяину и говорит, «Какие это работнички у вас? Да я один все эти камни перетащу куда хотите». «Как так?» — удивился хозяин. «Да так, — отвечает Клиймо. — Я секрет знаю. Возьму на спину и утащу. Только я должен неделю отдыхать перед этим и много

есть». Ну, хозяин согласился. Хозяева, они сразу свою выгоду соображают: легче одного неделю прокормить, чем десять человек на такой работе держать... Да... Живет, значит, Клиймо в хозяйском доме. Ест-пьет, чего душа желает, спит на перине. Проходит неделя. «Ну, отдохнул?» — спрашивает хозяин. «Еще два дня нужно!» — отвечает Клиймо. Еще два дня ест-пьет. «Пошли, тогда к валунам». Берет Клиймо веревок побольше с собой — целую телегу веревок нагрузил. «И работников позови, — говорит он хозяину, — помогать мне будут». До места доехали. Клиймо обвязал веревками валун и говорит: «Теперь взваливайте мне его на спину, а я его вон туда в лес отнесу». Работники и так и этак — не могут валун даже приподнять. Сам хозяин помогать принялся — камень ни с места. «А как же я его унести могу, если вы взвалить на спину не умеете? Знал бы — не связался!» — рассердился Клиймо, махнул рукой и ушел своей дорогой.

Матти отложил трубку, ловко подцепил очередной блин, обмакнул его в сметану и отправил в рот.

— А где сейчас Клиймо? — спросил кум.

— Уехал, говорят, за море... — проглотив еще один блин, ответил Матти. — Так ведь ему бы сейчас уже лет под сто было! А то и боле! Теперь-то таких хитрецов уже нет!

— Сейчас все шиворот-навыворот, — уточнил охотник Нинкой. — Вот у меня есть свояк, он сам себя великим хитрецов называет. Известно, язык без костей. У него в избе шаром покати. Сухаря нет. А он один раз встретил на улице богатого купца, возьми да и скажи ему: «Кум, прошу в гости». Тот, конечно, отказывается — какой интерес в бедную избу идти? А свояк прилип как банный лист: «Поросенок свежий, дичь в печи стоит, бражка есть, а пироги какие... Гости сидят, весело будет. Не обижай меня!» Так уговаривал — согласился купец. «Ладно, говорит, идем. Хоть часок, да посижу у тебя». Приходят во двор — нет никого, все пусто. Купец спрашивает: «А где коня привязывать?» Тут свояк мой сообразил только, что он натворил. Высунул язык и показывает на него пальцем: сюда, мол, привязывай!

— Язык болтуна, известно, дело пустое — мелет и мелет, — сказал кум. — А. у бедняка какое богатство — сон хороший да выдумки!

— А мой отец по-другому говорит, — не утерпел Кумоха.

— Это как же?

— Рассказывал он так... Один смолокур все время жаловался на свою бедность. И язык свой ругал за то, что говорить не умеет по-ученому, и глаза ругал — мол, не видят того, что нужно, и руки — ремесла, дескать, никакого не знают... И все время повторял: «Ах, если бы были деньги... ах, если бы были деньги...» Один богач услышал его, засмеялся. «У тебя и так, говорит, богатство большое, чего ты жалуешься?» Смолокур только руками развел: «У меня? Богатство? Где?» — «А твои глаза, например? — отвечает богач. — Сколько денег ты хочешь за свои глаза? Я их куплю!» — «Ни за какие деньги!» — закричал смолокур. «Тогда я покупаю твои руки!» — «Ни за что!» — «Язык продай!» — «Никогда!» — «Видишь, какое у тебя богатство? — засмеялся богач. — Ты никаких денег за него не хочешь! Держишь при себе! Здоровье — вот твое богатство, и цены ему нет! И купить его нельзя ни за какое золото!»

— Твой отец мудрый человек... — начал было Матти.

Но кончить фразу ему не удалось: дверь распахнулась, и в облаке холодного вечернего воздуха на пороге возник Юсси. Он таращил на честную компанию свои голубые глазищи, словно отыскивал кого-то.

— А-а, Кумоха! — наконец выговорил Юсси и радостно улыбнулся. — Пойдем, тебя отец с дядей ждут! И овцы...

— Что случилось? — Кумоха встал из-за стола, чуть головой в потолок не уперся. — А-

а!.. — вспомнил он. — Мы же продали овец твоему дядьке!

— Хе-хе-хе! — сделал вид, что поперхнулся, неудачно затянулся трубкой Нийкой. — Сейчас начнется потеха!

— Овечий хозяин пригнал их к дяде. — Юсси теребил свою бородку и продолжал озира́ться. — Дядя сказал, что ему не надо этих овец, и приказал вернуть задаток. Тогда овечий хозяин куда-то удрал, овец бросил. Отец сказал: «Кумоха торговался, с Кумохи и задаток получать...» Иди к нам... забирай овечек..

К дому младшего Тайпо двинулись всей гурьбой — впереди Кумоха и Нийкой, на шаг сзади Мокки, Матти и его кум, а уж потом все остальные рыбаки.

Юсси очень радовался, что идет впереди, ведет за собой столько народу. Он даже подпрыгивал на ходу.

Овцы блеяли возле дома купца Тййпо. Их хозяина нигде видно не было — Юсси сказал правду.

— Найдется, — уверенно усмехнулся Кумоха.

В комнаты вошли только Кумоха, Матти и Нийкой. Сняли шапки.

Ярко горели толстые восковые свечи в деревянных чашках-ставешках. Братья Тайпо и кузнец Сняла сидели за столом, курили. Кроме кружек с пивом и блюда с налимьей икрой, на столе ничего не было.

Кумоха поклонился и спросил с порога:

— Разве положено задаток назад требовать, если от покупки отказываешься? Для того задаток в торговле и придуман, чтобы права торговые не страдали.

— Черт с ним, с задатком! — сказал богач Тайпо, и его борода задержалась. — Когда я тебя, Кумоха, вижу, то мне только одного хочется — чтоб ты ушел подальше!

— А брат твой меньшей, хозяин, купец известный, — произнес Нийкой. — Пора бы ему знать, как копейки считаются. «Овца да овца — копейка да две копейки»! — передразнил он.

— Ха-ха-ха! — не удержался Матти и смущенно покрутил головой. — Почем же каждая овца получилась на крут, а?

— Дело известное, на большие тысячи счет тут идет, — уточнил Кумоха. — Отец сказывал: на круг — по полтысячи рублей каждая овца, вот как. А кажется, что тут особого — копейка, да копейка, да еще копейка...

Младший брат Тайпо молча смотрел на пламя оплывающей свечи. Чахлая бородка грустно повисла.

— Обиделся почему-то! — с лукавым удивлением молвил Кумоха.

— Брат выпил лишку, а вы и рады посмеяться над торговым человеком! — зло сказал богач Тайпо. — Опять Юсси напутал: я приказал овечьего торговца найти, чтоб увел отсюда свое стадо... Людей стыдно... А он притащил Кумоху и его братию!

— Рад был повидаться, хозяин! — еще раз степенно поклонился Кумоха.

Уловив усмешку в глазах лесоруба, Тайпо скрипнул зубами:

— Ох, надо было бы проучить тебя, Кумоха! Что-то ты задиристый стал, занозистый... Уважение к хозяевам растерял. Пообтесать бы тебя хорошенько, чтоб век помнил!

— Чего легче, хозяин! — не удержался Кумоха. — Медведя ловили, теперь только черта лесного осталось поймать. Хочешь, сговоримся? Авось черт-лесовик меня-то и обломает, а?

Кузнец Сийла, который все время сыто и равнодушно глядел на непрошенных гостей, вдруг оживился. Отодвинул пиво и с интересом посмотрел на Кумоху.

— Молодого ежа видел, парень? — раздался его сиплый бас. — Он на всех иглы выставляет — силы девать некуда, да и не соображает еще, кто враг, а кто нет. Так и ты — иглы, зря торчком ставишь. Богатый хозяин — твой настоящий друг, а не эта нищета

рыбачья.

Сразу наступила тишина. Даже рыбаки на улице замолчали, словно слышали слова кузнеца.

— Это у тебя, Сийла, тот дружок, у кого ржи мешок, — ответил Кумоха. — А по мне — кто нищ да гол, тот и сокол.

— С голыми руками в ястребиное гнездо лезешь! — стукнул кружкой по столу богач Тайпо. — А у самого молоко на губах не обсохло! Ты и лесоруб-то еще вроде моего Юсси. Только красоваться любишь на людях — вот и все твое нутро.

Кумоха по привычке, как всегда во время волнения, схватился за рукоятку топора, засунутого за пояс.

Тайпо-старший усмехнулся, рыжие глаза-тараканы поползли по лицам мужиков.

— Вот, попроси Сийлу — может, он согласится, поучит тебя завтра в лесу, как деревья валить надо. Поучи, его, Сийла, а?

— Давно я топора не держал в руках. — Сийла оживился, расправил широкие, как печь, плечи. — А что? Верно! Молокососа поучить не грех. Чтоб иглы не ставил торчком — и, не спрашивая согласия Кумохи, продолжал: — Завтра сговоримся, где лес валить будем.

— Народ позовем, пусть посмотрит, — весело произнес богач Тайпо. — Будет им потом что порассказать!

— Очевидцы отыщутся везде, было бы что видеть! — засмеялся, заухал Сийла. — Кто баню затопит — тому и париться. Держись, еж!..

Кумоха, Нийкой и Матти вышли на улицу.

Осенний вечерний воздух после теплой избы показался холодным, как северный ветер «моряна».

Откуда-то появился торговец овцами: до него уже долетело известие, что сделка не состоялась и задаток он может оставить себе.

— Тебе бы, парень, купцом быть! — восторженно кричал он, пытаясь ухватить Кумоху за руку. — Спасибо тебе! Умеешь ты торговать-то.

— Купцом быть не велика премудрость, — отмахивался Кумоха, — Торги — дело скучное, обманное. Мне бы завтра Сийла одолеть — вот это дело!

Про то, паи разбиваются горшки

Всегда остается загадкой: откуда берутся слуха? И как они быстро разлетаются по всей земле — просто диву даешься! Сегодня слово было сказано в Пус-погосте, а через день-другой слово это уже в приморском стойбище рыбаков слышится, про него разговор на глухой смоловарке идет, в дальнем оленьем стаде.

Так и со спором Сийлы с Кумохой случилось — откуда любопытные взялись! Делянку, которую под порубку выбрала, со всех сторон окружили зеваки, глазют, спорят. Лес гудит, как колода пчелиная.

— Откуда он, Кумоха этот?

— Я и отца его знаю, старика Ийвана. Лесоруб он был хоть куда. Мать Кумохи, Ирукка, служанкой была в большом доме, в Шуньге.

— Э-э, никогда она не была служанкой! Она аз семьи смолокуров, отца ее, Кузу, я знал, когда еще мальчонкой был...

— Все равно Сийла его одолеет! Кто не знает кузнеца Сийлу? Одолеет!

— Сийле сколько лет, знаешь? А когда он лесорубом был. ты еще на дудочке свиристал!

Тут же возникали споры — кто держал за Сийлу, кто за Кумоху:

— Если Сийла его победит, то ты мне будешь должен пять белок!

— Но если победит Кумоха, то мне отдашь сорок белок, идет?

— Готовь свой пяток!

— А ты свои сорок!

И ударяли по рукам.

В победу Кумохи мало кто верил.

— Он же Пейгало-пойга, мальчик с пальчик, по сравнению с кузнецом!

— В том-то и дело, что Сийла — кузнец, а Кумоха — лесоруб. Молот — дело хорошее, но и топор — не игрушка. Если б в кузне спор шел, там Сийла кого хочешь одолеет. А тут еще неизвестно! — говорил Матти.

— Сийла богатырь!

— А Кумоха молодой. Вот и поглядим!

Младший брат богатого хозяина Тайпо подошел к рыбакам Матти и Мокки, посмеиваясь, сказал:

— Может, поспорим, кто кого? Если Кумоха хоть один раз победит, то и рыбу и жемчуг — все ваши уловы на будущий год я оставляю вам. Ну, а если победит Сийла, то ваш долг вырастет вдвое. Как?

Мокки ни слова, только бородищу на кулак намотал.

Матти сразу с Тайпо по рукам ударил:

— Ладно, посмотрим, кто кого!

— Ты, Мокки, боишься? — спросил купец. — Не веришь в своего Кумоху?

— А, пропади все! — махнул рукой Мокки. — Хуже нищему не будет! Вот тебе моя рука, хозяин!

Тайпо улыбнулся во весь рот, пошел к своим. Рыбаки видели, как он, смеясь, рассказывал о своем споре Сийле и старшему брату.

— О чем вы говорили с младшим Тайпо? — спросил, подходя к рыбакам, Кумоха.

— Да... так... — ответил Матти. — Он справлялся о твоём здоровье.

— Я не вижу Нийкоя, — сказал Мокки. — Куда пропал охотник?

— Странно... — Кумоха еще раз огляделся. — Я и утром у кума его не видел.

Зрители зашумели: лесорубы наперебой предлагали свои топоры на выбор Сийле — ведь его топор остался дома.

Кумоха, а за ним Матти с Мокки тоже подошли.

— Сначала они будут метать топоры в цель, — сказал богач Тайпо. — Если уж спорить, так спорить по всем правилам А потом валить дерево, кто скорее

— Тогда нужно и пни корчевать, — попыхивая трубкой, произнес Матти. — Лесорубы всегда так делали.

— Если Кумоха проиграет цель и рубку, то больше ничего не будет, — сказал богатый хозяин, дернув бородой.

— Э-э, так не пойдет! — зашумели лесорубы, стоящие поблизости.

Никому не хотелось терять такую возможность — увидеть богатыря Сийлу в корчевке пней и за рубкой леса.

— Да, пусть все будет, как положено! — закричали и те зрители, которые сидели подальше. — Обычай не мы придумали, не нам их менять!

Старший Тайпо вопросительно поглядел на Сийлу.

— Мне все равно, — улыбнулся кузнец. — Поразмяться малость никогда не мешает.

Топоры тонули в громадной ладони Сийлы, казалась игрушечными.

— У меня свой топор, — сказал Кумоха. — Один для всего.

— Эх, если бы мой верный топор был при мне! — улыбнулся Сийла. — Кузнец без своего молота — пол кузнеца, лесоруб с чужим топором — не лесоруб. Хорошо, что дело несерьезное... Будь на твоём, Кумоха, месте опытный лесоруб, я бы без своего топора против него не вышел.

Сийла выбрал для начала три топора. Три лесоруба расцвели счастливыми улыбками: ещё бы — сам Сняла признал их топоры лучшими!

Сийла отошел в сторону, за кольцо зрителей, стал бросать топоры в разные стороны — нужно было выбрать тот, который летит точнее.

Ребятишки бегали за топорами, приносили Сийле, и он снова метал их. Они вонзались в стволы сосен и берез так глубоко, что трое ребят с трудом их раскачивали и вытаскивали.

— Я тоже хочу бросать топоры! — вдруг громко заявил неизвестно откуда появившийся Юсси. В руках он держал легкий топорик.

Зрители засмеялись.

Юсси обиженно нахмурился и закричал:

— Бросаю вон в ту елку!

Народ шарахнулся от елки, словно овцы от голодного волка.

Богатому хозяину Тайпо удалось задержать уже занесенную для броска руку сына:

— Потом, Юсси, не сейчас, когда начнется состязание!

— Ладно, — охотно согласился Юсси. — Но я все равно попаду в ту елку.

— Там не садитесь! — крикнул Матти зрителям. — Слышали? Он все равно будет в нее метить!

— Где шатался все утро? — спросил отец Юсси.

— На базар ходил.

— Ну и что выходил?

— Всякие интересные рассказы слушал.

— Какие?

— Да далеко стоял, ничего не было слышно.

Младший брат богача рассмеялся:

— Веселый у меня племянничек растет!

Рыжие глаза старшего Тайпо потемнели от злости. Он резко повернулся на каблуках, принялся рассматривать Кумоху и его друзей. Затем, словно невзначай, встал на пенек, чтобы быть на одном уровне со всеми.

— Опять ты про это! — огорченно молвил Мокки.

Но Матти, не обращая внимания на вздохи приятеля, продолжал:

— ...Жили два мужика. Пошли они сюда, к нам, на Пус-погост, на базар. Взяли каждый по бочонку с медовухой на продажу. А у одного мужика алтын — три копейки — в кармане. Вот шли они, шли, притомились, сели. Тот, у которого алтын, и говорит другому: «Налей-ка мне на целый алтын медовухи». Тот ему полный ковш наливает. Налил, а самому-то ведь тоже охота выпить. «Эх, говорит, теперь ты мне на алтын налей своей медовухи». И обратно ему три копейки отдает. Все по закону: купил — заплатил. Так они весь день друг у дружки медовуху и покупали. К вечеру алтын вернулся в карман к хозяину, а бочонки были пусты. Назад пошли киндасовцы, домой. Пришли и рассказывают: «Так повезло нынче — все распродали еще по дороге...»

Кумоха улыбался, подбросил топор, поймал его.

— Ну к чему ты это все говоришь? — спросил недовольный Мокки. — Чего опять киндасовцев задираешь?

— А к тому я говорил, — Матти шлепнул Кумоху по плечу, — чтоб никогда на полпути не останавливаться, а всегда до самого базара доходить. Раз взялся товар продать — продай. Взялся за топор — не отступай. Как только себе скажешь — дай, мол, отдохну, душу отведу, так душу, может, и отведешь, а дело до конца не доведешь.

— С чего ты взял, будто я отдыхать буду на полпути? — спросил Кумоха.

— Ас того, что злобы в тебе мало. Тебя Сийла и так называл, и этак — обидно, понимаю. Но ты не на него одного злись — так тебе кузнеца не одолеть. Ты на его дружков, богатых хозяев, погляди, вспомни, что они про нас думают. Злость твоя на полпути останавливаться не должна! Тогда тебе и Сийла не страшен будет!

Кумоха подбросил вырванный из бороды золотистый волосок в воздух и лезвием топора перерубил его.

— Ну что ж, — сказал Сийла так трубно, что голос его был слышен даже на другом конце поляны. — С лягушки меха не получишь, от разговоров баран не зажарится. Пора к делу.

Сразу все оживились, разговоры стали громче. Лесорубы, те, чьи топоры взял Сипла, стали советовать братьям Тайпо лучшие направления для бросков.

Договорились, что целью будет служить раздвоенная береза, стоящая шагах в сорока от края поляны.

— А я буду бросать топор в ель! — заявил Юсси.

Сийла слегка щелкнул голубоглазого бездельника в темечко, и тот, сразу же забыв обо всем на свете, стал тереть больное место и хныкать.

В развилку березовых стволов поставили глиняный горшок величиной с баранью голову. Нужно было с двух бросков попасть в него.

Первым бросал Сийла.

Он долго метился, переминался с ноги на ногу, потом метнул топор, и тот с кряканьем вонзился в ствол березы чуть выше горшка.

— Ах! — разнеслось по поляне.

— Ну-ка ты попробуй! — уступая место Кумохе, весело сказал Сийла.

Кумоха бросил топор почти не метясь, и он пролетел, как-то странно кувыркаясь, прямо в развилку, почти над самым горшком.

— Мимо! — закричал Юсси. — Мимо! Горшок цел!

Кумоха почему-то ничуть не огорчился неудаче, подождал, пока мальчишки принесут топор, аккуратно отер лезвие от земли.

— Что медленно разгорается, то жарче горит! — сказал Мокки громко, чтобы Кумоха услышал.

— Раз на раз не приходится! — поддержал Матти. — Все равно горшку головы не сносить.

— Еще разок, что ли? — сам себе сказал Сийла и встал на место для броска, начал прицеливаться.

Он выпустил топор из руки, почти не шелохнувшись телом, а топор летел так быстро, что казался камнем. Горшок словно взорвался — черепки его разлетелись во все стороны.

— Авой, Сийла! — закричали восторженно зрители.

Юсси подпрыгивал от радости на одном месте, словно нанего трясушка напала.

Братья Тайпо довольно улыбались.

Улыбался и Кумоха.

— Хороший удар, Сийла! — сказал он кузнецу. — Да еще чужим топором! Хороший удар!

— Ты так своим попробуй, — сипло произнес Сийла. И при-

казал: — Эй, тащите целый горшок! Ведь и Кумоха будет бросать ещё раз!

Мальчишки притащили новый горшок, поставили его на место разбитого.

Кумоха весело оглядел Тайпо, Сийлу, Матти и Мокки. Все были озадачены его радостным видом. Зрители приумолкли. Мальчишки впились в Кумоху глазами.

Размашисто, с каким-то особым выворотом руки, Кумоха бросил топор, и тот, как и в первый раз, полетел, вихляясь в воздухе и крутясь, к березкам.

Казалось, что он вот-вот попадет в цель. Но топор описал какую-то немыслимую кривую вокруг горшка и упал, как и в предыдущем броске, в развилку дерева.

Горшок стоял не шелохнувшись.

А Кумоха продолжал улыбаться.

— Ай да молодец, сынок! — раздался вдруг старческий голос.

Кумоха оглянулся. К нему через поляну семенил отец, а за ним шагал длинноногий, как журавль, улыбающийся Нийкой.

— Вот где пропадал охотник! — закричал Матти. — В дороге! Знал, куда нужно съездить, старый лис!

Отец поклонился богатому хозяину, его брату, кузнецу.

— Я все видел, Кумоха, — сказал отец. — Не хотел мешать тебе, стоял вон там, возле елки. Спасибо, сынок, не посрамил нас!

— Плохо же ты глядел, Ийвана! — засмеялся богатый хозяин. — Посмотри еще раз — горшок целехонек!

— А ты прикажи его сюда принести, — сказал Ийвана. — Ведь таких горшков мой Кумоха в день дюжины три бил... Сам лепил, сам и разбивал. Попасть в такой горшок и мальчонка сумеет. А вот так разделать, как он его разделал, не каждому под силу...

Мальчишки принесли горшок. Вернее, то, что несколько мгновений назад еще можно было назвать горшком, потому что сейчас это были две равные половинки, расколотые топором с такой точностью, словно их распилили.

— Как же так, а? — спросил Юсси. — Два горшка, правда?

— Это невозможно, — сказал младший из братьев Тайпо. — Он был расколот раньше. Топор не нож...

— А ты попробуй ножом — разве так получится? — спросил Матти.

Сийла осмотрел край разлома, покачал головой.

— Я видел однажды, очень давно, такое, — сказал он громко. — Как топор облетел вокруг горшка и разрезал его... Что ж, повезло парню.

— Удачу всякий хвалит, — произнес старый Ийвана. — Только удача удаче рознь.

— Если повезло, разумения не надо! — проговорил богач.

— Ну-ка поставьте еще один горшок, — распорядился Ийвана. — И еще один держите в запасе. Я привез, Кумоха, твой второй топор. Покажи им, как бросают два топора.

— А я соху купил! — радостно сказал Кумоха отцу.

Мальчишки побежали к березе, вставили в расщелину новый горшок.

— Посмотрю, как ты научился в сохах разбираться, посмотрю, — с сомнением покачал головой отец.

Зрители уже стояли плотной стеной сзади Тайпо, Сийлы и друзей Кумохи.

Кумоха взял в каждую руку по топору, приноровился а бросил их одновременно. Один топор упал в развилку, сзади горшка, а второй, словно не долетев, свалился прямо перед березой.

— Теперь Кумоха разрезал горшок не поперек, а по кругу, — объяснил Ийвана. — Один топор сделал надрез сзади, а второй — спереди.

Толпа ахнула, когда ребята принесли горшок и он был разрезан так, как сказал Ийвана.

— Вот что значит свой топор, — вздохнул Сийла. — А я его забыл дома. Но и с ним бы таких чудес не мог сделать... У меня рука уже теперь больше к молоту привычна.

— Скорее пустая трубка задымит, чем Кумоха Снйлу одолеет, — сказал богатый хозяин Тайпо, поправляя на своей голове высокую шапку. — Горшки — забава для ребятишек. Давайте возьмемся за мужское дело: кто скорее дерево повалит!

Про то, как сосны нужно валить

Сийла — это все видели — начинал немного сердиться. Он снова отошел в сторону от поляны, на которой собрались зрители, рубил пни — пробовал топор.

Затем попросил переточить один топор, потом другой.

Чувствовалось, что он начинает все серьезнее и серьезнее относиться к предстоящему спору.

С лица Кумохи после приезда Ийвана так и не сходила веселая улыбка.

Он под любым предлогом старался дотронуться до отца, словно все еще не верил, что тот рядом с ним.

Нийкой охотно рассказывал всем, кто его хотел слушать, как он одолжил лошадей у знакомого торговца и как сумел быстро добраться до Ийвана и вернуться обратно.

Матти и Мокки с важным видом прохаживались мимо семейства Тайпо и заговорщически подмигивали младшему брату: мол, не надо было спорить!

Наконец младший Тайпо не выдержал и, поскрипывая новыми сапогами, подошел к рыбакам.

— Рано радуетесь! — сказал он. — Давайте спорить еще.

— Значит, один топор мы уже выиграли? — уточнил Мокки.

— И улов будущего года — рыба и жемчуг — целиком останется у нас, мы тебе ничего не платим? — подхватил Матти.

— Кто спорил, тот знает, — хмуро подтвердил свое поражение Тайпо.

— Эй, Нийкой, хватит тебе там вышагивать, как цапля по болоту! — крикнул Матти. — Иди сюда быстрее!

— Зачем нам этот охотник? — спросил Тайпо.

— Ему тоже охота с тобой поспорить, — усмехнулся Матти, посапывая трубкой.

Когда подошел Нийкой, то Матти и Мокки в два голоса объяснили ему, что к чему.

— Я согласен, — сказал Нийкой не раздумывая. — Только мне нужно догнать друзей, хозяин. Я спорю с тобой, что Кумоха разделает Сийлу. Хотя все мы любим Сийлу-богатыря, но такого, как Кумоха, еще не было в Карелии — помяни мое слово.

— Ох, как ты своего дружка любишь! — Тайпо начал злиться. — А он еще мальчишка! Смотри, от Ийвана ни на шаг — как молочный поросенок. Так вот вам мое слово: условия прежние. Если Сийла победит в рубке, то вы проиграете мне весь улов будущего года. Если победит Кумоха, я еще на один год вас освобождаю от долгов.

— Что же, по рукам, хозяин! — радостно молвил Матти,

— А, все равно! — обреченно махнул рукой Мокки..

— Только не откажись от слова, хозяин, — сказал Нийкой.

— Нашел с кем разговаривать! — крикнул брату богатый хозяин. — Иди сюда, пора деревья выбирать!

Вместе с братьями Тайпо пошли в лес длинноногий Нийкой и старик Ийвана.

Ийвана, смешно вытягивая из ворота потрепанного кожуха похожую на сухой сучок шею, старался рассмотреть в чащобе подходящие деревья.

Ведь это только кажется, что в лесу легко найти два совершенно одинаковых дерева. Тем более для состязаний. Нужно, чтобы деревья стояли на лужайке недалеко друг от друга, так, чтобы зрители могли видеть одновременно обоих лесорубов. Во-вторых, деревья должны быть крепкими, без изъянов и не меньше чем в два обхвата — словом, такими, над которыми настоящему лесорубу нужно изрядно потрудиться.

Чем ближе к сумеркам, тем воздух становился синее, прохладнее.

Сийла величественно восседал на толстом пне. Казалось, что на кузнеца-великана нахлобучена большая медвежья шапка. На самом же деле Сийла никогда, даже в лютые морозы, шапки не носил — бурые кудри, похожие на медвежий мех, надежно окутывая его могучую голову, сливались с короткой, широкой, как лопасть топора, бородой.

Стоящий неподалеку Кумоха при всей своей ладности в сравнении даже с сидящим Сийлой выглядел всего-навсего хрупким юношей.

Большинство собравшихся почтительно окружали Снйлу. И лишь несколько лесорубов стояли возле Кумоха, и он озабоченно рассказывал им, как выбирал соху. Видимо, его очень волновало, что скажет отец о покупке, одобрит ли, когда увидит.

Радостный Матти (еще бы: выигран спор с младшим Тайпо!) и озабоченный Мокки (еще бы: можно проиграть второй спор с младшим Тайпо!) не оставляли Кумоху ни на мгновение.

— Если лесоруб выбирает соху, то у него только две возможности, — сказал Матти, улучив момент, когда Кумоха замолчал, — или купить хорошую соху, или плохую. Чего сейчас гадать? Решать будет Ийвана. Зачем сейчас зря языком молотить? Ведь даже от самых лучших слов твоя соха. Кумоха, лучше все равно не станет... Послушай-ка теперь, что я расскажу вам про нашего дружка, охотника Ннйкоя... Как ои встретился в лесу с самым настоящим лешим. Слыхали? Он-то сам от этого уже отказывается. Но я видел Нийкоя в тот самый день, когда он вернулся из лесу и когда на нем лица не было от страха!.. Тогда-то уж он соврать не мог!.. Так вот... Было это в здешних местах. Получилось так, что леший спорил с Нннкоем, кто сильнее. Вот как сейчас спорят Сийла с Кумохой...

— Кто же из них леший, а кто охотник? — спросил Мокки.

Лесорубы засмеялись.

Но Матти не смутился:

— А вы разве не знаете? Тот, кто проиграет, тот и будет лешим. Так вот, лешему не понравилось, что охотник никогда с ним не делится своей добычей. «Если я буду тебе оставлять да хозяину отдавать, то купцу нечего будет продавать», — объяснял Нийкой лешему. А тот одно заладил: «Давай и мне, давай, а то хуже будет!» Нашел чем бедняка пугать! Нийкой говорит ему: «Хуже мне быть не может, поэтому я тебя не боюсь!» Тогда леший совсем рассердился и кричит: «Давай силой меряться! Кто кого победит, тот хозяином леса станет. А тот, кто проиграет, тот навсегда из леса уйдет!» — «Согласен», — сказал Нийкой. «Начнем так, — уточнил леший, — я сейчас возьму вот эту сосну, в ладонях ее потру и в песок превращу». — «Это каждый может, — сказал Нийкой. — Давай лучше так: я столкну небо с землей, чтоб все тут раздавить... Ты только мне скобы прибей к земле и небу. Ну, начинай...» Леший покрутил головой: «Нет, это не подходит. Давай лучше из камней воду выжимать...» — «Ладно, — говорит Нийкой. — Только камень нужно покрепче найти...» А сам незаметно вынимает вареную репу из сумы и берет два камня, похожих на эту репу. Леший посмотрел — камни как камни. Взял один — сжал. Воды нет. От камня песок в ладони — вот сила! А Нийкой вместо камня репу в кулаке стиснул. Вода течет, сквозь пальцы репа, как тесто, лезет, а у лешего лезут глаза на лоб: силищи у охотника поболе! «Ну как? —

спрашивает Нийкой. — Еще будем тягаться или хватит? Давай еще раз поспорим: вон дерево сваленное лежит. Ты его за верхушку неси, а я за комель. Кто скорее устанет?» Леший схватил дерево за вершину и потащил. А Нийкой сидит на комле, трубочку покуривает. Дерево длинное, толстое. Леший весь в мыле уже, что конь, который без остановки отсюда до Олонца пробежал... Как только леший останавливался, то Нийкой сразу же соскакивал на землю и хватался за комель, будто он тоже тащит. В конце концов леший взмолился: «Хватит, ты сильнее! Пойдем ко мне домой, гостем будешь». Пошли. Нийкой накормили, напоили, спать уложили. А он не спит, слушает, что лешие промеж себя говорят... Да, забыл. Там этих леших была целая семья — старик отец и три брата. Отец так сказал: «Нам от этого охотника жизни в лесу не будет. Раз мы проспорили, то уходить нужно. Если хотим остаться, то нужно убить его. Он спит в сарае. Вы ночью над тем местом, где он спит, разберите солому на крыше да в дыру камень-валун побольше сбросьте. Охотника, как муху, камень раздавит». Нийкой услышал эти слова и пошел в сарай. Сам лег в другом конце, а вместо себя свою одежду положил. Свернул, скатал — словно человек лежит!.. Ночью братья-лешие солому разобрали на крыше, камень сбросили. Посмотрели — прямо на одежду камень упал. «Нет больше охотника!» — закричали они и пошли в избу спать... А утром Нийкой вытащил из-под камня одежду, оделся и заходит в избу. Лешие сидят за столом. Как увидели охотника, у них ложки из рук выпали. «Как спал, гостыюшка?» — спрашивает старик леший. «Хорошо. — отвечает Нийкой, — только вроде комар укусил меня вот сюда» в шею...» И за еду принялся. День прошел, вечером Нийкой притворился, будто спать пошел в сарай, а сам к дверям вернулся послушать: что же теперь лешие придумают? Ну, раз камнем его не пришибли, решил старик его огнем извести — спалить ночью сарай. Тогда Нийкой сделал из соломы чучело и в сарай вместо себя положил — будто человек снят, А сам пошел в амбар ночевать. Ночью, конечно, сарай сгорел... Утром Нийкой вышел из амбара — и в избу. Как лешие его увидели, так всё бросили и убежали из леса неизвестно куда. С тех пор Нийкой охотится спокойно и все лешие его боятся, не трогают, не пристают...

— А кому же дом леших остался? Амбар и все добро? — спросил кто-то из слушателей.

— Нийкою, конечно, кому же, — усмехнулся Матти.

— Куда же он их дел?

— А куда у бедняка все девается? Братья Тай по за долга отобрали! — Матти весело оглядел стоящих вокруг лесорубов. — Однако случай этот, слышишь, Кумоха, тебе пригодится. Охотник-то над лешим не силой взял, а смекалкой. Понял?

— Ты мне эту сказочку уж раз десять сказывал. — рассмеялся Кумоха.

Вернулись из леса братья Тайпо, Ийвана и Нийкой.

Подходящие сосны были найдены шагах в ста от поляны, гигантские деревья, совершенно одинаковые в обхвате и по высоте — как два близнеца.

Чтобы увидеть их вершины, приходилось головы задирать, а шапки придерживать, чтобы не свалились на землю.

Сийла оглядел сосны, подошел к правой. Толкнул ее плечом, словно задирая. Дерево не шелохнулось.

— Крепко стоит, — удовлетворенно сказал Сийла. — Только долго ли ей осталось стоять-то?

Кумоха подошел к своей сосне, держа в каждой руке по топору.

— Пора бы уже выбрать, какой лучше, — сказал младший Тайпо. — Или без отцовской подсказки не знаешь?

— Мне оба по руке, — улыбнулся Кумоха. — Я левша. Потому и обеими руками рублю.

— В два топора? — удивился Сийла.

— Он всегда так, — подтвердил Ийвана. — С малолетства. Я уж его и не переучивал.
— Значит, против меня два лесоруба! — невесело усмехнулся Сийла. — Ну догоняй, Кумоха!

И он с силой ударил топором по стволу сосны.

Кумоха не торопился. Он рассматривал желтоватые чешуйки засохшей смолы, даже потрогал пальцами едкие, упругие и пахучие сосновые слезы.

Потом ударил с одной руки, с другой. Еще и еще раз...

Обнажились тугие, как связки мускулов, ткани дерева. Они, словно сплетенные в один громадный канат веревки, уходили вверх.

Кумоха вспомнил, как учили его отец и старые лесорубы валить такие сосны: ведь к каждому дереву нужен свой подход.

Рядом ухал топор Сийлы. Кузнец вгрызался в дерево неумоимо, вкладывая в удары всю свою силу. В холодном воздухе каждый вздох Сийлы рождал облако пара.

«Видно, отвык он от лесорубных дел, — подумал Кумоха с сочувствием. — Такое дерево не силой, не напором брать следует».

Кумоха снова нанес по стволу десяток легких, почти неслышных из-за пыхтения Сийлы ударов по сосне. И сосна, словно поняв, что ее ждет, затрепетала. Сверху упали две шишки.

Кузнец вгрызался в дерево неумоимо, вкладывая в удары всю свою силу.

— Я ее сейчас положу вон на тот кустик, — сказал Кумоха зрителям, — чтобы никого не зацепило!

Сийла задышал чаще, заработал топором еще скорее. Облако пара теперь уже почти скрывало его от зрителей. Сийла уже добрался до середины ствола, но сосна еще стояла крепко.

Старший Тайпо, богатый хозяин, встал на ствол старого, давно упавшего дерева. Трубка его дымилась. Борода двигалась в такт удара Сийлы: вверх — вниз, вверх — вниз.

Кумоха наконец начал работать в полную силу — его руки замелькали так быстро, что

слились в сплошную полосу. Нельзя было даже разобрать, сколько топоров рубят — один, два или три. Удары были неслышны — они так быстро следовали друг за другом, что сливались в сплошной гул.

Сосна упала точно на кустик, о котором говорил Кумоха. Ее вершина достала почти до той березы с развилкой, в которую утром, во время первого состязания, вставляли горшки.

Кумоха не успел пот вытереть с лица, как рухнула и сосна Сийлы.

— Таким хозяйка и щепы не лущит! — отбросив топор в сторону, сердито сказал Сийла. — Ах, где мой топор! Кто же знал, что кузнецу на базаре топор надобен будет!

Братья Тайпо мрачно смотрели на то, как обнимались друзья, как хлопали они Кумоху по плечам, спине, даже по голове.

— Хорошо, что шапка новая, — говорил Кумоха, — а то бы разбили голову, черти!

Юсси тоже был чему-то рад и прыгал через пни с криком:

— А я его еще раз! А я его еще!

— Это любой лесоруб может сделать! — сказал наконец младший брат Тайпо. — Победа победе рознь. Велика важность — сосну срубить! А вот пень из земли вытащить не всякому под силу...

Про то, как корчуют пни и как дымит трубка без табака

— Скорее моя трубка без табака задымит, чем Сийла даст себя в третий раз победить! — важно заявил богач Тайпо.

— Корчевать можно эти самые пни, от сосен, — предложил старый Ийвана.

Матти, Мокки и Нийкой скромно стояли неподалеку от младшего Тайпо, и он даже чувствовал на себе их взгляды.

— Ну что вам? — спросил он, подходя.

— Будем еще раз спорить или ты испугался, хозяин? — спросил Матти.

— Я? Испугался? — У Тайпо глаза стали краснеть, как у быка, который вот-вот бросится вперед. — Да я вас, голодранцев, обдеру как липку! При корчевке пней чудес не бывает? Тут ваш Кумоха в лужу сядет! Спорим на все вапгн долги! Если Сийла верх берет, вы мне будете должны вдвое. Если Кумоха — мы в расчете, квиты! Вы мне ничего — и я вам ничего! Ударили?

— Ударим! — как всегда, первым согласился Матти.

— А чего нам бояться? — удивился Нийкой. — Кумоха вытащит этот пень, как зуб из вареной бараньей головы.

Мокки опять намотал бороду на кулак, завздохал:

— Ох, от добра добра не ищут... Уж сколько выиграли — пора бы остановиться.

— Боишься? — прищурился Тайпо. — Может, вместе со мной будешь — за Сийлу? Давай вдвоем с тобой против них держать, а?

— Нет уж, хозяин, прошу прощения, но я буду по старинке, с друзьями, — сказал Мокки.

— Вам же хуже! — махнул рукой Тайпо и пошел к своим.

— Ну хоть пень-то ты вытащишь? — допрашивал богач мрачного Сийлу.

— Уж сколько позора на себя взяли! — вздохнул подошедший Тайпо-младший.

— Кто ж знал этого Кумоху, — развел руками Сийла. — Я-то его в первый раз вижу. А у тебя он даже работником был.

— Что ж, по-твоему, я каждого нищего знать должен? — рассердился Тайпо-старший, обиженно засопев трубкой. — Работник, он и есть работник, его место на сеновале. Дрова

приготовь, поле вспаши, сарай построй, урожай убери...

— Э-э, Тайпо, кому говоришь? — громко захохотал Сийла. — Теперь-то я вспомнил про твоего Кумоху! Это ведь он тебя здорово проучил! Хотя ты, конечно, на продаже медведя заработал кое-что.

— Может, ты Кумоху боишься? — спросил Тайпо-младшй.

— Мне-то чего его бояться? Я — кузнец, он — лесоруб. Мы друг другу не помеха. А вот если б он торговцем стал, то тебе

Т9

бы было чего бояться! Как он с овца ми-то вчера тебя провел, купчина?!

— Пойдем! — мрачно проговорил Тайпо-старший. — Смотри, Сийла, не одолеешь Кумоху — пеняй на себя.

Соперники встали у пней.

— Каждый из вас может помогать себе чем хочет — веревками, лопатами, бревнами, топорами, — сказал Тайно* старший.

— Пусть хоть сам бог помогает, только чтоб его рядом с тобой, Кумоха, видно не было! — крикнул Матти.

— Отойдите все дальше, еще дальше! Не помогайте им, пусть каждый сам делает все, что положено при корчевке! — приказал Тайпо-старший.

На лес уже опустились холодные осенние сумерки. Лесорубы запалили маленькие костерки. Среди темных елей и желтых сосен, окружающих полянку, стволы молоденьких березок казались струйками дыма.

Сийла начал орудовать лопатой — подкапывать пень, чтобы обнажить корни и потом подрубить их.

Кумоха, который еще днем попросил рыбаков принести несколько мотков самых крепких веревок, принялся за загадочное дело: начал накидывать петли на вершины ближайших берез.

Заарканив три дерева, Кумоха тоже взялся за лопату.

Сийла закончил окопку пня и схватил топор. Щепки полетели от корней. Рубаха кузнеца дымилась. Пот струился до бороде.

Кумоха еще только окопал свой пень, а Сийла уже под-, рубил по меньшей мере три корня.

Братья Тайпо повеселели. Все больше зрителей толпилось возле Сийды.

Снова начались споры: все ставили за кузнеца, почти никто не рисковал держать за Кумоху.

А Кумоха тем временем повел себя уж совсем странно. Он взял заранее отточенный острый кол и начал им, как щупом, орудовать среди корневища. Там, где кол проходил насквозь, Кумоха тотчас же протягивал веревку. Орудую колом и веревками, как иглой с нитками, он обвязал-перевязал весь пень так, что тот стал походить на сплошной моток веревок.

— Вяжу морские узлы, Матти! — крикнул Кумоха. — Пригодилась твоя наука!

— Это я его учил, когда мы цепью вязали серого медведя! — гордо объяснил Матти окружающим.

Веревки натягивались все сильнее и сильнее.

Но только тогда, когда три гибких березы склонились над пнем, Кумоха принялся подрубить корни.?

Стараясь распрямиться, березы пружинили, тянули пень вверх с такой силой, что, казалось, корни сами вылезают наружу. Земля вокруг пня, покрытая толстым слоем сосновых игл, вздымалась, бугрилась.

Только теперь Кумоха принялся подрубить корни — самые толстые, основные.

Сийла даже рубаху скинул — так ему было жарко. Лицо кузнеца алело, как горящий табак в трубках лесорубов. Могучие плечи молотобойца работали мощно и ровно: топор описывал в синюющем воздухе правильные полукружья, как молот над наковальней, и щепки летели из-под него, как искры.

Полотняная белая рубаха Кумохи в темных пятнах и подтеках пота казалась сделанной из бересты.

Когда два самых толстых корня Кумоха перерубил, то мелкие корни сами начали лопаться, рваться, трещать — неумолимая сила тянула корневище вверх. Пень словно ожил — он зашевелился, от каждого удара топора по корням дрожал и лез из земли, словно его снизу кто-то подталкивал.

Сийла уже добрался до последнего корня, и его пень зашатался, как зуб, готовый вот-вот выпасть, когда друзья Кумохи дружно и радостно закричали:

— Ого-го-го! Кумоха!

Обмотанный веревками пень, как пробка из бутылки, выскочил из земли и закачался в воздухе меж трех берез, осыпая стоящих внизу людей землей и сосновыми иглами.

На голую спину Сийлы упали сверху комья земли, он поднял голову и увидел болтающийся на веревках пень.

— А-а, леший! — Сийла с такой злобой ударил по своему пню, что он свалился набок.

— Раньше злиться надо было! — сквозь зубы проговорил младший Тайпо.

— Кузнецы только и знают, что молотами стучать, а больше ничего не умеют, — зло сказал старший Тайпо.

Ийвана заботливо помогал сыну надевать кожух.

Нийкой жалел, что ружье оставил в селе у кума. — в честь победителя можно было расстрелять дюжину патронов!

Чтобы в Пус-погосте все знали: в лесу праздник!

Матти и Мокки обнимали друг друга.

— По-моему, вы больше тому радуетесь, что свой спор с младшим Тайпо выиграли, — сказал им Нийкой.

— И тебе не стыдно, длинноногий, так говорить о друзьях? — весело воскликнул Матти.

— Почему же? — ответил рассудительный Мокки. — Две победы лучше, чем одна.

— Хочу я посмотреть на его тощую бороденку! — засмеялся Матти. — Я ему так и скажу: хозяин, накорми свою бороду, может, поумнеешь!

— А вот не скажешь побоишься! — подхватил Нийкой.

— Верно, не скажу, — неожиданно легко согласился Матти. — Лежачих не бьют. Он на спорах и так немало потерял сегодня.

— Не обеднеет твой купчик! — сказал Кумоха. — А вы, когда спорили, обо мне забыли.

— Как? — встревоженно воскликнули вместе Матти, Нийкой и Мокки. — О тебе? Разве ты тоже должен Тайпо?

— Нет, вы должны были бы спорить еще и на угощение для всех нас! Не знаю, как вы, друзья, а я бы сейчас медведя съел целиком!

— Зачем тебе медведь, когда ты уже съел меня, ежик? — прозвучал сиплый бас, и к Кумохе подошел Сийла. — Ну, молодец парень... В молодости, когда я был лесорубом, может, с тобой и справился бы... Так то в молодости... А нынче... Мой совет Тебе, Кумоха, прежний: не будь глупым ежом. Не топорщи иглы без нужды. Береги себя для больших дел. не трать сил попусту!

Сийла потрепал своей громадной ладонью плечо Кумохи и пошел прочь.

Лесорубы, чтобы согреться, разожгли несколько больших костров.

Поскучневшие братья Тайпо отыскиали Юсси и собрались было покинуть поляну, когда к ним подбежали радостные Матти, Мокки, Нийкой.

Матти схватил младшего брата за рукав:

— Ну, что я говорил, хозяин? Мы знали, кто победит! Значит, квиты, хозяин? Признаешь свой про спор?

— Мы тебе теперь ничего не должны! — уточнил Мокки,

— Как и ты нам, — вставил Нийкой.

— Ладно, ладно, отстаньте! — отвернулся младший Тайпо.

— А ты чего пригорюнился, хозяин? — осмелев от радости, спросил Матти старшего Тайпо.

В рыжих глазах богача прыгали то ли отблески пламени костров, то ли злые огни. Он посмотрел снизу вверх на рыбаков и сказал, сося пустую трубку:

— Я ни с кем не спорил. Мне все равно. Моя рубаха не в этой стирке. Вот табак у меня кончился.

Несколько кисетов и берестяных коробочек с табаком услужливо протянулись к богатому хозяину.

— А зачем тебе табак? — раздался голос Кумохн. — Твоя трубка и без табака сейчас дымит!

И все увидели, что в холодном вечернем воздухе из трубки Тайпо вьется сизая струйка — пар от дыхания казался табачным дымом.

— Тьфу! — сплюнул богач, поправил свою высокую шапку и, не взяв ни у кого табак, направился к тропинке, ведущей к Пус-погосту.

— Обиделся почему-то хозяин! — весело промолвил Кумоха.

За отцом вприпрыжку побежал Юссн. За Юсси тяжело прошагал Сийла. Последним

пошел мрачный младший брат Тайпо.

Ийвана, Кумоху и его друзей лесорубы привели к самому большому костру.

— Сийлу никто не побеждал вот уже лет двадцать! — сказал один из стариков. — А сегодня богатырем стал Кумоха.

— Даже говорить не могу, так устал! — почти падая на траву, сказал Кумоха.

— Я вместо него скажу все, что положено, — подхватил Матти. — Теперь одной силы лесорубу мало. Нужно умение! Смекалка! Вот за то, что Ийвана, когда сына растил, об этом не забывал, спасибо ему!

Костер слабел, а луна становилась ярче, хотя все чаще пряталась в рваные лохмотья облаков. В те мгновения, когда она выглядывала из них, тропинка, ведущая к Пус-погосту, казалась серебряным беззвучным ручейком.

— Пора и нам под крышу, — сказал Ийвана наконец. — Спать пора. Да ведь еще соху нужно посмотреть.

При слове «соха» Кумоха тяжело вздохнул, а Матти рассмеялся, представив себе, как сейчас трусит его друг Кумоха.

Все поднялись, Мокки начал забрасывать костер.

И в это мгновение стало слышно, что кто-то тяжелый идет по лесу, приближаясь к поляне.

Взгляды всех устремились на тропинку-ручеек.

Могучая, напоминающая вставшего на ноги большого медведя фигура появилась на тропе.

— Сийла! — удивленно выдохнул Матти.

— Это Сийла! Сам Сийла! — воскликнул Нийкой, хотя и; так уже, все узнали кузнеца.

Сийла медленно подошел к полупотухшему костру и грузно опустился на охапку листьев и щепок.

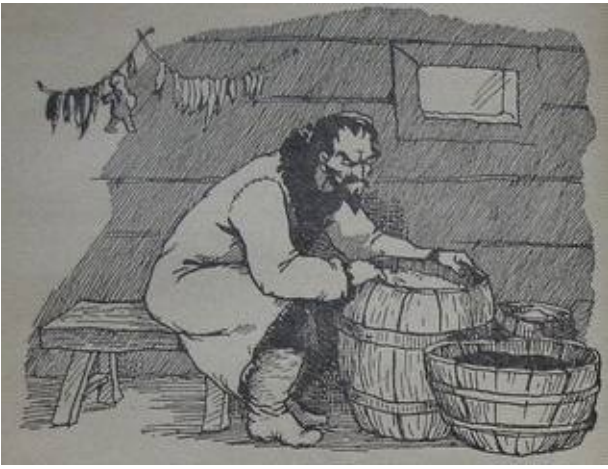
Лесорубы молча смотрели на него.

Только тут Кумоха разглядел на сапогах Сийлы многочисленные латки, на скрюченных, как корни дерева, толстых пальцах рук — бесчисленные следы старых рубцов и шрамов, а на лице — сплетающиеся в мелкую сеть морщины и морщинки. Глаза его были грустными и усталыми. Ох, тяжелая была, видно, жизнь у кузнеца!

— А ну их к лешему! Всех! — заговорил вдруг Сийла, пристально глядя на мерцающие угли. — То друг друга попрекают, укоряют, ругают, то все вместе — меня!.. Пропади они пропадом, такие друзья! Я всегда был за честный спор И если проиграл, то тому, кто сильнее меня, кто умнее меня. Что ж тут позорного? Украл я, что ли? Или убил кого?

— Верно, произнес Кумоха, — не встречал я еще ни одного справедливого богача.

— И не встретишь, сынок! — сказал Ийвана. — Да и зачем тебе у них справедливости искать? Мы, бедняки, сами меж [собой во всем разобраться можем. Правда, Сийла?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

КАК КУМОХА У ВОРОНА-КОЛДУНА ЖИЛ, А С ПОПОМ ВАСИЛИЕМ ДРУЖИЛ

Если в реке вода вспять пойдет или рыба быстрее зайца побежит — это еще не чудо. А вот если поп бедняка угощать примется или хозяин с работником рассчитается честно — это уже самое настоящее чудо!

(Из рассказов Матти)

Зима кончилась, но это было заметно лишь по частым оттепелям. Лед стоял еще по морозному крепко, снег лежал глубокий.

Кумоха, Нийкой и Матти встретились недалеко от водопада Иматра.

У каждого было свое дело. Кумоха и лесорубы валяла деревья — готовились к летнему сплаву. Нинкой охотился на зайцев и белок. Матти добывал рыбу. Особенно ловко он глушил налимов: ведь зимой налим возле берега держится подо льдом. Матти находил налимяью зимовку, сильно бил колотушкой по льду. Оглушенная рыба деревенела, а Матти внешней быстро раскалывал лед и доставал добычу.

Свежую рыбу и зайчатину ели все лесорубы. Без охотника и рыбака им пришлось бы в лесу тяжело.

Временами мороз лютовал, будто зима не кончалась уже, а наступала. Метели наметали в избе лесорубов полные щели снега. В самые холодные ночи мороз так крепчал, что избушка потрескивала, словно по ней снаружи стучали колотушкой.

Но утром снова ласково светило солнце, и Матти, всегда первым выбегающий из душной избы, кричал:

— Погодка как свеженькое молочко из погреба! Открывай рот и пей!

По расчетам Кумохи, через неделю работу можно было заканчивать и расходиться по домам — леса для сплава уже хватало.

Но неожиданная весть сломала все его планы.

Про то, как Ворон-колдун начал богатство наживать, и про грустные вести из родного дома

Однажды днем на том берегу реки появился лыжник. Длинная борода его развевалась, как дым. Лыжник быстро перебежал по льду к лесорубам.

— Мокки! — закричал Матти, забыв про очередного оглушенного налима. — Вспомнил о нас, длиннобородый!

— Гость — всегда радость! — сказал Кумоха. — Тем более, когда гость — друг.

Но радости приезд Мокки никому не принес: рыбак прибыл с печальными известиями.

— Твой отец тяжело болеет, — сообщил Мокки Кумохе. — Я был у него. Он просил меня съездить за тобой... Спешить нужно... Очень плохо Ийвану... Совсем плохо ему...

Мокки рассказал, что Ийвана простыл в лесу, едва дотащился до дому, слег. Перепуганная неожиданной болезнью мужа Ирукка вызвала колдуна Ворона, которого многие почитали за великого лекаря.

— Он еще и сейчас у вас, должно быть, — закончил Мокки. — Все на меня косился, а на Ийвана даже прикрикнул, когда о тебе разговор пошел... Собирайся, Кумоха!

Матти, как обычно, считал своим долгом как-то подбодрить Кумоху, не то чтоб развеселить, а так — настроение хотя бы слегка приподнять. Пока Кумоха собирался в дорогу, он рассказал, что знал, о колдуне Вороне:

— Знаете, как он себе богатство наживал? Его имя тогда было Арко. А уж Вороном-то он потом назвался... Так вот, добра у Арко было всего один рваный лапоть. Нашел где-то, завернул его в холстинку. Приходит в село, к хозяевам ночевать просится. «Ночуй». — «У меня тут... с собой... — говорит Арко-Ворон, — я к курам положу... Ладно?» — «Клади». Они, хозяева-то, думали, у него под холстиной курица либо петух прикрыты — зима, мороз ведь на дворе. Арко тот лапоть в курятник и бросил. Утром проснулся, отведал хозяйской хлеба-соли, стал в путь собираться. Просит: «Дозвольте я свою курочку возьму...» — «Бери, бери...» Он выбирает курицу получше, в холстинку ее — и пошел дальше... Когда еще хозяева разберутся, что курицы нет! Так... Идет Арко-Ворон, идет, дошел до другого села. «Пустите переночевать!» — просится. «Ночуй, места много». — «У меня тут живность... — говорит Арко, а сам холстины не снимает. — Дозвольте, к овечкам подпущу до утра?» — «Пускай». Они-то, хозяева, думали, козленок у него либо ягненок. И опять, как с той курицей, утром забирает он молодую овечку и пошел дальше. Ну, овечку в холстину не завернешь. Идет так. К вечеру заходит в дом, который побогаче, остается ночевать, овцу подпускает к телятам. «А то, говорит, моя овечка среди ваших овец затеряется, а уж среди телят — нет». Утром поел, уходить собрался, с собой забирает теленка. Хозяин в крик: «У тебя овца была, а ты теленка берешь!» Арко-Ворон сам тоже кричать умеет — все село собрал. «Вот, говорит, какие у вас в селе люди злые живут. Я теленка на ночь оставил, а мне его увести не дают!» — «Овца у тебя была, а не теленок!» — кричит хозяин. «Люди добрые! — отвечает Арко-Ворон. — Ну где ж видано, чтоб овцу к телятам подпускали, когда овчарня есть? Нарочно жадный хозяин подпустил овцу к телятам, меня бедного обмануть хотел, теленка отобрать...» И так Арко-Ворон им головы запутал, что хозяин сам от своего теленка отрекся. Ладно... Идет Арко с теленком... Зашел ночевать в другое село. Поставил теленка к коровам. Утром то же самое.

Кричали, орали, чуть до драки дело не дошло; забрал Арко корову, пошел дальше. Обманул еще одних — взял за корову лошадь. А что дальше? На следующем ночлеге сбрую у хозяина отобрал, сказал, что на его лошади такая точно была. Так на лошади и в село приехал. Лошадь на избушку обменял. До сих пор живет в той избушке. Богачом уже стал, а избушку держит старую... Вот какой колдун!

— Брось ты свои сказки, — сказал Мокки; — Не до них теперь. Готов, что ли, Кумоха?

Нийкой-охотник отдал другу свой ахкиво — легкие саночки вроде лодочки, которые охотники всегда зимой в лес берут. Легкие они, а много на них укладывается: мороженных налимов положили для Ийвана, зайчатины, остатки муки. Кумоха и Мокки простились с друзьями, пустились в дальний путь.

Про то, как Ворон-колдун с чертями плясал и как Кумоха с горем встретился

Эта зима, в отличие от других, никаких бед дому Ийвана не предвещала. И припас кое какой был, и стены подправили, и печь переложили, и подновили баньку, недаром Кумоха не покладая рук то дома, то на болотах, то в лесу работал.

И Айно уже подрастала: вместе с матерью из бересты кошили делала, туески, солонки, поделки всякие.

Ийвана их к купцам отвозил, давали дешево, а все лишняя копейка: то соль купишь, то кожу, то еще чего. Бедно жили, но голода уже не было.

Однажды сидели Ирукка и Айно дома, берестой горшки обматывали — крест-накрест, красиво! Но не ради красоты это делали, а чтоб старые горшки, у которых трещинка либо щербатина большая, еще зиму-другую послужили.

Утром Ийвана повез санки с корзинками да берестой к купцу. Ему вечером положено было бы вернуться, а он вдруг среди дня, почти в полдень явился, без санок, едва ноги переставлял.

Айно как была в платье одном, так навстречу ему и выбежала, подхватила — а то бы упал! — в дом ввела.

Оказывается, плохо Ийвану стало по дороге. Присел возле санок, а встать не может. Замерзать стал. Едва заставил себя идти...

Протопили пожарче баньку — не помогла на этот раз всесильная банька. Значит, плохи дела. Ирукка свое заладила: Ворона позвать нужно, только он смерть отгонит, он и знахарь, и колдун, и заговоры знает; про него говорят, что он самого Хийси — хозяина лесного — видел, секреты от него узнал всякие, оттого и в ворожбе и во всяких прочих делах удачлив.

Ворон приехал на своем мохнатом ширококостном коричневом коньке, похожем на большого тощего медведя.

Колдуна не зря прозвали Вороном: его голова и борода были такими черными и блестящими, словно их дегтем намазали.

На щеках по обе стороны от носа сидели большие шишки. Рассказывали, что прежде у него была только одна шишка — не то справа, не то слева, теперь уж точно никто не помнил. А вторую он приобрел довольно необычным способом: как-то раз одного купца, у которого была такая же шишка, застигла в лесу непогода, и он спрятался в дупло старого дерева. Пригрелся и заснул. А когда проснулся, то услышал странные голоса. Выглянул и увидел лесных чертей, плясавших вокруг дерева. Черти его тоже заметили. «Вылезай! — приказали они. — И пляши! Покажи нам, как люди пляшут!» Купец — делать нечего! — стал плясать. Чертям пляска понравилась. «Приходи к нам в следующий раз, на той неделе в это же время!» — сказали они купцу. Потом их одолели сомнения: а вдруг плясун испугается и не придет? Все-таки он человек, а люди почему-то чертей боятся! И тогда самый старый черт сказал: «Оставь нам что-нибудь в залог. Чтобы мы знали наверняка — обмана с твоей стороны не будет». Хитрый купец смекнул: тут можно получить кое-какую выгоду. И говорит: «Берите у меня что хотите, кроме шишки, которая на щеке». Черти на это и клюнули: вот, значит, что у купца самое дорогое! «Я у других людей такой штуки не видел! — сказал старый черт. — Видно, это и есть самое дорогое». Они взяли у него шишку в залог, и купец радостный помчался домой. По дороге его люди даже не узнавали — так изменилось его лицо, стало гладким, как у всех. Узнал об этом чуде Ворон, пришел к купцу и все выведал. «Можешь пойти туда вместо меня, — предложил купец, — и у тебя с лица черти шишку заберут». Ворон так и сделал: спрятался в дупло, потом вылез к чертям, плясать начал. Но он плясал так плохо, что черти махнули на него рукой — устал, видно, не отдышался с той ночи! «Но раз ты все-таки нас не обманул, явился, то возвращаем тебе залог», — сказал старый черт и пришлепнул стариковскую шишку Ворону на другую щеку. Черти исчезли, а Ворон так и стал жить с двумя шишками. Из-за них лицо колдуна казалось необычным, загадочным, странным.

Ворон прожил в доме Ийвана полторы недели, но ничем не помог больному. Потом забрал с собой — в уплату за лечение — единственную корову, два последних мешка с мукой и все мясо, какое только нашлось в доме.

— Если что-нибудь мясное или мучное в доме будет, то Ийвана никогда не поправится, — объяснил Ворон. — А так он встанет через пять дней! Или через десять!

И уехал.

От огорчения, что колдун так их обобрал, Ийвана почувствовал себя еще хуже. И лучше ему не стало ни на пятый, ни на десятый день.

А когда примчался Кумоха, то отец уже едва мог говорить. Его исхудавшая шея походила на пучок сухих прутьев, а ладонь — на высохшую щепку.

— Жалей мать и сестру... — сказал он Кумохе. — береги... Айно... не отдавай чужим людям в услужение... не позорься... мы хоть и бедняки... но вольные люди... смотри... — Он перевел дух и продолжал — И возьми мою трубку... Она досталась мне от деда... неказиста... но чубук хороший... больше я тебе ничего... не могу... будь справедливым всегда... никого не бойся.

Это были его последние слова...

Когда в жизни у Кумохи случалась беда и ему нужно было успокоиться, то он шел в лес. Лес всегда успокаивал его, приводил мысли в порядок.

Очередная оттепель сменилась очередными морозами, и тонкая ледяная пленка покрыла снег, деревья, кусты. Лес стоял словно выкованный из серебра. Ветер гудел в ветвях-льдинках, сотни солнц сверкали на обледенелых боках сугробов.

«Надо убить этого колдуна-вора, колдуны-обманщика, колдуна-волка... А мать все еще защищает его: «Он тихий, скромный». Правильно сказала Айно: «Он скромный, как голодный волк...» И снова мать взяла его под защиту: «Он не виноват, это мы виноваты. Он же сказал, чтобы мы не оставлял.» себе нм куска мяса, ни крупинки муки... А я спрятала для Ийвана кусок пирога с мясом... Он очень любил пироги с мясом, мой Ийвана...» Вот ведь как Ворон научился обманывать людей: такое горе в доме, а мать и в эти дни находит для него оправдание... Убить его, вора, мало! Привязать к двум березам, чтоб разорвать его пополам... Или затопить баньку и запарить до смерти... Жаль, не застал я его здесь!.. Ну, убил бы, а что дальше? Старушки, вроде матери, стали бы по-прежнему почитать его как лесного духа... Нет, нужно его перехитрить, чтобы все увидели, поняли — Ворон не колдун, а простой вор, захребетник, обманщик! Чтобы он из Карелии ноги свои унес подальше!

Ветер звенел обледенелыми ветвями, веточками, сучками.

Солнце искрилось, сверкало, слепило — казалось, светило отовсюду.

Кумоха до вечера бродил по лесу.

Этот день показался ему самым длинным днем в жизни — долгим и горьким, как голодный год.

Но зато к вечеру Кумоха уже твердо знал, что нужно делать.

Про то, как Кумоха от глухоты избавился,

а Ворон-колдун „чудо” сотворил

Ворон жил одиноко. Совсем один — ни кошки, ни собаки.

— Меня Хийси, лесной хозяин, бережет, — говорил он людям.

— Ни мышей, ни тараканов! — удивлялись соседи. — Один в избе. Ох, нечисто дело, нечисто!

Кумоха пришел в село под вечер и легко отыскал избушку Ворона.

Колдун щепал лучину возле порога.

— Переночевать пусти, хозяин, — попросил Кумоха, поправляя черную повязку, закрывающую левый глаз и перечеркивающую лицо.

— У меня нельзя, — сказал Ворон. — Иди к соседям попросись.

— Спасибо, хозяин! — низко поклонился Кумоха. — А то устал, издалека я.

И прошел в избу.

— Ты что, глухой? — входя за Кумохой в избу, спросил Ворон.

— Спасибо! — снова поклонился Кумоха и принялся стаскивать кожух с плеч.

— У-у, пень! — закричал Ворон, подскочил к высокому, под потолок, Кумохе и попытался помешать ему раздеваться. — Уходи!

— Спасибо, спасибо, — сказал Кумоха, — помоги раздеться, хозяин, а то что-то промерз я в дороге...

Сколько Ворон ни кричал, с Кумохи как с гуся вода. Разделся, сел на лавку. Ворон щупленький, вертлявый — ему Кумоху и с места не сдвинуть. Что поделаешь?

Глаза у колдуна топкие, болотного цвета. Смотришь в них — будто в трясику проваливаешься.

— Поесть нет ли чего, хозяин? — спросил Кумоха.

— Нет, нет, нет! — замахал короткими ручками Ворон. — Еще чего захотел! Дубина кривая!

— Спасибо, хозяин! — растроганно молвил Кумоха. — Добрая у тебя душа! Да ты сиди отдыхай, я сам возьму!

Кумоха встал с лавки, подошел к печи, вытащил горшки.

Ворон был настолько ошарашен, что даже не двинулся с места. Он только бормотал что-то о глухоте, которую черти насылают на людей за их грехи.

Кумоха поел; что осталось — назад, в печь, поставил.

— Издалека идешь? — опросил Ворон.

— Спасибо, хозяин, хорошо поел!

— Откуда ты, спрашиваю? — закричал Ворон.

— Ладно уж, лягу тут на лавке...

— Куда идешь?!

— Завтра не буди, хозяин, мне не к спеху, сам проснусь!

Кумоха пристроился на лавке, кожухом накрылся и притворился спящим.

Ворон кружил по избе, бормотал, фыркал, потом полез на печь.

В избенке густо пахло сушеными травами. Всюду стояли бочонки с какими-то рассолами, туески с землей — серой, черной, желтой.

Чучело белой совы было прибито над подслеповатым оконцем. Пучки перьев и деревянные дощечки с вырезанными на них человечками болтались во всех углах.

Ворон еще долго говорил о чем-то сам с собой, потом затих...

Когда Кумоха проснулся, в избе было все еще темно. За маленьким тусклым оконцем — сумеречное утро. На лавке у печи сидел Ворон и две щуплые старухи, почти неотличимые одна от другой. Обе курили трубки. Дым был сладкий, отдавал прелью.

«Не то траву курят, не то лист сушеный, — подумал Кумоха. — Табак жалеют...»

— Спасибо, хозяин! — сказал он, поднимаясь. — Хорошо поспал. Поесть бы чего теперь!

— Уходи, уходи, нет для тебя ничего! — закричал Ворон.

— Вот спасибо, хозяин! — Кумоха сунулся в печь, но там было пусто.

«Попрятал все, ворюга!» — подумал Кумоха и, широко, во всю бороду, улыбнувшись, произнес:

— В погреб не надо лезть, я сам спущусь!

— Глухой, глухой пень! — взвизгивая от бессилия, закричал Ворон. — Кривое полено!

Из погреба достал Кумоха сметаны, туесок меда, зайчатину пареную.

«Хорошо живет колдун!» — усмехнулся Кумоха, принимаясь за еду.

Старухи невозмутимо продолжали дымить трубками и следить за каждым движением

Кумохи. Ворон закрыл глаза и начал бормотать какие-то непонятные слова. Он бормотал их все быстрее, быстрее. Кумоха с любопытством смотрел на него: вот уже и губ не различишь, слилось все в один шевелящийся комок.

Старухи, вынув трубки изо рта, смотрели на колдуна почтительно и опасливо.

«До чего запугал старушек!» — улыбнулся Кумоха, приканчивая пареного зайца.

Наконец Ворон умолк. Устало откинулся к стене. Открыл глаза и, со злобой глядя на Кумоху, сказал:

— Я просил лесного хозяина Хийси о чуде!

Старушки низко поклонились колдуну.

«Сейчас я тебе устрою чудо!» — обрадовался Кумоха.

— Спасибо, хозяин, за хлеб-соль! — громко сказал он.

— Хромой черт в дальнем болоте — вот кто твой хозяин! — проговорил Ворон.

— Почему черт? удивился Кумоха. — Я такой же человек, как все...

Старушки от удивления уронили трубки на колени.

Ворон как раскрыл рот, так и забыл его захлопнуть.

— А-а! — закричал Кумоха. — Слышу! Слышу! А-о-у-е! Все слышу!

— Чудо сотворилось великое, чудо сотворилось великое! — запричитали старушки.

— Десять лет не слышал ничего! — продолжал кричать Кумоха. — И вдруг чудо! Как тебя звать, хозяин, кого мне по всей карельской земле славить?

Ворон захлопнул рот, приосанился и важно сказал:

— Я — Ворон, друг лесного хозяина Хийси! Я просил Хийси, чтоб он помог тебе, бедному, убогому человеку!

Кумоха низко-низко, почти лбом в пол, поклонился колдуну.

— Идите и расскажите всем о чуде! — приказал Ворон старушкам.

Старушки послушно засеменили к двери, тихо прикрыли ее за собой.

Ворон уже смотрел на Кумоху изучающе, как рачительный хозяин: мол, большой ли из тебя толк будет?

— Ия пойду, хозяин! — проговорил Кумоха, стараясь казаться как можно более взволнованным. — Всем буду говорить...

— Нет, ты мой гость! — Колдун вскочил, чуть ли не повис на плечах у Кумохи. — Поживи чуток, отдохни. Дорога от тебя никуда не уйдет!

— Спасибо, хозяин. — Кумоха снова опустился на лавку. — Отчего ж не погостить.

— Сам-то ты чей? Откуда?

— Я сын кузнеца Снийлы, к отцу шел, под Пудож.

— Сийлы-богатыря? Что-то он мне ни разу про сына не говорил.

— Разве я не похож на него? — выпрямился во весь рост Кумоха.

— Похож, похож! — сказал Ворон. — Такой же здоровый... А где ж ты был? Куда ходил? Почему не при кузне, не пре отце?

— Так я же глухой! Отец меня не любит, про меня и говорить-то ему тошно... Чем похвалиться — глухим да кривым сыном?

— Верно, верно...

— Жил я у лесорубов, на Иматре. Работа там кончилась решил к отцу зайти. Спасибо тебе, хозяин, приютил на ночь! Не оставил бы меня, так и ходить мне глухим до конца жизни!

Колдун только головой крутанул — мол, чепуха, такие чудеса я каждый день могу творить!

Потом бочком, бочком подошел к Кумохе, положил сухие, но еще крепкие руки ему на плечи, усадил на скамью. Когда светлые глаза Кумохи оказались вровень с топкими глазами

колдуна, Ворон спросил ласково:

— Ты же не глухой был, зачем меня, старика, обманывал?

Кумоха, не смутившись и не раздумывая, ответил, утопая взглядом в глазах колдуна:

— Чтоб тебе, хозяин, в делах помочь. Лишнее чудо никогда не помешает. Народ тебе уважение окажет, а ты меня за чудо отблагодаришь — вот и я не в накладе. К отцу не хочется с пустыми руками возвращаться!

Ворон пристально смотрел на Кумоху.

— Смышленный парень, — промолвил он наконец. — Поживи у меня денька два-три... А зовут тебя как? Только без обмана говори мне!

— Чего ж тут обманывать — Кумохой!

— Кумоха? Слыхивал я про одного Кумоху, сына Ийвана-лесоруба.

— Так мало ли Кумох на свете! — усмехнулся Кумоха. — Имя как имя... Не хуже Онти... или Феду... или Кондро... Каких только имен не бывает!

Слухи о чуде, старательно разносимые старушками по селу, уже приносили свои плоды: в избу к колдуну то и дело входили какие-то люди, низко кланялись, шептались с ним, во все глаза таращились на Кумоху.

Большинство приносили что-нибудь: несколько яиц, туесок мучицы, кувшин с моченой морошкой, связку сухих грибов.

Колдун сидел важный, изредка поглаживая шишки на щеках, косился глазом на Кумоху: мол, видишь, как меня уважают?

Кумоха же старался улыбаться как можно шире и часто поправлял сползающую от улыбки с глаза черную повязку.

Перед самым наступлением сумерек во двор колдуна вошел рыжебородый мужик.

Несколько крестьян, покуривающих трубки и ведущих меж собой неспешный разговор о чудесах, с любопытством уставились на незнакомца.

— Это двор Ворона? — спросил рыжебородый.

И, услышав утвердительный ответ, как подкошенный упал на колени, пополз к избе.

Возле замеченного снегом порога он остановился и звонко воскликнул:

— С места не двинусь, пока хозяин меня не спасет! Пусть замерзну здесь, жизнь погублю, но никуда больше не пойду! Если Ворон-колдун мне не поможет, никто на свете мне больше помочь не сможет!

Встревоженный Ворон накинуд полушубок, вышел из избы к рыжебородому, спросил:

— Чего тебе, гость далекий? Какому горю помочь?

Сорвав с головы шапку, рыжий ткнулся в снег у ног колдуна и плачущим голосом проверещал:

— Дочку спаси, хозяин! Расколдуй дочку! Сотвори чудо! Ты все можешь! Сглазили мою

девочку Улли! Спаси Улли хозяин! Чего хочешь тебе дам! Всю жизнь работать на тебя буду!

— Что с ней? — спросил Ворон. — Говори толком, не блажи.

— Спаси! Спаси мою Улли!.. — продолжал тыкаться рыжей головой в снег мужик.

Вокруг него уже собралось человек десять любопытных.

Ворон наклонился, рывком поставил рыжего на ноги, заглянул ему в глаза и сказал внушительно:

— Дочка-то твоя где?

— Заколдовали... — пробормотал рыжий.

— Почему ее не привел? — спросил Ворон.

— Как не привел? — Мужик нахлобучил шапку на рыжие кудри. — Здесь она, хозяин, со мной!

Он выбежал со двора и тотчас же вернулся, ведя за собой черную овцу.

— Вот она! — шмыгнув носом, произнес рыжий и показал на овцу. — Иди, Улли, не бойся! Он тебя расколдует!

***Про то, как Мороз Синий нос остался с носом,
и про то, как девушка Улли стала черной овцой***

Зрители ахнули.

У Ворона от удивления начала отпадать нижняя челюсть, и она, наверное, упала бы в снег, если бы он вовремя не схватился за бороду.

— Как же... это... того... — проговорил он дрожащим голосом.

— Помоги только, хорошо заплачу! — снова бухнулся на колени мужик и начал рыжей бородой подметать снег у ног колдуна. — Только ты один все можешь!

Кумоха, который вышел из избы и стоял сзади Ворона, незаметно подтолкнул колдуна в бок и сказал громко:

— Разве ты, великий ворожей и чужодей, не умеешь злые чары снимать?

— А? — вздрогнул Ворон. — Чары?.. Конечно, могу... Подумаешь, чары...

Все, кто стоял во дворе, смотрели на ничем не примечательную черную овечку, испуганно озирающуюся по сторонам.

И хотя каждый слышал в детстве множество сказок и рассказов о превращениях, о волшебстве, о прочих чудесах, но никто никогда не встречал ничего подобного в жизни. Могущество Ворона не вызывало сомнений, его растерянность никто не заметил, и поэтому все ждали немедленного чуда.

— Мужика с овцой — в дом! — тихо сказал на ухо колдуну Кумоха. — Там разберемся...

Ворон уже овладел собой. Пристально оглядев собравшихся, задержал взгляд на овце, долго смотрел на нее, потом сказал:

— Заходи в избу, Улли! Обогрейся с дороги! — И негромко в сторону рыжего: — Берн дочку, иди за мной!

Нежно придерживая овечку и тяжело вздыхая, рыжебородый двинулся к избе.

Ворон еще раз внимательно оглядел стоявших во дворе мужиков и старушек и понял, что их наполняет неистребимое желание собственными глазами увидеть чудо.

— Кто ее околдовал? Каким заклятьем? За что? На всю жизнь или на год? — спросил Ворон с порога. — А, кто скажет?

Никто! Ты один это знать можешь! — отозвалось несколько голосов.

— Вот мне это все разузнать и надобно! — важно сказал Ворон, поглаживая шишку на щеке. — На это не один день, может, уйдет. Дело не простое, ох не простое...

Он быстро вошел в избу, за ним туда прошли рыжебородый с овечкой, Кумоха.

Народ, услышав, что колдун сегодня больше чудес творить не будет, крестясь, вздыхая

(«Вот какие дела-то бывают!») и припоминая различные похожие случаи из бабушкиных рассказов, пошел по домам.

Шустрые старушки-курильщицы тоже отправились восвояси.

Остались в избе Ворон, Кумоха, рыжебородый и овца.

— Ну, рассказывай. — Ворон сморщился, словно чего-то горького хлебнул. — Все-все сказывай! Смолчишь про что — дело погубишь!

Он вскочил, зажег вторую лучину, уставился в лицо рыжебородого.

— Так... — сказал рыжебородый. — Только если все говорить, длинно будет.

— Пусть! — Ворон передернулся всем телом. — Только вое говори, ничего не утаивай. — Утаишь — все равно узнаю!

— Про двух братьев Морозов — про Красный нос и Синий нос — слышали? — спросил рыжебородый. — Слышали? А я с Синим носом, как сейчас с тобой, хозяин, встретился. У них — это уж я потом узнал, — у Морозов, жизнь скучная. Ну, снегу набросал, холоду напустил, реку льдом покрыл, вьюгу затеял. А еще что? Зима-то длинная, вон какая, ей конца-краю нет! Скучают Морозы — хоть друг с другом на кулачки. И придумали они такое веселье: на спор взялись заморозить двоих мужиков. Кто скорее заморозит. Одного мужика богатого, второго — бедняка, лесоруба. Синий нос был похитрее, он так рассудил: бедняк в дырявом кожухе, сам кожа да кости, одна борода теплая. С ним легко сладить будет. А богатый в шубе, на санях, да еще сверху шкурой медвежьей прикрыт, до него и не доберешься... Вот он так подумал и говорит Красному носу: «Ты, кум, давай богатого морозь, а я за лесоруба возьмусь. Кто скорее справится, тот того угощает...» Сговорились, по рукам ударили, разошлись. А вечером они всегда в ледяной пещере встречались, иной раз ночевали в ней. Им-то, Морозам, ведь где холоднее, там милее... Красный нос пришел первым. Ждет кума своего, ждет, хотел уже вьюгу-старуху за ним посылать. Наконец приходит Синий. Хромает, кашляет, охает. Нос не то что синим — черным стал. «Что с тобой, брат?» — удивился Красный нос. «Ой, и не говори, — отвечает Синий нос, — чуть жив. Раз ты раньше пришел, ты и рассказывай первым». Ну, Красный нос, конечно, хвалится: догнал, мол, сани богатого мужика, залез к нему под медвежью шкуру да как начал его холодить, щипать, кусать! Богатый мужик к штанам своим примерз, побурел весь, зубами так стучит, что лошади вскачь пустились: думали, волки клыками щелкают! Лошади-то и спасли богатого мужика: быстро его в село доставили. Не успел Красный нос его до смерти приморозить! «Хорошо ты повеселился, кум, — говорит Синий нос. — А вот у меня худо получилось... Сам чуть в живых остался. Лесоруб-то оказался живучим. Дыр у него много в кожухе, я туда быстро залез. Начал мужика примораживать. Он побряхтел, побряхтел, да как пошел сам по себе кулаками стучать! И по спине, и по бокам, и по животу!.. Тут мне он и нос подшиб малость. Я рассерчал — еще круче беру. А он тогда взял кожух скинул на снег и начал топором деревья крушить... Я из кожуха вылез, под рубаху к нему забрался. Ну, думаю, сейчас его в льдинку обращу. А мужик знай рубит да рубит. Одну сосну свалил, другую, третью. Пар от него валит, как из проруби. Я задыхаться стал... Прямо как в плохой бане... Решил назад, в кожух, перебраться. Посчитал так: пока он рубит, а кожух на снегу лежит, я этот кожух так заморожу, что его и надеть нельзя будет. Посмотрю, как лесоруб до деревни в рубахе побежит! Вот потеха будет! Сидел я там, сидел, кожух уже стал белый и твердый, ну прямо кость. Жду. Мужик рубить кончил, к кожуху подходит, а надеть его не может. Посмеялся я. Да, видно, рано. Мужик схватил большую дубину и начал кожух бить... Я в шерсти-то запутался, выскочить не успел, так он меня до того излупцевал — вон видишь, едва хожу... Бил долго. И кожух снова стал мягким. Тогда мужик его надел, подпоясался, топор за пояс — и пошел. А я вот, брат, еле-еле добрался... Ох, подальше надо быть от мужиков, подальше...»

— К чему ж ты это, интересно? — спросил Ворон. — Что за присказка?

— К тому, что этим лесорубом был я. — Рыжебородый тяжело вздохнул. — С этого дня, как я Синий нос избил, все несчастья и начались. Синий-то нос — чтоб ему еще до весны растаять! — оказался сыном колдуньи Сюоятар' Когда она увидела его больным, то ее материнское сердце не выдержало. Она плакала и приговаривала: «Если мне попадется этот проклятый лесоруб, то я его проучу!» Синий нос показал ей мою избу. И старуха ко мне заявила. Обыкновенной странницей обернулась. Разве я знал, что она — Сюоятар? Принял ее, накормил, напоил. А у меня дочка Улли. Хозяйка, ласковая...

Рыжебородый погладил овечку, и та жалобно заблеяла

— Как это проклятая баба Сюоятар ее увидела, так весь день глаз оторвать не могла от Улли... Смотрела, смотрела, потом и говорит: «У меня есть сын, а у тебя — дочь. Почему бы нам не породниться? Сын у меня богатый, ей у него хорошо будет...»

Рыжебородый снова погладил овечку. Поглядел на нее грустно, поцеловал в губы и продолжал:

— Что ж, я против ее сына ничего сказать тогда не мог — не видел, не знал, каков он. Улли моя еще не просватана, пусть сама решает. Понравится молодец — ее дело. Так я все Сюоятар и выложил! Ушла она. Тут началась «адъвонеделя» — гости приезжали, ряженные ходили. И к нам зашел один, здоровенный парень в богатой шубе. Всё ничего, да нос у него синий-синий. И к Улли все тянется, к бедной моей дочке. Мы думали, он ряженный, а когда оказалось, что нос у него всегда такой синий, то Улли испугалась, прогнала его... И тут же является странница, глаза волчьи, горят, зубы изо рта лезут, тут-то уж я сразу ее узнал: Сюоятар! «Ах, вот как вы моего сына приняли! — говорит и чуть огнем не пышет. — Жениха прогнали! Чтобы больше твоя дочка никому никогда не понравилась, я ее в овцу превращаю!» И тут же моя Улли обернулась вот в эту овечку... Ох, несчастные мы!

— Хм, хм, хм... — не то засмеялся, не то поперхнулся словом Ворон. — Так, значит, все было в точности?

— Простите, хозяин, — сказал Кумоха, поправляя повязку, — но я хочу сказать вам кое-что... Без Улли и... этого... рыжего.

Ворон посмотрел на Кумоху удивленно. Потом резко указал рыжебородому на дверь:

— Выйди вместе с дочкой. Позову, когда нужно будет. Да дверь притвори поплотнее, а то дует.

Когда мужик с овцой вышел за дверь, то Кумоха наклонился к Ворону и тихо произнес:

— Хозяин, тут дело нечисто. Врет все рыжий. Эти сказки я от бабки своей слышал еще. Ой, нечисто тут дело, хозяин!

— Я тридцать лет колдую, — сказал Ворон, — всякое видел, всякое слышал... Врет мужик. Только вот зачем врет? — Покосившись на Кумоху, добавил: — У Сюоятар сыновей нет. У него дочка. И двух Морозов нет. Мороз один. Он племянник Хийси, лесного хозяина.

— Ты все знаешь! — восхищенно промолвил Кумоха и преданно поглядел в топкие, болотные глаза колдуна. — Значит, кто-то подослал рыжебородого к тебе. Кто? Для чего?

— Я это увижу! Духи озер, как и Хийси, помогут мне!

— Позволь, хозяин, я сам узнаю все у рыжего! — попросил Кумоха. — Ты меня сделал здоровым, я твой должник. За тебя голову сломаю — скажи только кому! Я возьму рыжего за горло и без помощи духов...

— Хорошо, — продолжая смотреть в глаза Кумохе, прошептал Ворон. — Сейчас я его позову... и ты сам... сам...

Кумоха сжал кулаки:

— Он у меня будет смирным, как его овца!

— Эй! — приоткрыв дверь, крикнул Ворон. — Заходи, хватит мерзнуть!

Рыжебородый, нежно ведя черную овцу, вошел в комнату.

Кумоха шагнул к нему.

***Про то, как Кумоха царских слуг
и самого батюшку царя объегорил***

Рыжебородый в могучих руках Кумохи метался как вытащенный на берег налим.

— Кто тебя подослал? Говори, кто? — Кумоха так сжал плечи мужика, что они начали похрустывать, словно тонкий ледок под ногами.

— Игно... Игно... — наконец выговорил рыжий. — Только пусти... Игно из Кеми...

Ворон довольно усмехнулся:

— Игно сидит в Кеми, а боится меня! Отпусти его, Кумоха!

Мужик тяжело рухнул на лавку.

— Рассказывай теперь всю правду, слышишь? — Кумоха перевел дух. — Без сказок! А не то...

— Овцу поставьте в хлев, — сказал рыжебородый. — Надоела... Замучился я с ней...

Кумоха повел овцу в хлев. Там, в огороженном углу, стояла корова. Та самая, с желтыми пятнами. Та, которую колдун увел из дома Ийвана. Кумоха погладил ее по теплomu боку. Она задумчиво вздохнула.

— Теперь тебе будет нескучно! Вот тебе овечка Улли, — сказал Кумоха.

Когда он вернулся в избу, рыжебородый уже заканчивал свой рассказ:

— ...Это все очень беспокоило Игно. Он уже старый, к нему ходят меньше, а про колдуна Ворона большая слава идет. Игно нанял меня за пять мешков муки. Овцу дал. Сказал, что потом оставит ее мне...

— Старый друг Игно прислал сюда эту овцу, хочет опозорить меня, — объяснил Ворон Кумохе. — Я не могу превратить овцу в девушку... то есть эту овцу... она ведь обычная овца. — так-то я превращал людей в животных не раз... Игно захотел погубить меня. Чтобы все знали: Ворон уже не может колдовать... Чтобы люди надо мной смеялись... Ну ладно, я сочтусь с тобой, Игно!

— Хозяин! Я знаю, как можно проучить этого колдуна из Кеми! — воскликнул Кумоха. — И неплохо заработать!

— Как? — Ворон дернулся всем телом к Кумохе, сказал, словно каркнул: — Как? Как?

— Нужно превратить эту овцу в девушку! Только и всего! Чтобы все увидели чудо! Найдем девушку, которую в этих краях не знают. Тайно приведем сюда. Будем ее звать Улли! А ты, — Кумоха кулаком погрозил рыжебородому, — признаешь в этой Улли свою дочь, понял?

— Признаю, признаю! — закивал рыжебородый. — Что хочешь признаю! Но за это вы дадите мне пять мешков муки. Ведь теперь с Игно мне ничего не получить, хоть овца останется, и на том ему спасибо!

— Но к чуду нужно хорошо подготовиться, — сказал Кумоха. — Дела много!

...Уже на следующий день к Ворону потянулись ходоки из соседних сел. Весть о предстоящем колдовском чуде взбудоражила многих.

— Для вестей подводы не требуется, — сказал рыжебородый, глядя на любопытных мужиков и баб, толкущихся возле дома Ворона.

По просьбе зевак он несколько раз выводил свою черную овцу, показывал ее. Обычно после этого рыжебородого приглашали в какой-нибудь дом на угощение, чтобы послушать его рассказ о чудесном обращении дочки Улли в овцу.

Рыжебородый возвращался в избу колдуна веселым, сытым. После первого угощения

лицо его стало розовым, после второго желто-красным, под цвет бороды, затем покраснело еще гуще — стало напоминать печеную брюкву.

— Около большой поленницы хорошо щепки собирать, — весело говорил он, — бедняку всегда на костер набрать можно! А где костер, там и тепло!

По ночам Кумоха и рыжий рыли подкоп из хлева на двор.

Ворон ходил по двору как тень: сторожил, чтобы кто-нибудь невзначай не набежал, не приметил ночной работы.

«Чудо» мыслилось так: возле хлева старушки повесят большую занавеску, за которую заведут овцу. Ворон должен был объяснить любопытным, набившимся во двор, что занавеска необходима: ведь неизвестно, будет ли Улли одета, когда превратится из овцы в девушку?

Через подкоп овцу утаскивали в хлев, а из хлева во двор за занавеску выбиралась девушка. Так как девушку никто в селе не знал, а она откликалась на имя Улли, то чудо было налицо.

— Можно еще кого-нибудь из верных людей в толпу поставить, — сказал Кумоха. — Они тоже сразу Улли признают, скажут всем, что. мол, ее земляки и что это точно она.

— Молодец, молодец, — задумчиво произнес Ворон. — Хороший колдун из тебя получиться может...

— Не бойся, хозяин, колдуном не буду! — усмехнулся Кумоха и раскурил отцовскую старенькую трубочку. — У меня совсем другие задумки есть.

И Ворон облегченно вздохнул: все-таки чем меньше колдунов, тем лучше.

Дня через два колдун озабоченно сказал К у мохе:

— Пойди с рыжим. Он ходит по избам со сказкой о Синем носе... пьет много... Как бы делу не навредил... Еще наговоят спьяну столько, что никакими чудесами потом не спасешься! Пословицу знаешь: дверь в хлев закроешь — рот у мира не закрыть.

— Хорошо-, хозяин, — охотно согласился Кумоха. — Я и то засиделся в твоей избе... Пора к людям сходить.

И когда на следующий день рыжего позвали в очередной дом на угощение, Кумоха отправился вместе с ним.

Может, овечку мою бедненькую тоже взять? — спросил рыжий лукаво. — Всей семьей в гости пойдем, а?

Овцу все-таки оставили в избе: Ворон во избежание ненужных толков не решался теперь днем отправлять «Улли» а хлев к корове, устраивал ее возле печи, на подстилке из душистых трав. Зато ночью, когда перегонял из избы в хлев» с удовольствием давал ей пинка.

Рыжего ждали с нетерпением. Хороший рассказчик — не такое уж обычное дело в селе, далеко от больших дорог!

На столе сладко дышала имелия — пастила из ржи и репы.

Рыжий бодро облизнулся и сказал:

— Была бы музыка, а плясуны найдутся!

Сначала не торопясь съели имелию, а потом все замолчали, глядя на рассказчика.

— Жили-были лесоруб Кумоха и его сестричка Айно, — начал рыжий, весело поглядывая на хмурого Кумоху. — Не этот, конечно, Кумоха — одноглазый, другой совсем. Ну, жили-поживали. Однажды царские слуги ехали мимо» увидел» Айно и доложили царю: дескать, в избе лесоруба живет красивая девушка. Царь говорит: «Взять ее ко мне в служанки». Приходят слуги к Кумохе сестру забирать. А он им говорит: «Вы сестру не берите, я вам за это волшебную палку дам. «Какую такую?» — спрашивают слуги. «А вот какую, — Кумоха им сухой сук сосновый показывает, на конце развилка. — Этим суком можно из снега горячие

пироги добывать». Слугам интересно — волшебное дело. О царе-то они не беспокоятся: того всегда обмануть можно. Сказать, что, мол, служанка убежала или пропала в болоте. А волшебная палка больших денег стоит! «Испытать надо». — Это слуги говорят. «Ладно, — Кумоха отвечает. — Поедем по лесной дороге». Ему почему на лесную дорогу нужно было: он там пироги разложил. Завернул каждый в холстину, чтоб не остыли, и в приметные места спрятал. Так и получилось. Едут сани со слугами царскими, а Кумоха сидит впереди со своим рогатым суком. Подъезжают к пеньку, где пирог спрятан, Кумоха говорит: «Здесь разве попробовать?» — «Попробуй, — слуги просят, — попробуй». Он — раз! — и тащит рогатиной пирог из-под пенька. Теплый еще пирог-то. Слуги глазам не верят: чудеса! А сани уже мимо другого спрятанного пирога едут. Кумоха опять спрашивает: «Может, тут попробуем еще раз?» — «Давай», — слуги говорят. Кумоха из саней вышел, рогатину под елку сунул — вот и еще один пирог! Так он все пять спрятанных пирогов достал. Потом дал слугам рогатину эту, и поехали они к себе во дворец. Все царю рассказали: зачем, мол, нужна еще одна служанка, когда есть волшебная палка-рогатина? Царю захотелось посмотреть, как пироги из снега тащат. Пошли в лес. Какие там пироги! Конечно, слугам плохо потом было — царь рассердился, наказал их, дураков. И они царю клятву дали: мы и Кумоху накажем, и сестру его приведем!.. Кумоха тоже не прост — понимает, что обман откроется. Он сестру в лес послал прятаться, а сам в ее платье переоделся и у печки хозяйничает. Слуги царские пришли, спрашивают: «Где Кумоха?» — «В лес уехал, через неделю вернется». Тогда они решили сестру сейчас во дворец взять, а Кумоху уж потом проучить... Так... Везут переодетого Кумоху во дворец. Царь посмотрел: ничего девица, только уж больно ростом велика. Спрашивает: «Что делать умеешь?» — «Много чего, — отвечает Кумоха. — Бороды вот золотить умею». Царю очень захотелось золотую бороду. «Нужно триста рублей, чтобы воды золотой купить, — говорит Кумоха, — да печь жарко натопить, чтобы бороду разогреть». Дал царь Кумохе триста рублей, разогрел бороду — сидит ждет. Кумоха намазал ему бороду смолой сосновой, наказал окунуть ее в холодную воду и мочить. «А я тем временем золотую воду принесу. Только дай мне тройку коней, чтоб я обратно быстро вернулась». Царь приказал дать ему тройку. Кумоха продает за триста рублей на базаре царскую тройку — я домой. Говорит сестре: «Вот шестьсот рублей, проживем на них, а там видно будет». Царь сидел-сидел, а борода намоленная от холодной воды затвердела, волосы все в колтун сваялись. Стянуло усы и бороду в колтун. Ни слова сказать, ни вздохнуть. Онемел. Пока его снова отогревали да отмывали, много времени прошло. «Это не сестра была, — догадался царь, — а сам Кумоха. Хватайте его, ведите в тюрьму!» Слугам делать нечего — опять к Кумохе поехали. Кумоха слышит — по лесу бубенцы звенят. Говорит сестре: «Будем от царя спасаться. Ты возьми бычий пузырь, налей в него клюквенного киселя и ложись на лавку. Я прикажу: «Сестра, стол накрой для дорогих гостей!» Ты отвечай: «Как пришли, так и уйдут!» Я ножом в бычий пузырь уколую, кисель потечет, как кровь, будто я убил тебя. Потом я ударю плеткой, ты на колени встанешь. Второй раз ударю — встанешь на ноги. Третий раз — на стол угощение поставишь и поклонись: «Хлеб да соль, гости дорогие, садитесь к столу!» Приехали тут слуги царевы, а сестра на лавке лежит. «Ладно, поедem, — сказал Кумоха слугам, — только давайте поедим перед дорогой». Отчего не поесть? Слуги согласились. И тут Кумоха с сестрой как уговорились, так все и сделали. Кисель потек, гости испугались, зо Кумоха плеткой сестру оживил. «Что это за плетка такая?» — слуги удивляются. «Чего спрашиваете? Видели небось, как она мертвых оживляет? От этой плетки сварливые, нерадивые бабы тихими и ласковыми делаются!» — «Продай нам эту плетку, — просят слуги. — Мы своих жен ею поправим, а то житья нет». — «Триста рублей давайте, — говорит Кумоха. — И от меня отстаньте». Слуги согласились. Заплатили деньги, уехала. Царю своему

сказали, что Кумоха с ними драку затеял, они его убили, потому и не привезли. А сами скорее по домам — жен учить. Взял один плетку, пришел Р своей. Сначала ее ножом пырь! Зарезал. Потом плеткой давай бить. А она не встает. Что делать? Пришлось хоронить... Тогда слуги сговорились меж собой, чтоб Кумоху непременно, уже по-настоящему, убить. Но знают, что им с ним так просто не справиться. Надо идти на хитрость. Приехали к нему вроде испуганные, говорят: «Царь хочет тебя в тюрьму посадить, узнал, что мы его обманули... Нам уже не верит, послал стражников тебя арестовать. Мы приехали помочь тебе убежать. Залезай в мешок, поедem. Если попадутся стражники, будут спрашивать: «Что везете?» — мы скажем: «Овес». Кумоха хитер-хитер, а тут слугам поверил. Правда, когда в мешок лез, нож с собой взял, на всякий случай. Слуги его связали, уже поверх мешка, да так, что и шевельнуться нельзя. Повезли, сами радуются: попался им Кумоха в руки! Один говорит: «Сожжем его». Другой: «Живьем в землю закопаем». Третий: «Зачем костер разводить, яму копать? Утопим!» Так и порешили. Привезли к ламбе — озеру. А пешни нет: чем прорубь долбить, не кулаком же? Положили Кумоху на бережок, оставили сторожа и погнали сани в ближнее село за пешней. Лежит Кумоха возле ламбы, потихоньку узлы порезал, руки-ноги освободил. Говорит из мешка слуге-сторожу: «Подойди ко мне». Тот подошел. «Повернись к лесу, я тебе покажу место, где клад закопан». Слуга повернулся лицом к лесу, спиной к озеру. «Что видишь? — спрашивает Кумоха. — Сосну справа видишь?» — «Вижу». — «Смотри лучше». А сам из мешка вышел да слугу того по голове. Рот ему заткнул и в мешок вместо себя положил, все узлы связал, все, как прежде было, сделал. Сам в лес спрятался. Приехали слуги. «А где сторож?» — «Замерз, верно, удрал греться». Ну, прорубили лед. Торговаться начали: кому куль с Кумохой тащить. Кричат: «Ты барин, я барин, а кто ж мешок понесет?» Договорились наконец. Потащили. Слуга в мешке мычит. «Дадим ему слово сказать?» — спрашивает тот, кто тащит. «Нет, — говорит другой, — не надо, а то он нас опять перехитрит. Давай топи». Бросили. Только и сказал слуга в мешке: «Буль-буль-буль!» А Кумоха домой, взял все деньги — девятьсот рублей! — и прямо в город, к царевым слугам. Те, как его увидели, рты пораскрывали. Перепугались... «Откуда ты?» — спрашивают. «С того света, — отвечает Кумоха. — Взял там деньги, вот девятьсот рублей, и назад пошел, домой», — «Да как же тебе это удалось?» — «Очень просто. На дне озера водяные черти спят, у них в головах деньги торчат. Слышали, я говорил «буль-буль-буль»? Это я деньги считал... А кто к водяному черту прикоснется, тот, сами знаете, не тонет... Вот я и деньги собрал, и живым остался... А ваш товарищ, который меня сторожил, и уходить оттуда со дна не хочет — уже две тысячи собрал, и все мало ему». — «Ты место помнишь?» — слуги Кумоху спрашивают. «Помню». — «Тогда пошли туда, мы тоже хотим богатыми быть». Поехали царские слуги к озеру, к проруби да в нее все друг за другом и поскакали. Прыгают и орут: «Буль-буль-буль! У меня уже голова черта в руках!»

Это они друг друга за волосы хватают... Все, конечно, утонули. Кумоха взял их коней и домой поехал. С той поры его л царь больше не трогал. Вот как бывает.

Рыжебородый весело оглядел избу и сказал:

— Ну, это все присказка. А теперь о моем горе... Была у меня дочка Улли...

И он печальным голосом поведал историю про ведьму Сюоятар и ее синеносого сына...

Но он не успел добраться и до середины своей сказки, как распахнулась дверь и в избу ворвался зимний воздух, стегнул холодом по лицам собравшихся.

А из клубов пара выплыл маленький человечек с огромной пушистой бородой — отец Василий, сельский поп.

Отец Василий был таким щуплым, что, казалось, будто его прикрепили к пышноволосой бороде великана.

Длинный, до пят, овчинный полушубок попа был распахнут. Так как нагрудный крест, если бы он лежал на груди, был бы закрыт бородой, то цепь пришлось удлинить, и крест болтался на животе.

Поп схватил крест, поднял его так высоко, как позволила цепь. Кумохе показалось, что отец Василий хочет проткнуть крестом низкий потолок избы.

— Изыди, сатанинское отродье! — неожиданным басом произнес поп, с ненавистью смотря на рыжебородого и Кумоху. — Чудеса все в руках божьих! Только он их творить может! А все остальное — от сатаны, дьявола!

— А как же лесной хозяин Хийси, ведьма Сюоятар? — наивно спросил Кумоха. — Они тоже чудеса творят?

— То в сказках! — загремел поп. — Бог — в жизни! И не быть в нашем селе колдовскому чуду!

— А кто не верит отцу Василию, пусть мне скажет, — раздался спокойный голос.

Из-за отца Василия показался невысокий человек в черном, отороченном белой смушкой полушубке, на плечах которого лежали погоны.

— Сам пристав! — ахнул кто-то.

— Ваше благородие! — первым выскочил из-за стола хозяин избы.

— Ваше благородие! — вставая, почтительно-испуганно забормотали мужики. — С приездом, ваше благородие!

— Этого просто не обманешь, — прошептал рыжий на ухо Кумохе. — Он дурак с умом.

Про то, как „ваше благородие“ не любил говорить,

а уж если говорил, так только то, что думал

Пристав — очень большой начальник. После исправника — второй человек во всем округе. А уж после исправника, как говорили, чуть ли не сам царь сразу идет... Но царь — как бог, где-то далеко. Исправника в лесных далеких селениях никто еще никогда не видел. А пристав приезжает обычно раз в год, и его приезд всегда большое событие — значит, что-то случилось, что-то произошло!

Царя называли батюшкой. Исправника — ваше превосходительство. А пристава — ваше благородие. Имени его никто не знал — «ваше благородие» да «ваше благородие». Зачем имя, когда и так ясно всем, о ком речь идет, — второго «вашего благородия» в округе нет.

Физиономией «ваше благородие» очень походил на рысь — седоватая бородка равномерно обкладывала круглое лицо, и от этого оно казалось лохматым; немного раскосые, зеленые, с черными круглыми зрачками глаза всегда были настороже. Острые, торчащие вверх уши еще более дополняли это сходство.

На разговоры пристав был ленив, старался обходиться жестами или мимикой. Да и карельского языка он не знал — десятка два слов только. Говорили, что сам он откуда-то из России — не то с Урала, не то с Дона. Но об этом точно даже отец Василий в минуты большого откровения (когда выпивал лишку) и то ничего сказать не мог.

Про «ваше благородие» рассказывали, что был он прежде простым стражником, а в милость «его превосходительству», то есть исправнику, попал при необычных обстоятельствах.

Дело якобы происходило так. Исправник любил испытывать своих подчиненных, как он сам говаривал, «на честность». Для этого каждого новичка приглашал к себе в дом на чай. И проделывал одну и ту же, весьма простую, но коварную шутку.

На столе всегда стояло два одинаковых чайника с заваркой. Но в одном был настой табака — гадость несусветная, отравы, ну просто зелье! А во втором — настоящий чай. Так как хозяин сам наполнял чашки гостей, то ему никакого труда не составляло проверить новичка «на табачок». Налив горький настой гостю, хозяин заботливо спрашивал;

— Нравится ли вам мой любимый чаек? Учтите, что лучше меня никто, даже в самом Петрозаводске, чая не заваривает.

Несчастный гость после таких слов изображал на лице величайшее наслаждение, хотя все внутренности у него заворачивались, и соглашался с «его превосходительством», что действительно такого великолепного чая пивать ему не приходилось.

«Лгун, льстец, лицемер!» — решал исправник и уж в дальнейшем смело использовал эти способности своего подчиненного во благо дела.

Но «ваше благородие», которое тогда не называлось еще «вашим благородием», когда было приглашено на чай к «его превосходительству» в качестве испытуемого, эту проверку табачным настоем выдержало блестяще.

— Какой это чай? — сказал будущий пристав. — Гадость одна. Табак, не иначе табак. Да к тому еще и самый дешевый.

Исправник был в восторге: наконец обнаружился среди его подчиненных хоть один откровенный, правдивый человек.

— Ценить нужно таких людей! — восхитился исправник. — Их место там, где именно откровенность и правдивость нужны более всего!

«Правдолюбца» сделали «вашим благородием» и послали в один из самых глухих уголков Карелии.

— Там он со своей правдивостью быстро добьется любви этих бедных карелов! — сказала «его превосходительство». — А то ведь наши городские лицемеры там, в этих лесах и болотах, только и будут обманывать всяких там смолокуров да лесорубов. Нет, пусть уж сидят здесь, в городе, под мага присмотром, в своих домах живут!

Пристав оказался человеком прямым. Он никогда не кружил вокруг да около, а, приезжая в село, говорил откровенно:

— Положите в сани ко мне два бочонка меда, мороженных сигов, троечку медвежьих шкур, пяток оленьих да сотенку беличьих. А деньги не надо класть в санки, давайте мне. Я их сам уложу куда надо!

И в этот раз «ваше благородие» сразу все высказал откровенно:

— Колдовское чудо отменяется. Я — в доме отца Василия. Утром ты, рыжий, и ты, одноглазый, — один общий кивок в сторону Кумохи с рыжебородым, — ко мне. Мужики, два бочонка медовухи завтра прикатите пораньше...

Ночью в жарко натопленной избе колдуна Кумоха, рыжебородый и Ворон обсуждали дневные события.

Старый Ворон рассуждал правильно: от колдовского чуда поп Василий нес большие убытки. Сохраняя право на чудо только за церковью, поп мог надеяться на приношения крестьян, на усердное посещение церкви. Но если бы Ворону удалось превращение овцы в девушку, то интерес к церковной службе и к церковным, то бишь божественным, делам сильно упал бы.

Поскольку весть о колдовском чуде разнеслась широко и народ повалил в село, то поп Василий вынужден был защищать своего бога и, дабы сразу же показать силу, спешно вызвал на помощь пристава.

Власть же пристава в округе фактически была неограниченной: он мог арестовать кого угодно, посадить в тюрьму, отобрать у хозяина любую понравившуюся ему вещь, наложить

любой побор... Кому будет жаловаться лесоруб на какого-нибудь Соргола или Робойгола? Недаром говорилось, что пристав здесь — царь, бог и воинский начальник.

— Пристав любит деньги больше, чем отца Василия, — сказал рыжебородый. — По его глазам видно!

— Тогда все обойдется! — весело сказал Кумоха. — Нужно денег ему дать... и поболее... Кто от денег-то откажется?

— Нет у меня денег! Нет! — Ворон замахал обеими руками. — Откуда они?

— Нет так нет, — охотно согласился Кумоха. — А жаль... Тут дело простое: не будет чуда, значит, колдуна-больше не будет... Кто ж станет в колдуна верить, если тот пристава испугался? Хороший-то колдун пристава обратит в мышь — и вся недолга. Значит, колдун плох... А если чудо будет, то деньги сторицей вернутся. Сами прикатятся!

— Сколько же приставу нужно дать, — спросил рыжебородый, — чтоб он уехал, и дело с концом?

— Да нет у меня денег, — снова отмахнулся Ворон. — Ничего нет.

— Тогда спать ложимся, — бодро сказал Кумоха. — Завтра сходим мы с тобой к «вашему благородию» да и разойдемся кто куда. Я — к отцу, ты — домой. Пусть все посмеются над колдуном. Хозяин, идем со мной в лесорубы? Не обидим!

— Так ведь приставу много денег нужно, — проговорил Ворон. — Ой много! А где их взять? Если бы немного... рублей десять...

Кумоха лег на лавку, рыжебородый на пол, возле печи.

— Или рублей двадцать... — продолжал рассуждать Ворон. — Так нет у меня денег... Откуда им быть? Только двадцать рублей накопил...

— Если найду, — сказал Кумоха, — то двадцать рублей отдам тебе, хозяин, а остальные себе возьму. Спорим, хозяин?

Ворон вскочил, забежал по избышке, забормотал, забубнил непонятное. Потом сел и как ни в чем не бывало спокойно спросил:

— Сколько ему дать нужно, этому благородию?

— Сто рублей, — предположил рыжебородый.

— Не тебя, обманщика, спрашиваю! — строго оборвал его Ворон. — Отвечай, Кумоха.

— Да он сам скажет завтра. Но больше, чем триста, не возьмет, — подумав, произнес Кумоха. — Исправник, тот пятьсот взял бы... Ну, а пристав — половину, честно, по закону.

Легли спать. За стеной избышки бушевала метель. Ветер гудел, как сто прялок сразу.

«Все к лучшему! — думал Кумоха. — Обманные деньги у Ворона заберем, тем, кого он обобрал, вернем. А что Ворон без денег делать станет, когда его из села выгонят, это уж не моя работа!»

...Кумоха и рыжий пришли к дому отца Василия, где остановилось «их благородие», ранним холодным утром. Село еще лежало в сумерках, только крест над колокольной уже горел в лучах выбирающегося из-за ближайшего леса солнца.

Поповский пес бросился на них, оглушительно лая, страшно рыча и восторженно размахивая хвостом.

Из стоящей рядом с большим поповским домом нзбы вышел козлобородый старик — церковный сторож, он же звонарь, он же, в случае надобности, пономарь. Посмотрел с хитрецей на Кумоху и рыжего:

— Ранняя птишка уже клювик очищает, поздняя только рот раскрывает!

Потоптал ногами для согрева, похлопал себе крест-накрест руками по бокам.

Железные колечки на трубках рыжего и Кумохи покрылись инеем: пока шли от колдуна, не курили, сейчас было самое время закурить.

— Рано, рано, мужички, объявились» — снова заговорил пономарь-звонарь — церковный сторож. — «Ваше благородие» спят еще.

— Нам не к спеху, обождем, — ответил рыжий.

— Холодно! — продолжая топтаться на снегу, произнес пономарь.

— Кто крепко сбит, тот против пяти морозов устоит, — затараторил рыжий. — А у кого шубы нет, тому все ветры с севера. Вот, к примеру, дружок мой морозов не боится, а я и летом мерзну...

— Вы от колдуна подальше держитесь, — посоветовал пономарь. — Зол на него отец Василий, ох зол! И «ваше благородие» тоже. Вчера прямо кулаком стучал, кричал: «Всю нечисть в селе извести!» «Ваше благородие» крут бывает во гневе! В острог посадит — выбирайся потом!

— Ох уж острог этот. покрутил головой рыжий. — Только за что? Я человек мирный, никого не обижал... Вон даже пес поповский и тот меня признал сразу. Видишь, хвостом вертит?

— Мое дело сказать, ваше — слушать. — Пономарь потоптался еще немного и ушел в избу.

— Запугивать вышел. Как увидел нас, так и вышел нарочно, — сказал Кумоха. — Видно, сильно боятся поп и весь его клир нашего чуда!

— Это еще присказка, а сказка впереди. — Рыжий запыхтел своей трубкой. — Вон дверь зашевелилась у попа, сейчас нас кликнут!

И верно, толстая дверь поповского дома медленно открылась, и здоровенный детина, видимо, один из стражников, которые приехали с приставом, небрежно поманил рыжего и Кумоху.

В доме было жарко, душно. Пахло свежими пирогами, жареным мясом.

— Сытого хорошо угощать, — шепнул рыжий Кумохе. — В глазах места еще хватает, а пузо уже не принимает.

В небольшой горнице, куда детина привел ранних гостей, сидели отец Василий и «ваше благородие». Большие ковши с медовухой стояли перед ними.

Кумоха и рыжий дружно сорвали шапки, поклонились.

Кто вы и откуда? — строго спросил из своей бороды отец Василий. — А ты, рыжий, чего такой веселый?

Лучше смотреть на веселого, чем на грустного, батюшка! — бойко сказал рыжий. — Правильно, ваше благородие?

— Ты, кривой, — обратился к Кумохе поп, — чего молчишь, стоишь пнем?

— Заяц оттого быстрый, что у него душа в пятках, — ответил Кумоха. — А я еще ни от кого не бегал, потому и стою крепко.

«Ваше благородие» удивленно посмотрел на Кумоху: смелый мужик — беспокойный мужик, от него чего хочешь ждать можно.

— Сын кузнеца Сийлы, который возле Пудожа кузню держит, — пояснил отец Василий приставу.

— Про тебя, отец Василий, знаешь какие промеж мужиков да баб сказки рассказывают? — спросил рыжий весело.

— Ну? — удивился поп. — Про меня? Ох ты! Что же рассказывают?

— Всякое, батюшка... Вот, к примеру, как хитрый Клиймо хотел вас обмануть, и ничего у него из этого не получилось.

— Да? — удивился поп. — Любопытно! Это тот Клиймо, который у нас жил?

— Тот, тот! Значит, Клиймо нашел клад. Возле церкви. Раз возле храма — клад, батюшка,

ваш...

— Истинно, истинно... — прогудел из бороды отец Василин.

Но Клиймо хотел этот клад у себя оставить. Принес его домой. А баба у Клиймо болтлива, слово у нее на языке не лежит. Если молчать будет — лопнет. Хитрый Клиймо это знал. Он вывел ее во двор, говорит: «Ложись под корыто а молчи. Если пролежишь, промолчишь пять минут, то я тебе тайну великую скажу». Она легла, молчит. Клиймо сыпал на корыто зерна и кур согнал. Они и принялись по корыту клювами стучать, зерно собирать. А Клиймо кричит жене: «Град пошел, слышишь? Лежи, не вылезай!» Куры склевала все, ушли. Тогда и жена из-под корыта выползла. «Ну какая такая тайна?» Клиймо ей: «Клад нашел... возле церкви... только никому ни слова, а то придется отцу Василию отдавать...» Она, конечно, поклялась, что, мол, молчать будет, да на завтра же все соседкам и рассказала. «Мы, говорит, клад нашли вчера, когда град шел...» А над ней все только посмеялись: никакого града ведь не было! И сколько она ни кричала про град, никто ей не верил. И про клад не верили— Так Клиймо клад у себя и оставил.

— То есть как это оставил? — загудел поп. — Ты же про меня речь вел?

— Про тебя, батюшка, про тебя, — засуетился рыжий. — Это ведь еще сказке не конец. Клиймо-то себе клад оставил, думал, что всех обманул. А про это услышал отец Василий...

— Значит, я! — гордо произнес поп.

— ...и отец Василий посрамил хитреца Клиймо, отобрал у него клад. Дело было в церкви. Когда все на обедню собрались, отец Василий сказал: «Среди нас находится обманщик, который утаил то, что принадлежит богу... Если он сейчас же не покается, то провалится в ад». И Клиймо покался, принес клад. И, говорят, прощение твое получил, батюшка.

— Грехи отпускать нам самим богом разрешено, — уклонился от прямого ответа поп.

— А что про вас, ваше благородие, сказывают, знаете? — , спросил рыжий.

— Любопытно весьма. — Поп поглядел на пристава.

Тот кивнул головой.

— Сказывай, — разрешил поп рыжему.

— Однажды ваше благородие ехали по лесу, — бойко начал рыжий, — и увидели, как три черта дерутся. Ну, увидели черти ваше благородие, присмирели. «В чем дело? — спрашивает ваше благородие. «Вот, отвечают, не можем поделить, что кому...» А нашли эти черти — и где только раскопали! — сапоги-скороходы, шапку-невидимку, палку-выбивалку! Из-за них и дерутся. «Ладно, — говорит ваше благородие, — рассужу. Вот три камня, я их брошу в лес. Кто из вас первый ко мне с камнем прибежит, тот и выберет ту вещь, которую ему хочется... Кто вторым будет, тот выберет из того, что осталось. А кто последний, тому уж что достанется...» Черти согласились. Ваше благородие бросили три камня, и черти умчались за ними... Сапоги, шапку и палку они на месте оставили... Как бы поступил нечестный злой человек? А?

— Надел бы шапку, натянул сапоги, взял палку, и только бы его и видели! — прогудел поп. — С таким-то волшебством можно полмира в карман положить!

— А я то же сделал? — с интересом спросил пристав.

— Надели шапку, натянули сапоги, взяли палку в руки, — сказал рыжий.

— Думай, что говоришь! Выходит, я чужое взял? — удивился пристав. — Я воров излавливать должен, а тут сам на чужое польстился?!

— Что вы, ваше благородие! — поклонился рыжий. — Как можно такое подумать! Сапоги-скороходы вам для чего нужны были? Чтобы догнать тех конокрадов, которые в прошлом году двух коней с ярмарки увели. Шапка-невидимка — чтобы разговоры тех

конокрадов подслушать, куда они коней спрятали, а палка-выбивалка — чтобы конокрадов наказать! Вы их догнали, секреты их подслушали, коней нашли, приказали палке-выбивалке воров тех наказать примерно... Потом снова на полянку вернулись — как раз когда черти с камнями назад бежали. Успели, значит. Ну, кто первый прибежал, тот выбрал, что хотел, второй — за ним, а третий — что осталось. Вот что говорят у нас про ваше благородие: чужого, дескать, и пальцем не тронет.

— Интересно языком мелешь, — довольно проговорил пристав. — А вот скажи нам, зачем сюда пришел? И зачем с нечистой силой знаешься?

— Ваше благородие! — сказал Кумоха. — У меня к вам разговор есть тайный.

Пристав удивился, внимательно на Кумоху поглядел.

— Ну, пойдем тогда в сени, — произнес он. — А вы отец Василий, поговорите со сказочником... Откуда он, чей сын.

— Нарочно, ваше благородие, оставили отца Василия с рыжим, чтоб отец... гм... ненароком... наш разговор не подслушал? — тихо спросил Кумоха, когда они с приставом вышли в сени и прикрыли дверь.

— Ох, какой догадливый! — усмехнулся пристав. — Чудо просто! Знай, кривой: все ваши делишки передо мной как на ладони. Хотите вы с Вороном заработать на — овечьем чуде? А церкви — убыток, вере — убыток. Знаешь, чем это пахнет?

— Острогом, — сказал Кумоха. — Только никакого чуда не будет, ваше благородие. У меня с колдуном свои счеты — я его погубить хочу. Чудо у него не получится, а позора будет на всю округу. От этого только отцу Василию выгода.

Пристав с интересом взглянул на Кумоху, подмигнул ему: мол, а если врешь, парень?

— Что ж мне, в острог хочется? Не будет чуда колдовского. Головой отвечаю.

— Ладно, посмотрим.

— Смотреть-то вам, ваше благородие, как раз и не нужно.

Пристав поднял бровь: дескать, это еще почему?

— Колдун скажет: чудо потому не вышло, что пристав тут был. Пристава даже нечистая сила боится! Этому все поверят.

Рысье лицо пристава подобрело: ему было лестно еды-шать, что всякие лешие, лесовики, домовые и те его власти боятся.

— Если обманешь — поймаю, плохо будет, — сказал пристав. — А так все вроде ты растолковал правильно. Теперь вот отца Василия уговорить бы, чтоб не боялся без меня оставаться.

— Сговоримся! — убежденно произнес Кумоха. — Разве отец Василий себе враг? У него с колдуном свой расчет имеется.

Когда пристав и Кумоха вернулись в горницу, рыжего уже в ней не было.

— Добрый он человек, добрый, — прогудел поп. — Все мне чистосердечно поведал. Обман ваш, чада мои, во славу церкви и веры я благословил.

Пристав коротко передал разговор с Кумохой.

Поп совершенно умилился:

— Посчитаюсь я теперь с нечистью колдовской! С Вороном, отродьем сатанинским!

— А тебя я, когда уезжать буду, кликну! — сказал Кумохе пристав.

Кумоха вышел во двор. Рыжий рассказывал что-то веселое стражникам, поповским работникам, козлобородому пономарю-сторожу.

— Иди, иди, я после приду! — махнул он рукой Кумохе.

Кумоха широко зашагал вдоль улицы, в самый ее конец, к избенке Ворона.

Поп стоял возле окна и смотрел вслед лесорубу.

— Все хорошо, отче, — сказал пристав, — да проверить бы не мешало этого одноглазого. Чей, ты говорил, он сын-то?

— Кузнеца Сийлы. Беспокойного мужика, чтоб ему на том свете... гореть в геенне огненной. Ох, с ним у меня беды были большие...

Пристав задумался, прошелся по горнице.

— Знаю я Сийлу. Да только вроде нет у него сыновей.

Поп остолбенел:

— Как же так? А... этот?

— Вот тут проверочка и поможет, — озабоченно проговорил пристав. — Я сейчас за Сийлой стражника пошлю, пусть его сюда привезут.

Про то как пропал рыжебородый и

<i>как отбыл восвояси „ваше благородие”</i>
--

Ворон весь день охал, кряхтел, бубнил себе под нос всякие таинственные слова — жалко было расставаться с деньгами.

А Кумоха, ссылаясь на пристава, назначил цену триста рублей:

— Возьмет и уедет, как уговорились.

— Триста рублей! — стонал Ворон.

Жалко — не давай.

— Дам, дам! Кусок мяса из себя, кажется, вырвать легче! — причитал колдун.

— Мне-то самому и копейки не надобно. Пропади они, все деньги, пропадом! — говорил Кумоха. — Только как меня опять к приставу позовут, чтоб деньги были.

Ворон ушел куда-то на полдня, вернулся уже под вечер. Озабоченный, взъерошенный, заметался он по избе.

Наткнулся на вопросительный взгляд Кумохе, остановился:

— Рыжий пропал. Нет его в селе.

Кумоха ничем не выдал своего волнения.

— Последний раз я его на поповском дворе видел... Наверное, он за девушкой поехал, за Улли? Через три дня чудо — торопиться нужно.

Ворон успокоился немного. Сел на лавку. Потом спросил:

— Почему нам ничего не сказал?

— Да мало ли почему... может, оказия подвернулась, кто-то ехал, захватил по дороге — вот он и не успел забежать, предупредить...

Но на душе у Кумохи было беспокойно: рыжий не должен был никуда отлучаться сам, без общего согласия. Так дело сорвать можно!

Ночью расширяли подкоп. Ворону приходилось делать работу рыжего — оттащить землю, сбрасывать ее в старую картофельную яму, присыпать землю снегом.

— Тут не овцу, а телку можно протащить! — любясь на дело рук своих, говорил Кумоха, — Хороший из меня землекоп получился, а, хозяин?

Следующий день прошел в ожидании рыжего.

Кумоха отсыпался после бессонной ночи.

— Молодой здоровеет после еды, старый — после сна, — бубнил Ворон. — А у нас наоборот: я ем, а ты спишь...

Ждали рыжего до ночи — он не явился.

Наутро козлобородый церковный сторож, он же пономарь, он же звонарь, постучался к

колдуну и, не заходя в избу — тьфу, тьфу, нечистая сила! — крикнул:
— Кумоха! Ваше благородие тебя кличут!
— Давай деньги! — сказал Кумоха Ворону. — Слышишь, пристав уезжает!
Ворон застонал, будто его ударили, достал приготовленные три сотенные бумажки.
— Пусть подавится ими! — проговорил колдун. — И чтобы сам он стал бараном, и дети его были баранами, и внуки!
— Так и станут, как же, жди!.. — выходя из избы, засмеялся Кумоха.
Козлобородый звонарь молча семенил рядом с широко шагавшим Кумохой.
Возле поповского дома никаких признаков сборов к отъезду пристава не было заметно.
Кумоха насторожился: что бы это все означало?
Стражник провел Кумоху, как тот был, в кожухе, прямо и горницу.
Навстречу Кумохе с лавки поднялся... кузнец Сийла!
Загородив могучей спиной своей весь простенок, он раскинул широкие руки, и сиплый бас его наполнил горницу:
— Кумоха! Сын!
Изумленный Кумоха сообразить ничего не успел, как кузнец облапил его, сжал до хруста в костях.
Только через несколько мгновений, как из тумана, выплыли перед взором Кумохи улыбающиеся лица попа и пристава.
— Вот и встретились, вот и встретились! — гудел поп.
— Не зря я тебе, парень, поверил, — сказал пристав. — Теперь верю, не обманешь. Я восвояси спокойно ехать могу, отец Василий. Не надобен я здесь...
К саням пристава пристегнули еще и маленькие санки: два мороженных сига были такими длинными, что без подсанок хвосты их волочились бы по дороге.
Бочонки и мешки громоздились на санях, как скалы. Пристава, вернее, медвежью шубу, внутри которой находился пристав, с трудом уместили среди трофеев.
— Без груза сани плохо едут, — подмигивал поповским работникам сидящий на вожжах стражник. — Мотает их, опять же подбрасывает...
— Благослови, отец! — слышался из шубы голос пристава.
Отец Василий пожелал счастливой дороги, осенил сани и стражников размашистым крестом.
Кони рванулись с места и скрылись за снежным облаком.
— Отец Василий, — подошел к попу Кумоха, — слово к тебе у меня есть... про чудо...
— Какое слово? Все же договорено? — забеспокоился поп. — Чего прежде молчал?
— Все, да не все, — многозначительно произнес Кумоха. — И, наклонившись к уху попа, прошептал: — У нечистой силы чуда не получится, а у бога получится!
— Ну? — искренне удивился поп.
— Ты, отец Василий, под конец самый крестом махнешь, скажешь: «Только бог единый может чудо творить! Обрати господи, овцу в девицу!» Мы ее и... обратим!
— Тсс!.. — Поп оглянулся: не подслушивал ли кто их разговора?
Нет, вроде никого поблизости не было.
— Идем ко мне, чадо, поговорим за столом, — Поп взял Кумоху за локоток. — И отца своего кликни: кузнец нам поможет, в случае чего, меня от людишек Ворона сбережет...

Про то, как чудеса в этот день творились одно за другим

Из поповского дома Кумоха вышел поздно вечером, неся на спине большой узел. Пройдя вдоль улицы, уже возле дома Ворона, Кумоха развязал узел — в нем была белая овца из поповской овчарни.

Тихо, чтобы колдун не слышал, Кумоха отворил дверь в хлев и завел туда овцу. Потом, стараясь шагать как можно тяжелее, чтобы слышно было, вошел в дом.

Ворон не спал.

— Отец у попа ночевать остался, — сказал Кумоха. — Так лучше. Про наши дела ему ничего не известно.

— Лучину запали, — приказал колдун.

Кумоха от угля разжег лучину. В избе стало светлее.

На полу, между печью и лавкой, спал в овчине рыжий.

Лицо его, измученное и усталое, во сне улыбалось.

— Пришел на закате и неизвестно откуда, — забубнил Ворон. — Говорит, у родичей был. И свалился как подкошенный.

— Какие родичи у него!.. — махнул рукой Кумоха. — Пьянствовал где-нибудь в селе. Жалко, что ли? Пусть, пока можно, поживет в свое удовольствие!

Тщедушный Ворон свешивался с печки, как птенец из гнезда. Цепкая, хитрая ладонь колдуна мелькала перед глазами Кумохи: Ворон снова и снова говорил о том, как должно произойти овечье чудо.

— Всех, кто мне помог, озолочу! — обещал он. — Игно мошенник умрет от зависти! А ко мне народ отовсюду пойдет! Все узнают силу Ворона-колдуна!

Его глаза горели. Он представлял себе свершение давней своей мечты: в непроходимых лесах поставить село, где будут жить только те, кто поклоняется ему, Ворону!

— А девица где? — вдруг переходя на обычный спокойный тон, спросил колдун Кумоху. — Завтра чудо, а девицы я и не видел.

— Говорил же тебе, хозяин, рядом она тут, в лесу, у верных людей. Что ей до поры до времени в селе появляться? Нынче на рассвете ее приведут. В окошко стукнут — я встречать выйду.

— Не проспи девицу-то, — задувая лучину, проговорил Ворон.

...Кумоха проснулся от того, что Ворон тряс его за плечо.

— Вставай, вставай, в окошко стучат...

Кумоха проверил, не слезла ли повязка с глаза, вскочил, накинул кожух.

Сам не выходи, хозяин, — строго промолвил он. — Люди те, лесные, не знают тебя, не знают, зачем нам девица понадобилась. Если тебя увидят, то потом разговоры могут пойти: скажут, водили ту самую девицу, которая чудесно из овцы обратилась, к Ворону. Понял?

— Не пойду, не пойду! — замахал руками колдун, хотя его распирало от любопытства. — Я потом на нее в щелочку... в щелочку взгляну... потихоньку...

— Ну там видно будет, — выходя из избы, сказал Кумоха.

Забрызганное звездами небо уже светлело на востоке. Капелька-звезда слезой скатилась куда-то за село.

Как и было договорено с отцом Василием, козлобородый пономарь-сторож-звонарь, стукнув в оконце, притаился за углом ближайшей избы.

Собака полаяла было на него, но, видимо, не захотела мерзнуть и спряталась в тепло.

Топая валенками и хлопая рукавицами по бокам, козлобородый ждал Кумоху.

— Отец Василий меня в подмогу тебе прислал.

— А что делать надобно, сказал?

— Отец Василий повелел так: «Что одноглазый скажет, то и твори».

Кумоха облегченно вздохнул, вытащил из-под рубахи мягкий женский головной платок, теплый от долгого лежания за пазухой.

Заматывайся, чтоб бороды твоей видно не было. — распорядился Кумоха.

У звонаря ничего не получалось: платок ложился как-то криво, борода упрямо лезла наружу.

— Эх, безрукий! — с веселой досадой произнес Кумоха я так обмотал голову сторожа, что кончик бороды вылез из-под платка где-то возле глаза.

Будешь сидеть в хлеву до утра, — приказал Кумоха. — Платка не снимай. Если Ворон придет в хлев, лицо совсем закрой, на его вопросы не отвечай, молчи.

— Сомлею я до утра-то, — жалобно сказал сторож.

— На святое дело идешь, голова ольховая! — убежденно проговорил Кумоха. — Нечистую силу будем позорить! Тебя, если дело сладится, могут в церкви мучеником объявить: А то и великомучеником! Свечки будут ставить!

— Мученики-то, они после смерти мучениками нарекаются. — Из-за туго затянутого платка пономарю трудно было говорить, и он бормотал и шепелявил. — Где ж это видано, чтобы живые мученики были?

— А ты при жизни станешь! — вдохновенно воскликнул Кумоха. — Опять же отец Василий обещал тебе пять рублей дать, если все обойдется.

Весть о пяти рублях звонарь воспринял с большим воодушевлением, чем туманную перспективу стать великомучеником.

Кумоха быстро провел звонаря через двор в хлев. Дверь из избы была приоткрыта.

«Подсматривает, вор, — весело подумал Кумоха. — Ну смотри, смотри, все равно ничего не увидишь...»

В густой темноте хлева Кумоха усадил пономаря между белой и черной овцой на охапку сена, прямо возле вырытого лаза, прикрытого старыми мешками.

— Не провались в яму раньше времени, — шепотом предупредил звонаря Кумоха. — Не ложись на мешки! Холодно станет — к овечкам притулись.

Корова знакомо вздохнула.

У Кумоха даже в груди что-то екнуло, когда он представил себе, как мать и Айно сейчас убиваются, вспоминая об уведенной Вороном корове, как им трудно приходится без нее.

Возле хлева слышались шаркающие шаги колдуна.

Кумоха вышел на двор, ему навстречу.

— Привел? — спросил Ворон.

— Как сговорились, — ответил Кумоха спокойно.

— А чего она в мужицком полушубке?

— Чтоб не разобрали, ежели кто ненароком увидит, — пояснил Кумоха. — Перед чудом-то она во все, как положено, оденется. Нужно бы одежду ей получше раздобыть.

— Зачем же ты ее в хлеву оставил? Пусть в избу идет, там теплее... До утра еще долго.

— Ну, а если в избу к тебе явится кто под утро? Увидит ее, тогда что? Всему делу нашему тут и конец придет.

— Ладно, пусть в хлеву посидит, все не на улице, — согласился Ворон, сделал несколько шагов к избе, остановился.

— Посмотреть-то мне на нее нужно, — сказал он. — Как же так, не посмотреть?

«Вот что тебя корежит! — про себя усмехнулся Кумоха. — Кто она да откуда...»

— А если бы чудо настоящее было, — шепотом спросил он колдуна, — ты ведь не знал бы, какая девушка из овцы получится, а? Не знал бы, хозяин?

— Не знал бы. Откуда мне ее знать?

— Вот и сейчас знать тебе не надобно. А то девушка она простая, из лесной глухомани, дочь смолокура, людей почти не видит. Она на тебя будет уже как на знакомого смотреть— оговорится при народе. Нет, пусть она будет сама по себе, а ты отдельно... Про одежду-то не забудь...

Ворон вошел в избу, Кумоха следом.

Тускло тлела лучина.

Рыжий разметался на овчине, борода торчком, руки-ноги в разные стороны, словно бежит, догоняет кого-то.

— Досыпать будем, — спросил Ворон, — или как?

«Волнуется, ворюга, — с удовольствием подумал Кумоха. — Чует, что где-то не все ладно, старый обманщик?»

— Кто как, — сказал Кумоха. — Я посплю, пожалуй, малость.

«Притворюсь, спать-то нельзя, неизвестно еще, что хитрый дед придумает, — решил про себя Кумоха, укладываясь на лавку и сладко зевая. — Вдруг в хлев решит заглянуть или еще что...»

Но колдун залез на печь и оттуда больше не спускался, пока оконце не стало серым: наступила заря того дня, которого так ждали многие люди в разных концах села...

Утром к дому колдуна стал сходиться народ

Стояли, сидели на бревнах, которые Ворон еще осенью привез из леса, но на дело не пустил.

Мужчины курили трубки, женщины переговаривались тихо.

Все смотрели на занавеску, которая отгораживала угол, где смыкались стены хлева и сарая.

— Занавеска зачем? спросил один из соседей Кумоху.

— Так ведь овца-то в шубе, а девушка Улли неизвестно в чем оказаться может, — объяснил охотно Кумоха. — Одной овечьей шкурой ей не прикрыться... Замерзнет, одеться нужно—

Спрашивали, где рыжий. Не объяснять же им, что он возле лаза с пономарем возится!.. Чуть не рассмеялся Кумоха, представив себе, что бы произошло со зрителями, услышь они такую новость!

— С дочкой своей, с овечкой своей, — тяжело вздыхал Кумоха, — где же ему быть еще!

Ворон сидел на лавке в избе, тяжело вздыхал, пил холодное молоко.

Обе старушки с неизменными трубками в сухих ртах сидели тут же и преданно таращились на колдуна.

Овца Улли стояла возле печи, жевала какое-то духовитое, из колдовских трав сено,

— Начнем, пока поп не появился, — сказал, входя в избу Кумоха. — Отец мой с ним, верно, тоже придет... Нужно до них все закончить.

— Да, да, — согласился Ворон, — идем...

Старушки бесшумно и сноровисто, как мыши, выскользнули из избы.

— Всё там в порядке? — устало спросил Ворон.

— Все... Только, хозяин, поскорее, — посоветовал Кумоха. — Не по-поповски, с молитвами да пением, а так, чтобы никто и ахнуть не успел. Опять же до прихода отца Василия: этот бородатый всякого может натворить...

— Они, — кивнув на старушек, проговорил Ворон, — одежду для Улли принесли... Отнеси ее... туда...

Кумоха прикинул на ладони легкий красивый кожушок, мягкие теплые сапожки: красиво!

Отнес в хлев, передал рыжему.

Рыжий тем временем обучал пономаря-звонаря творить чудеса.

— Крышка плохо лежит, — сказал рыжий, — свет в лаз падает. Все время поправлять приходится. Посмотри, Кумоха, как там она снаружи...

Днище бочонка служило заслонкой— рыжий изнутри закрывал им зев лаза.

Когда Кумоха через пристройку вышел во двор, то увидел входящих в ворота отца Василия и Сийлу.

Кумоха зашел за занавеску. Рыжий был прав: крышка лежала неровно. Слышно было, как звонарь-пономарь бормотал в хлеву недовольно — видно, не хотел переодеваться.

— Тише там! — прошептал Кумоха в черный зев лаза. Слышно все!

Двор уже не вмещал всех желающих увидеть чудо.

Кумохе, возвышающемуся над головами собравшихся, было видно, что еще и на улице стоит человек тридцать — сорок.

Большая мохнатая голова Сийлы словно была поставлена на другие головы: рост у кузнеца был не меньше, чем у Кумохи.

Сийла смотрел весело. Подмигнул — мол, начинайте чудить!

Кумоха, не разжигая, посасывал старую трубку — последний подарок отца.

«Как бы Ворон не обманул рыжего, не заглянул в хлев!» — обеспокоенно подумал он.

Но все шло, как было оговорено: из избы вышел Ворон в рубашке, одетой поверх кожуха. От этого тщедушный колдун казался толстым, почти квадратным.

За ним, нежно ведя черную овцу, семенил Рыжий.

— Сатанинское отродье! — прогремел отец Василий.

Ворон даже не взглянул на попа.

Когда Рыжий завел овцу за занавеску, то Ворон откинул холстину, показал, что за нею ничего, кроме деревянных стен, нет.

Потом он закрыл овцу занавеской и присел на корточки.

Всем, кто сидел на бревнах, пришлось встать: иначе им колдун не был виден.

Рыжий упал перед Вороном на колени.

Громкое бормотание непонятных слов хорошо удавалось Ворону.

Даже Сийла перестал улыбаться, стал серьезным.

У Кумохи шевельнулось в душе что-то вроде суеверного страха — так внушительно и уверенно «колдовал» Ворон.

Даже отец Василий, раскрывший рот, чтобы сказать что-либо насчет богохульства или нечистой силы, не посмел произнести ни слова.

«Если звонарь правильно рыжим обучен, то сейчас за занавеской...» — подумал Кумоха, но в этот момент Ворон вскочил с колен и откинул холстину.

— А-а-ах — раздалось в морозном воздухе.

Вместо черной овцы меж сараем и хлевом в углу стояла... белая овца!

Ворон тупо смотрел на нее.

«Значит, пономарь оказался мужиком сметливым!» — облегченно вздохнул Кумоха.

Рыжий бросился к белой овце, закричал истошно:

— Улли! Уйди! Дочка моя единственная!

Ворон осторожно скосил глаза в сторону Кумоха.

«Как бы он из-за этой неожиданности от чуда не отказался!» — испугался Кумоха и громко, перекикая поднимаящийся говорок и аханье, произнес:

— Колдовские чары старухи Сюоятар еще сильны. На Улли лежит двойное заклятие. Сначала она превратилась в белую овцу, а сейчас обратится в девушку...

— Да, да, так и было! — закричал рыжий. — Она не сразу стала черной, моя Улли.

Сначала ведьма обратила ее в белую овечку, а уж потом она почернела!

Ворон заметно приободрился.

У отца Василия внутри бороды раскрылась красно-белая щель: он довольно, во весь рот, улыбался. Все шло, как было условлено.

— Чудо, чудо! — визгливо кричали верные старушки.

— Кто может из черного белое сделать? Ты можешь?

— Колдун у нас лучше, чем в других селах!

— Он родственник самому лесному хозяину Хийсе, я точно знаю!

«Надо их утихомирить, а то они про этих овец будут до вечера болтать!» — подумал Кумоха и громко произнес:

— Тихо, люди добрые! Тихо! А то чудо спугнете!

Во дворе наступила тишина.

— Бесовские затеи, будьте вы прокляты! — прогремел бас отца Василия, и над толпой вознеслась его рука с крестом.

Толпа кругом грозно зашумела: поп мешал чуду, из-за которого девушка Улли могла так и остаться белой овцой!

— Пришел смотреть — не мешай!

— Пожалей девушку, отец Василий!

— Ворон к тебе в церковь не ходит, зачем ты к нему пришел?

— Хлеб бери у земли, а не изо рта у другого! — крикнул Кумоха.

Вновь стало тихо.

Опять слышались колдовские причитания и заклинания присевшего на корточки Ворона.

На этот раз он говорил тише, но зато более быстро, задыхаясь, кривляясь, вскрикивая.

Вдруг он встал и четко, не открывая глаз, произнес:

— Лесной хозяин сейчас явился мне. «Если поп не покинет твоего двора, — так сказал лесной хозяин, — то чуда не будет».

«Молодец, Ворон! — усмехнулся про себя Кумоха. — Сильный удар!»

— Будь ты проклят, колдун! — загудел отец Василий. — Нога моя не тронется с места!

Кумоха поймал вопросительный взгляд Сийлы.

«Что делать?» — спрашивал кузнец.

Кумоха едва заметным движением головы показал: уведи, попа.

Народ начал волноваться: всем хотелось увидеть чудо. Пусть поп уйдет, если мешает!

У отца Василия вся надежда была на Сийлу: пока его охраняет кузнец, никто не посмеет прикоснуться к нему! Но тут Сийла сам легонько подтолкнул попа к воротам, и от этого легонького толчка отец Василий сразу отлетел шагов на пять, пробив брешь в толпе.

Сийла вместе с попом вышли за ворота.

Отец Василий кричал и ругался всерьез — по уговору он не должен был уходить со двора колдуна!

Ворон стал на колени, забормотал заклятья.

Старушки задвинули занавеску, скрыли от глаз собравшихся белую овцу, сами отошли на те места, где стояли прежде.

Ворон, закрывая и открывая глаза, что-то пел, трепал себе бороду.

С улицы доносились проклятия отца Василия.

Наконец Ворон вскочил, отодвинул занавеску да так и остался стоять с поднятой рукой.

— А-а-ах!.. — вновь разнеслось над двором.

Вместо белой овцы вновь стояла черная овца.

Кумоха, увидя лицо Ворона, едва не расхохотался — такой глупый вид был у колдуна.

Рыжий, чтобы не расхохотаться, схватился обеими руками за бороду и, видно, боялся сделать лишнее движение.

«Молодец, козлобородый пономарь, — подумал Кумоха. — Все понял».

Ворон дрожащей рукой начал задвигать занавеску.

Кумоха поправил повязку на глазу и принялся ему помогать.

— Эта девушка все путает, она чего-то не поняла, — прошептал на ухо колдуну Кумоха. — Я сейчас пойду в хлев. А ты, хозяин, сваливай все на попа: дескать, он кричит там на улице... мешает...

Кумоха, раздвигая толпу, пошел в пристройку, откуда можно было пройти в хлев незамеченным.

— Этот проклятый поп, — сказал Ворон громко, — мешает мне. Он кричит, ругается, проклинает наших богов и лесного хозяина. Если не замолчит, чуда не будет.

Несколько мужиков вышли за ворота — поговорить с попом.

Ругань на улице прекратилась.

Ворон в третий раз сел на корточки. Лоб его блестел от пота, руки дрожали.

Заклинания были едва слышны в наступившей тишине.

Молчал и отец Василий на улице.

Толпа стала еще плотнее — в ворота протискивались все новые и новые любопытные.

Ворон, не вставая с корточек, жестом руки показал старушкам, что занавеску можно открыть.

Они бросились к ней, сначала схватили ее за разные концы, потом, сообразив, совместными усилиями стянули ее вбок.

Несколько мгновений после того, как занавеска открылась, еще стояла тишина. Потом сильный взрыв смеха, как грохот скалы, свалившейся в тихое озеро, заставил Ворона вскочить с корточек.

Посмеяться было над чем: две овцы, черная и белая, стояли рядом. На голове у белой был завязан — так, как это делают девушки, — платок, а на задних ногах черной красовались девичьи сапожки!

Даже Рыжий, отец девушки Улли, не то плакал, не то смеялся, всхлипывая и качаясь из стороны в сторону.

Испуганные смехом овцы жалобно заблеяли.

Старушки задвинули занавеску.

— Давай чудо, Ворон! — сквозь смех кричали зрители.

— Пусть обе овцы обратятся в девушек!

— Они сестры! Одна — беленькая, другая — черненькая!

Рыжий бросился к занавеске и отодвинул ее.

Овцы исчезли! На крышке от бочки сидела большая серая кошка!

— Гляди-ка! — раздался голос отца Василия. — Бесовская сила пропала! Что глаголил я вам, чада мои? Только бог единый и всемогущий может чудеса на земле творить!

— Уходи, уходи! — замахал на попа Ворон. — Ты мне чудо испортил! Девицу оставил в облике овцы!

— А вот прогони меня, если сможешь! Пусть тебе сам твой лесной леший помогает и все ведьмы! — басил отец, Василий. — А я их крестом! Крестом! А? Не можешь?

Ворон растерялся. Кумохи рядом не было. Рыжий задвинул занавеску, сам остался за ней.

— А я чудо свершу! — гремел поп, потрясая крестом. — Изыди сатана! Господи, соверши чудо в поддержание святой веры твоей! А ну, чада мои, вместе все, с молитвою!

Поп забасил молитву, развеселившаяся толпа, которой очень хотелось увидеть чудо, все равно кем совершенное — колдуном или попом, подхватила.

Когда молитва закончилась, Сийла сам отодвинул занавеску.

Толпа уже в четвертый раз за сегодняшнее утро ахнула.

В углу стояла, вернее, стоял в ярком девичьем нарядном кожухе, в огромных старых валенках... козлобородый звонарь-пономарь-сторож!

— Тьфу, дьявол! — не удержавшись, выругался поп. — Ты-то чего сюда вылез?

Толпа засмеялась, сначала несколько сдержанно, а потом все громче и громче,

— Иуды! — забасил поп. — Христопродавцы! Меня позорить? Я вам покажу!

Он так разозлился, что метнул тяжелый крест в пономаря, но тот вовремя присел — крест вонзился в стену сарая.

— Что ты, батюшка... — успокаивающе проговорил Сийла. — Просто путаница вышла... Ворон ее тебе подстроил. Видишь, исчез старый черт! А Кумоха тут ни при чем! Да и он напутать может: столько чудес сразу, голова кругом идет!

Боком-боком, с помощью Сийлы поп выбрался на улицу и заторопился к дому. Так как все село было во дворе или возле двора Ворона, то улица вся была пустынной.

— Я сейчас, батюшка, следом за тобой буду, — сказал кузнец. — Сына приведу!

— И пономаря захвати! — крикнул поп — Я ему, дураку, покажу, как в чудеса вмешиваться!

Пока испуганный пономарь пытался скрыться той же дорогой, которой он появился, а хохочущие мужики, обнаружив лаз, вытаскивали его оттуда за ноги, в избе Ворона колдун разговаривал с Кумохой и Рыжим.

— За что вы меня так? — спросил Ворон. — Ты, рыжий, послан Игно, а ты, сын Сийлы?

Кумоха сорвал наконец надоевшую черную повязку с глаза.

— Еще одно чудо, а, хозяин? — спросил он весело. — Я такой же сын Сийлы, как ты сын лесного хозяина Хийси. Я — Кумоха, сын Ийвана, которого ты перед смертью обокрал и обманул.

Ворон обреченно закрыл глаза.

— А это мой друг Матти, — продолжал Кумоха. — Он заберет сейчас своих овец и мою корову. Деньги твои мы вернем тем, кого ты обобрал...

— Но я ведь всех не успел узнать, — сказал смущенно Матти, — так что... придется тем отдать, кого знаем...

— Ладно, хоть они свое вернут, — согласился Кумоха. —

А тебе, хозяин, мой совет: бросай эти края. Скоро вся Карелия над тобой смеяться будет.

— Добрая весть далеко идет, а недобрая — еще дальше, — весело проговорил Матти.

— Какой же я колдун после этого? — вяло сказал Ворон. — Погубили вы меня... Что мне делать теперь?

— Хочешь под крышей жить, берись за топор или за соху.

А не хочешь, так и живи под забором! — равнодушно ответил

Кумоха. — Мне твоими делами заниматься недосуг — домой пора. Но если ты еще раз на нашем пути встретишься, знай. Ворон, не помилуем.

— Карелия велика, авось не встретимся, — пробормотал колдун.

— Разве что! — засмеялся Матти.

Дверь дрогнула, вместе с клубом морозного воздуха в нее согнувшись, вошел Сийла.

— Ну, сынки, поехали! — раздался его сиплый бас. — Не забывают: у гостя две заботы — прийти и уйти.

Ворон с ненавистью посмотрел на кузнеца.

— Но-но! — усмехнулся Сийла. — Мне и без тебя забот хватает — с приставом да с попом. А уж тебя-то я и не боялся никогда, и не боюсь, чудо овечье...

Когда сани Сийлы выбрались на лесную дорогу и Матти выслушал от Кумохи все упреки за то, что он долго торговался, продавая корову и овец («Не вести же их через леса и озера по домам!»), Сийла спросил:

— Чего никак не пойму: зачем Матти в рыжий цвет выкрасился? Его тут все равно никто не знает.

— А вдруг? — подхватил Матти весело. — А вдруг кто-нибудь из друзей носом к носу, а? «Матти, это ты?» — спросил бы он меня. А я бы ему ответил: «Нет. это не я. Разве ты у меня видел когда-нибудь рыжую бороду?» Это что! А рыжая краска, смотрите, начала сползать... Я даже спал уже в шапке, чтоб колдун чего не заподозрил...

— Когда ко мне ворвался ночью этот рыжий Матти, то я его сперва не узнал, — сказал Сийла, — Но сразу согласился быть твоим отцом, Кумоха!

— Стражники пристава приехали за Сийлой, когда я уже пустился в обратный путь! — гордо произнес Матти, — Вот какой я быстрый! Помнишь. Кумоха, где мы с тобой расстались? Во дворе попа я еще рассказывал сказку стражникам, помнишь? Так только ты ушел, выходит пристав и приказывает стражникам ехать к Спиле! Я сразу смекнул, что к чему!

— Но как ты добрался до него так быстро? — удивился Кумоха.

— К дому друга дорога никогда не бывает длинной, — ответил Матти. — Разве ты этого

не знаешь?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАК КУМОХА С ДРУЗЬЯМИ В БОЛЬШУЮ БЕДУ ПОПАЛ И ЧЕМ ДЕЛО КОНЧИЛОСЬ

Богатый чужой бедой силен, бедный — дружбой.

(Карельская поговорка)

— Опять едет, чтоб его черти взяли! — с досадой сказала Айно и так швырнула горшок в печку, что чуть его не разбила.

Кумоха прислушался: громко скрипели полозья саней, слышалось ржание — возница горячил коня.

Этой зимой в их избушку зачастил неожиданный гость — сын богатого хозяина, бездельник Юсси.

После смерти матери Айно взяла в свои руки все хозяйство. Когда Кумоха уезжал на заработки — лес валить, дома строить, болота сушить, — то Айно приходилось самой и село косить, и рыбу ловить, и корову пасти.

Однажды она пошла стирать на лесной ручей. Деревянным вальком била-терла холст.

Юсси, как обычно, слонялся в жаркий день по лесу и на этот раз забрался довольно далеко от своего дома. Коня Юсси пустил пастись на лужайку, а сам лежал, в небо глядел.

И вдруг слышит: шлеп-шлеп-шлеп! Звук ударов валька о мокрое белье!

Подкрался Юсси к ручью, увидел Айно, и до того она ему показалась красивой, что он даже собственное имя позабыл и только на следующий день к вечеру вспомнил!

Айно и в голову не приходило, что кто-нибудь может за ней подсматривать. И, выстирав белье, она решила выкупаться.

Айно немного поплавала. Чтобы не замочить связанных в большой узел льняных кос, она держала голову высоко над водой. Так плавают олени — боятся окунуть тяжелые рога в воду.

После этой поездки в лес Юсси до самой осени сидел дома безвыходно, тяжело вздыхал и почти ничего не ел. Мать и отец, и так к нему ластились, и этак — молчит.

А когда выпал первый снег, Юсси впервые в жизни самостоятельно расчесал бороду и помчался на санях в лес к дому Айно и Кумохи.

Да и принялся ездить каждый день, доводя Кумоху и Айно до отчаяния: сидит, молчит, улыбается и глаз с Айно не сводит! Но ничего не поделаешь — гость всегда гость! И его следует принимать как положено!

...На этот раз Юсси приехал не один, а со своим отцом — богатым хозяином Тайпо.

— Э-э, забот у человека больше, чем шишек на елке. — пыхтя трубкой, медленно цедил слова Тайпо, а его рыжие глаза-тараканы шарили по стенам, по лавкам, по печи. — Все думают: раз хозяйство у меня крепкое, так мне и живется легко... Э-э, неверно. У меня хозяйка болеет. Юсси сам не свой ходит, работника хорошего нет, служанки нет... Хоть сам работай!

— Не надо жаловаться, хозяин, — жестом приглашая гостей садиться к столу, сказал Кумоха. — У богатого а петухи несутся, это все знают. Ты свои беды сейчас считал — за минуту управился. Бедняк начнет свои считать — до утра не кончит. Поэтому я лучше помолчу.

Юсси как сел на лавку, уткнулся взглядом в Айно, так и замер.

А богатый хозяин время зря не терял. Петлял, вертел, крутил, но наконец к делу подобрался:

— Отпусти Айно служанкой к нам в дом, Кумоха, а? Заплачу ей хорошо. Деньги тебе не

нужны, что ли? Хозяйка моя заболела, поехала к Игно-колдуиу, там в селе у нее родичи живут... Когда приедет — неизвестно. Весной, должно быть... Юсси твою Айно обижать не будет... А без женской руки в доме плохо, сам знаешь.

— Ты же не меня нанимаешь, хозяин, — усмехнулся Кумоха. — Айно тебе нужна, с ней и разговаривай.

— Нет, нет, нет! — сказала Айно. — Мне и здесь хороша С голоду не умираем — зачем в чужой дом идти? А если б и умирала, к вам не пошла бы работать. I

Сколько ни бился Тайпо, Айно твердила свое «нет» и «нет».

Выпили отец с сыном пива, закусили пирогом да и поехали восвояси.

Снег хрустел-скрипел под быстрыми полозьями.

— Если Айно не будет у нас в доме, — капризно сказал Юсси отцу, когда санки мчались по лесной дороге, — то я уйду в лес и домой не вернусь. Пусть меня волки едят, пусть я замерзну, пусть в болоте сгину...

Он закутался плотнее в медвежью шубу, засопел.

— Э-э! — перебрасывая вожжи из руки в руку, только и молвил богатый хозяин.

А сам сосал трубку и думал: «Трудный случай. Видно, влюбился сын не на шутку в эту Айно... Слов нет, девица — красавица хоть куда, невеста уже, да только не для моего Юсси... Вот служанкой нужно ее взять к нам, тогда Юсси сразу оживет... Но как это сделать? Ведь с Кумохой совладать не так просто...»

Тайпо думал так же медленно, как и говорил. Поэтому дум этих ему хватило как раз до дому.

Юсси не переставал скулить и хныкать, божился, что если Айно не будет в их доме, то он утопит в трясине, умрет от голода, сам себя зарубит.

Богатый хозяин его не слушал, но сам ничего толкового тоже придумать не мог.

Айно засела в голове у парня с самого лета, и дурацкую мечту о том, чтоб Айно жила у них в доме, мать и отец никак не могли из Юсси выкорчевать.

...Еще издали приметил Тайпо стоящие возле своего дома широкие сани, запряженные двумя серыми жеребцами.

«Вот кто мне нужен сейчас! — мысленно обрадовался богатый хозяин, настегивая своего конька. — Ваше благородие! Он все может сделать... если захочет... Захочет! У меня — захочет!»

Про то, как пристав с богатым хозяином Тайпо сторговался

«Ваше благородие» считался одним из самых удачливых приставов. Кроме умения запускать руку в чужой карман, он прославился еще и тем, что ловко умел вылавливать беглых — так называли карелов, которые убегали от уплаты податей.

Подати для царя собирали специальные сборщики. Конечно, с помощью приставов и стражников. Но многие карелы не могли заплатить налоги царю, и таких неимущих зачисляла в должники. Сбирать с них недоимки приходилось правёжем — то есть с помощью солдат и палача. Били должника до тех пор, пока не уплатит долга. Или пока родственники да друзья, на глазах которых истязали мужика, не уплачивала за него недоимку. А уж если платить было нечем, то битого сажали в яму или отправляли на каменоломни — на каторгу, с которой никто не возвращался.

Не дожидаясь правежа, многие из бедняков бежали в самые глухие районы Карелии и там жили, скрываясь от царских сборщиков податей и солдат. А приставы со стражниками

вылавливали в меру сил и старания беглых мужиков и возвращали их на места жительства, где их ждали правежи и каторга.

— К отцу Василию на исповедь пришла старуха, — объяснял пристав богатому хозяину причину своего появления в селе, — и рассказала, что ночью к ней в дом постучался мужик, попросился на ночлег. По всем приметам — беглый. Шел сюда, в ваши края. Я, — гордо ткнул себя пальцем грудь пристав, — таких мерзавцев на своем веку поймал уже сорок человек. Теперь будет сорок один... Не слышал про беглого?

Тайпо не слышал.

Юсси тоже ничего не слышал.

— Значит, тут где-то прячется! — убежденно сказал пристав. Прищулив рысьи глаза, он поглядел хитро на отца с сыном — Если бы в соседнем селе он был, то вам бы сказали. А раз все молчат, тут он где-то. Богатым хозяевам мужики правды не говорят — боятся. У меня нюх на них, мерзавцев... Ей-богу, я их за версту чую!

Пристав и один стражник остались жить у Тайпо.

Это была большая честь для богатого хозяина: еще бы, само «ваше благородие» выбрало его дом!

— Вот только служанки у меня нет, — пожаловался богатый хозяин, — кто есть-пить даст? Помогите, ваше благородие!

— Служанки нет? — удивился пристав. — Сколько тебе их пригнать? Сейчас прикажу!

— Э-э, всего одна и нужна-то, — стараясь произносить слова как можно быстрее, заговорил Тайпо. — Дочка покойного Ийвана — Айно. Не хочет к нам идти — лучше, говорит, умру...

— Бунт! — весело закричал пристав. — Это что ж, каждая девчонка начнет поступать как хочет?! Силой приведем! Хо-хо! Не хочет!

— Все было бы просто, ваше благородие, — продолжал Тайпо. — Но она — сестра Кумохи... того самого... который со своими дружками овечье чудо придумал...

Пристав задумался. Кумоху он знал, и в данных обстоятельствах связываться со смекалистым лесорубом ему не очень хотелось. Но признаться в своих опасениях перед Тайпо ему было непозволительно. Как же быть?.. И вдруг где-то в глубине головы закопошилась мыслишка... Ага!

Мохнатое, окаймленное короткой бородой-бахромой лицо пристава расплылось в довольную улыбку, глаза стали щелками.

— Хоть и прошло с той поры годика три, а то и четыре, но Кумоха у меня еще в долгу... Он ведь, бесштанник, меня обманул... Выдал себя за сына Сийлы-кузнеца, а сам... И Сийла тоже обманщик. Но Сийла мне все даром кует, я его простил.

А вот Кумоху... Прощу, если сестру к тебе отпустит!

Юсси вскочил с лавки, начал плясать от радости.

Пристав удивленно на него вытаращился.

— Нравится ему Айно, — со вздохом произнес Тайпо. — Из-за него и беру ее в служанки...

— Что ж, дело хорошее, — усмехнулся пристав. — Только робкому красавица в жены не достанется. А у Кумохи денег много? Может, он откупится?

— Какие у голодранца деньги — все раздает дружкам! — сказал богатый хозяин, и борода его полезла куда-то в сторону, подчеркивая презрение к нищему Кумохе. — Мороза да ветра у него только и вдоволь.

— А мне какое дело? Приеду, пусть попробует меня не угостить! — стукнул кулаком по столу пристав.

— Бедняцкого угощения да зимнего тепла ненадолго хватит, — пощипывая бороду, проговорил Тайпо.

— Посмотрим! — уже спокойнее произнес пристав. — Меня он обязан принять по-царски. Должник все же! Завтра же поутру — эй, слышишь? — едем к Кумохе!

Большой, широкий стражник, прикорнувший на краю лавки, вздрогнул от крика и отрапортовал:

— Слышу, ваше благородие!

— Иди спать! — приказал пристав. — И ты бы, блаженный, отправлялся на боковую, — обратился он к Юсси. — Чего рот раскрыл? Нам с хозяином поговорить нужно! Получишь ты свою Айно! Иди!

Когда все, кроме Тайпо, вышли, пристав перешел к делу:

— Я человек прямой — это каждый знает. Так вот: будет Айно служанкой у тебя, если ты мне сто рублен заплатишь.

— Двадцать пять! — сказал Тайпо, изо всех сил пыхтя трубкой.

— Семьдесят пять! — хлопнул ладонью по столу пристав. — Да за те же деньги я еще Кумохе н острогом пригрожу!

— Пятьдесят.

— Черт с тобой, хозяин. Жаден ты, как сто скряг! — Пристав поднялся с лавки. — Ну, спать пора... А деньги сейчас. Не то мне сны будут плохие сниться, завтра голова заболит, не поеду никуда!

...У Айно и Кумохи в этот вечер тоже были гости.

Магги привел с собой из леса маленького мужичка с испуганным лицом. Все у него было испуганное: и редкая борода, и синие глаза, и темные брови. Трубка торчала изо рта, большая, с кулак, и та, казалось, боялась дымиться.

— Мужичок с палец, — смеялся Магги, — а трубка с гору.

По рукам, в которые въелись мелкие несмываемые черные морщины, можно было сразу догадаться, что мужичок — дубильщик, выделяет шкуры.

— Свою кожевню имел, — рассказывал о нем Магги. — овчины выделявал, оленьи шкуры, медвежьи — любые! А потом богатеи его в долги вогнали, разорили. А тут сборщики налогов, недоимки... Бежал он, Кумоха, от правежа. Сказали ему друзья, что я его спрячу, в Болотную землю уведу... Туда никто дороги не знает, и оттуда выйти можно только тогда, когда все вместе решат — открыть тебе тайную тропу назад к людям или нет... Там беглых живет — не сосчитать. И хорошо живут, раз царь до них не может добраться никак.

— Как тебя зовут? — спросил Кумоха беглого.

— Кондро, — тихо ответил дубильщик.

— Он такой рваный! Он же замерзнет! — забеспокоилась Айно и спросила брата — Можно, я отдам старые вещи отца? Они будут ему впору.

— Лучше заплата, чем голое колено, — засмеялся Магги. — Плохо, когда не на что заплаты ставить! А пока еще места у Кондро на рубахе хватает!

— Дай ему, сестра, все, что отыщешь, — разрешил Кумоха. — Добрый подает грош, а бедный, у которого карман пустой, — руку.

— Но рука-то эта дороже золота. Потому что она рука друга! — как мог торжественнее закончил Магги. — Так вот, друг Кумоха: Кондро должен прожить где-нибудь здесь две недели. Через две недели за ним придут Мокки с Нийкоем, уведут его в Болотную землю. Там не то что пристав сам дьявол его не поймает! Но здесь не в лесу же ему жить в берлоге... Зима!

— Что ты петляешь, как заяц? — закричал Кумоха, хватая Матти за шиворот. — С каких это пор ты перестал говорить прямо?

— С тех пор, как познакомился с «вашим благородием!» — еле смог выговорить Матти.

— Ну ты же мог сказать: «Кумоха, Кондро две недели поживет здесь, пока за ним не придут»! А?

— Мог бы, мог бы... и даже скажу... только отпусти... я же не Тайпо... я твой друг... еще задушишь...

Кумоха рассмеялся, разжал кулак.

Матти дышал, как рыба, выброшенная на берег.

— Вот силушка! Тебе с медведями бороться, а не с рыбаками!

— Ну, а что ты скажешь, Айно? — спросил Кумоха.

— Конечно, пусть живет, — согласилась Айно. — Вот только...

Кумоха с удивлением посмотрел на замявшуюся сестру.

— Юсси сюда зачастил, — продолжала Айно. — Покою от него нет. Как бы он не пронюхал чего...

— Хорошего женишка ты завела! — всплеснул кулак Матти. — Единственного наследника богатого хозяина! «Ах. — говорит он тебе, — ты такая красивая, Айно, я просто удивляюсь, почему это бабочки не садятся на тебя, не принимают тебя за цветок...»

Матти едва уклонился от ловко брошенного клубка шерсти.

— Не буду, не буду! — замахал он рукой. — Уже шутка перестала понимать! Плохая примета!

— Она права, — задумчиво сказал Кумоха. — Юсси дурачок, но мало ли что может случиться...

— Хорошо, ночуем мы здесь, — решительно произнес Матти. — А утром что-нибудь придумаем. Не может же быть, чтобы мы с тобой, Кумоха, ничего не придумали!..

Но утром придумать ничего не удалось: едва возшло алое морозное солнце, как послышался конский топот и из леса вылетели серые жеребцы самого пристава.

Кондро успели спрятать на печку, завалили его овчинами.

— Айно, — приказал Кумоха, — делай то, что я тебе скажу. Замотайся сейчас же платком, чтобы одни глаза только видны были, не спорь. И ходи, будто немая, ни слова не говори...

Айно закрыла все лицо платком и не успела еще узел сзади завязать, как в избу вошли пристав. Тайно и толстый стражник.

Кумоха показал себя радушным хозяином, сам помог Айно из печи вытащить все, что было.

— Ты, Матти, — сказал рыбаку пристав, — с отцом Василием быстро помирился — жемчуга ему пол стакан а отсыпал, он тебе твою рыжую бороду простил. А за то, что вы меня с Кумохой обманули, кто прощения просить будет?

— Вспомнили, ваше благородие, что давно было! — удивленно сказал Кумоха. — Не из-за черной же и белой овцы вы ко мне нынче завернули, крюк такой дали?

— Но-но, разговаривай! — прикрикнул пристав. — Мое дело: где хочу, там и езжу. Зачем меня в тот раз обманули, а?

— Боялись, — вкрадчиво пояснил Матти. — Думала так: вам правду скажем, а колдун узнает, тогда нам его не объегорить, колдуна-то... Где он, ваше благородие, теперь. Ворон? Не знаете?

— Сгинул Ворон, ни слуху ни духу. И посмеяться не над кем, — весело сказал пристав. — Огек Василий доволен: нестой силы в селе не осталось. Вот только Кумоху батюшка костит крепко. «Чуда, говорит, из-за тебя, Кумоха, у него не вышло».

— Звонарь попался бестолковый, — улыбнулся Кумоха. — Я ему — одно, а он мне — другое. Ну и полез, в чем был, на народ...

— Ой. врешь! — погрозил кулаком пристав. — Не сваливай на невинного. Твоя это проделка.

— Каюсь, ваше благородие! — поклонился Кумоха. — Было дело — созорничал малость!

— Ну, чтоб больше такого у меня не случилось! — сказал пристав.

Кумоха взглянул на богатого хозяина. У того борода ходила ходуном, а глаза горели желтым огнем.

«Что-то задумали, злыдни!» — подумал Кумоха.

— Так чем же вы собираетесь мне долг отдавать за обман? — хищно прищурился пристав. — Простить-то я вас, прощелыг, прощу. А что мне взамен будет? Я человек прямой, туда-сюда словами не кручу. Слово мое таково: хотите в мире со мной быть?

— Хотим, ваше благородие! — охотно согласился Кумоха.

— Кому в острог-то охота идти? — уточнил Матти.

— Сестре твоей Айно, — сказал пристав, — быть служанкой у Тайпо. Год ему прислуживать. Вот тогда мы с тобой и в расчете будем.

— А если она не пойдет? — спросил Кумоха.

— Тебя в острог, дом сожгу, а ее все равно к Тайпо отправлю, — медленно, почти нараспев, произнес пристав. — Я человек прямой — что думаю, то и говорю, зла на сердце не держу. Только собака долгов не признает.

— Вот и неверно, — усмехнулся Матти. — Собаку раз-два накормишь, она тебя без лая куда хочешь пропустит, хоть к хозяйскому добру. Значит, долг отдает.

— Да, — вспомнил о Матти пристав, — и тебя вместе с дружкой в острог. Да чтобы скучнее вам было — в разные посажу. Хо-хо!

Айно что-то хотела сказать, но Кумоха пригрозил ей пальцем: молчи, мол, как уговорено!

— Чего она у тебя как больная старуха ходит? — с подозрением спросил Тайпо. — Зубы болят? Или прикидывается?

— Поклялась, что никто из семейства Тайпо ее лица больше не увидит, — пояснил Кумоха.

— Ха, вот чудеса-то! — прищурился пристав. — А молчат она чего?

— Поклялась, что ни одним словом ни с кем из рода Тайпо и их друзей она не перемолвится.

Пристав и богатый хозяин переглянулись.

— Хочет от Тайпо отделаться! — Пристав подмигнул Айно. — Не надо, зря стараешься. Служанка для Юсси может даже немой быть, если она Айно. Юсси будет говорить за двоих. Кумоха, завтра чтоб сестра была в селе, у богатого хозяина!

И пристав, довольный собой, рассмеялся.

— Ладно, завтра привезу вам Айно. — покорно поклонился Кумоха.

Про то как трудно быть хозяйкой в доме

Когда пристав и Тайпо уехали, Айно сорвала с себя платок и швырнула его в Кумоху.

— Отец умирал, наказывал тебе в чужой дом меня не отдавать! Мать умирала, о том же просила! А ты?..

— Матти, освободи Кондро, а то он запарился там на печи под тулупами, — сказал Кумоха. — А ты, сестренка, отчего поглупела? Может, оттого, что утро все промолчала? Я и

не собираюсь тебя Тайпо отдавать.

Матти, сморщив лоб, удивленно смотрел на Кумоху

Кондро, раскрасневшийся, заспанный, ничего не понимая переводил взгляд с одного на другого.

— Но ты же сказал... — начала Айно.

— Понял! — вдруг воскликнул Матти. — Кумоха не зря про звонаря вспомнил, который девушкой переодевался!

Вместо Айно к Тайпо поедет Кондро! Он будет ходить замотанным до глаз! До тех пор, пока не приедут за ним Нинкой и Мокки!

— Ой! — облегченно вздохнула Айно. — Ну и надумали!

— Хозяйка Тайпо в отъезде, — продолжал Матти ее бояться не надо. А так кто разберет?.. Ты жарить-парить немножко хотя бы умеешь? — обратился Матти к Кондро.

— Умею вроде... только они меня сразу узнают. — Кондро стал еще более испуганным.

— Будешь трусить, попадешься, — сказал Кумоха — Смелому да смышленому всегда удача. Никому и в голову не придет искать беглого в доме Тайпо! Отсидишься там спокойно.

А вот Айно придется здесь прятаться, чтоб ее никто не увидел.

Если увидят, тебе, Кондро, плохо будет.

— На один крючок двух рыб сразу! — восторженно закричал Матти. — И Айно они не увидят, и Кондро им не поймать!

— А потом что? — спросила Айно. — Увезут Кондро, а я что буду делать?

— За две недели, сестренка, многое может измениться, — сказал Кумоха спокойно. — Тогда нам только тебя одну нужно будет выручать — это легче. Да и пристав уедет. А с Тайпо нам справляться не в первый раз, верно, Матти?

— Утки в море не мокнут! — Матти весело подмигнул Кумохе. — Не спрашивают, хороша ли вещь, спрашивают, кто ее сделал! Пусть веселее смотрят твои глаза, Айно! Успокойся, Кондро! Пусть беспокоятся пристав и богатые хозяева! Тем более, что рост у Кондро с Айно один и он такой же худенький, как она... Вот бороду остричь ему придется!

...Новая служанка оказалась на редкость нерасторопной: все валилось у нее из рук, делать она почти ничего не умела.

— Почему она молчит? — стонал Юсси. Пусть скажет хоть слово!..

— А ты, когда у Айно в доме бывал, хоть слово сказал? — смеялся Тайпо. — Только тарачился на нее! А теперь ее очередь: она молчит, на тебя смотрит.

Когда Юсси попытался дотронуться до «Айно» пальцем, в ответ получил такой толчок, что едва не расшибся о стенку.

«Айно» продолжала молчать и упорно закрывала платком все лицо.

— Надоест платок, она его сама сбросит! — хохотал пристав. — Вот готовит Айно плохо! Но ничего, вернется хозяйка, быстро обучит!

Пристав, несмотря на то что терпел неудачу за неудачей — I следы беглого так и не обнаруживались, хотя какие-то мелочи подсказывали, что он вполне может быть где-то рядом, — духом не падал и пребывал в отменном настроении.

Так как он давно не бывал в этой части своей округи, то накопилось много дел: нужно было получить с одного купца стакан жемчуга, с другого — две медвежьих шкуры, с третьего — бочонок икры. С богатого хозяина из соседнего села — сто рублей, с другого — пятьдесят, с третьего — двести. При став оказывал им всем различные мелкие и крупные услуги и как человек прямой, сразу объявлял этим услугам цену.

Поэтому, несмотря на то что беглый все еще не попадался в его руки, пристав был доволен своим пребыванием в гостеприимном захолустье.

Молчаливый стражник, всюду сопровождающий своего начальника, так растолстел на дармовых харчах, что даже не мог запахивать теперь длиннополого полушубка и ходил все время нараспашку, выставив вперед живот, перепоясанный ремнем, на котором висела сабля.

Пристав почти сутки спал, затем полдня ел, потом, ущипнув проходившую мимо «Айно» за бок и весело хохоча, снова уехал в сопровождении неизменного стражника.

Тайпо и Юсси наконец решили проучить неумеху «Айно»: не умеет делать женскую работу, разбаловал ее Кумоха, пусть тогда делает мужскую.

— Мы-то по дому управимся, — сказал Тайпо, попыхивая трубочкой. — А ты, Айно, запрягай сани и съезди в лес, привези оттуда дров.

«Айно» умело запрягла конька в сани и выехала со двора.

— А мы что будем делать? — спросил Юсси, проводив взглядом удаляющиеся сани.

Нужно муку смолоть и масло сбить, — начал перечислять Тайпо домашние работы. — Квас слить, старые чугуны помыть, воды наносить, коровам корма задать, обед сварить, в баньку воды наносить, баньку истопить, ужин приготовить, дров нарубить, полушубок подштопать, в доме уборку сделать...

Хватит, хватит! — закричал Юсси, хватаясь за бородку. — У меня уже голова кружится.

— Служанка каждый день одна это все делает, — сказал Тайпо, — а мы, двое мужчин, что же, не справимся? Сделаем все, а я скажу ей, что это ты один, Юсси, такой хороший хозяин. Может, Айно улыбнется тебе, платок свой снимет...

— Давай работать! — радостно закричал Юсси. — Что мне делать? С чего начинать?

Тайпо взял ручную мельницу и начал молоть зерно.

Юсси принялся сбивать масло.

— Так мы ничего сделать не успеем. — сказал Тайпо через некоторое время. — Нужно все продумать. Ты иди задай корм коровам и овцам. А уж я буду молоть сбивать.

Юсси пошел в хлев, остановился, подумал: «Зачем я буду кормить всех по отдельности — овец и коров? Лучше все сделать сразу!»

Он отвел коров в овчарню к овцам. Те испугались, заблеяли. Затем принес пять охапок сена.

— Ешьте, обжоры, — сказал он и вернулся в дом, где богатый хозяин, разопревший от работы, закончил молоть муку и уже сбивал масло.

— Что там беспокоились овцы? — спросил он сына.

Юсси честно рассказал, чем он занимался.

Тайпо оставил горшок со сметаной, накинуд козух и выскочил из дома.

Но было уже поздно: коровы, играючи, справились с легкой дверью овчарни и стояли посреди двора. Одна задорно поглядывала вокруг: чего бы ей еще поддеть рогами? Другая лезла на сеновал, третья терлась боком о сарай, и сарай жалобно скрипел.

Овцы тоже выскочили из темной овчарни и, весело блея, попеременно с курами разбрелись по двору.

Тем временем, оставшись один, Юсси решил помыть чугуны и начал вытаскивать их из сеней.

Первым же чугуном он разбил горшок, в котором сбивалось масло, и сметана залила пол. Когда он начал ее собирать с пола, то опрокинул на себя квас и муку.

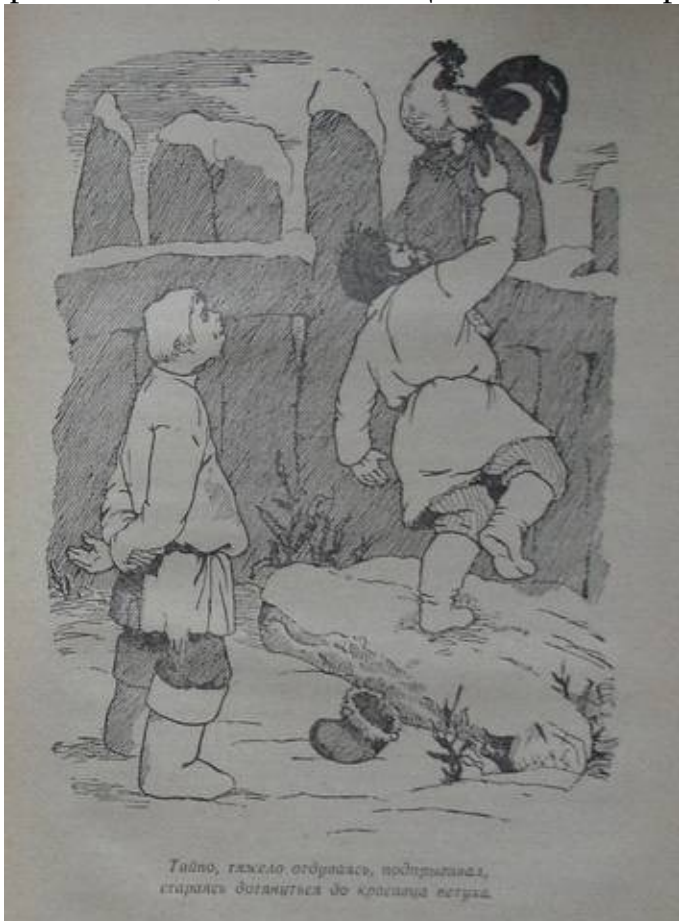
Тайпо умаялся, гоняясь за овцами и курами. Застоявшиеся в темноте овцы на морозном воздухе обрели особую прыть и, как молодые козлята, прыгали по всему двору. Очень резво вели себя коровы. Одна все время норовила поддать богатого хозяина рогом, как только он поворачивался к ней спиной. Другая мычала так, что испуганные куры шарахались от нее куда глаза глядят. А третья продолжала расшатывать сарай.

Наконец Тайпо плюнул на овец и загнал в хлев коров. При этом та, которой так и не удалось поддеть хозяина, успела отвести душу и продырявила рогами две большие бочки, стоящие возле сарая.

Когда измазанный мукой, вымокший в квасе и сметане Юсси появился на дворе, то Тайпо, тяжело отдуваясь, с красным от злости лицом, стоял на бревнах и подпрыгивал, стараясь дотянуться до красавца петуха, сидящего на заборе.

Петух косил глазом на хозяина и каждый раз, когда Тайпо подпрыгивал, кричал «кукареку».

Наконец Тайпо соскочил с бревен на землю и некоторое время, приходя в себя, тупо смотрел на Юсси, выжимающего свою мокрую бородку.

Тайпо, тяжело отдуваясь, подпрыгивал, стараясь дотянуться до красавца петуха.

— Натаскай воды в баньку и протопи ее, — резко сказал он сыну. И ушел в дом.

Пришлось рубить дрова для бани. Юсси сразу же отбил себе ногу и отбросил топор. Хромая и охая, он пошел в сарай, вытащил оттуда связки дранки, приготовленной для крыши. Разжег печь в баньке. Дранка горела хорошо, камни нагревались быстро. Юсси вспомнил, что нужно еще натаскать в бочки воды и помчался к колодцу. Два ведра он, хромая, едва втащил в баньку. Возле бочки подбитая нога подвернулась, одно ведро вырвалось, пролилось на камни печки. И хотя камни еще не накалились, но они уже были настолько горячи, что дыхнули на Юсси мокрым паром.

Юсси закашлялся, бросил второе ведро.

Баня наполнилась мокрым, густым, как туман, паром.

В тумане Юсси не мог найти выхода. Он задыхался, кричал, но крик гас в тумане, словно в пуховой подушке.

Наконец он добрался до двери, вылез на улицу и долго откашливался.

Тайпо, закончив уборку пола в доме, вышел посмотреть: не натворил ли еще чего Юсси?

Печка уже погасла, так как Юсси забыл подбросить дранку. Когда богатый хозяин увидел остатки своей лучшей дранки для крыши лежащей возле печки, то он так шлепнул Юсси

пониже спины, что тот удивленно спросил:

— А почему мне теперь удобнее стоять, чем сидеть?

Готовку обеда Тайпо побоялся доверить Юсси. Он дал сыночку иглу и сказал:

Штопай полушубок. Видишь — дыра, нужно сюда наложить заплату.

Юсси с глубокомысленным видом начал ковыряться иглой в полушубке.

С обедом у хозяина тоже ничего хорошего не получилось: вода выкипала, тесто не хотело подниматься. Пока Тайпо чистил картошку, два раза порезал палец.

А Юсси укололся так, что у него из пальца брызнула кровь.

Отец с сыном долго сидели рядом на лавочке и сосали пальцы. Юсси зализал рану первым и пошел посмотреть: что же будет на обед?

Он поднял все крышки, понюхал, ничего не понял, снова взялся за полушубок.

— А где игла? — спросил Юсси отца.

— Какая игла?

— Та, которой я штопал.

— Ну она и должна быть у тебя!

— Я ее заколол вот сюда, в ворот, но ее здесь нет.

— Значит, ты ее уронил.

— Когда?

— Откуда я знаю? Ты заглядывал в горшки? Толкался возле печи?

Юсси походил возле печи и сказал:

— Тут ее нет. Значит, она выпала прямо в картошку. Или в суп.

— В картошку или в суп? — заорал Тайпо.

— Откуда я знаю? — удивился Юсси. — Я открывал все крышки.

— Сам будешь искать ее в супе! — разозлился Тайпо.

И он не успел остановить сына, как тот схватился за край чугуна с супом и дернул чугунок к себе. Юсси обжег пальцы, чугунок опрокинулся, и варево вылилось на печь и на пол. Дым и гарь заполнили горницу.

— Я обжегся! — кричал Юсси.

— Черт с тобой! — орал Тайпо. — Только не двигайся, стой, где стоишь, а не то натворишь еще что-нибудь!..

Когда «Айно» вернулся из леса с санями, полными дров, то застала скотину некормленной, баню нетопленной, обед сгоревшим, посуду побитой, богатого хозяина мрачнее тучи, а счастливо улыбающегося Юсси грязным, как вылезшая из весенней лужи свинья.

У «Айно» же было отличное настроение: хорошо было поработать в лесу, на свежем воздухе, без опостылевшего платка на лице, попеть, поговорить хотя бы с деревьями!

Но самая главная причина радости была в другом: по дороге встретился Кумоха, который сказал, что не сегодня-завтра явятся долгожданные Нийкой и Мокки, можно будет наконец отправляться в путь.

Кумоха тоже возвращался домой в самом радостном настроении: очень уж удачно получилось все — не пришлось видеть мерзкую рожу богатого хозяина и его сыночка! Кондро как раз ехал из лесу с дровами — надо же быть такому совпадению!

Но на этом совпадения не кончились.

Кумоха уже выходил на лыжах из лесу, когда услышал за собой конский топот. Он оглянулся и увидел серых жеребцов пристава.

— Стой! — крикнул ему пристав.

Остановились и кони и Кумоха.

Пристав кулем вывалился из саней, замахал Кумохе рукавицей: дескать, иди ко мне.

«Черт его сюда пригнал! — подумал Кумоха. — Может, он до самого дома и не поедет, мне удастся его назад завернуть...»

— Ехал по старой дороге, решил к тебе заглянуть, обогреться, — сказал пристав весело. — Отсырел я что-то — целый день в санях сижу. Давай протопаем до твоего дома поллюдски, пешью. А ты, — обратился он к стражнику, — веди коней. Они, голубчики, тоже притомились, а сразу после бега стоять им нельзя, пусть разомнутся.

Кумоха еще раз мысленно чертыхнулся. Но что делать? От пристава отделаться уже было нельзя.

— Как беглый? Не нашли? — спросил Кумоха.

— Найдем, — беспечно ответил пристав. — Я их сорок таких на своем веку нашел и на каторгу отправил. Не бегай! И этого найду! Как сестра твоя у Тайпо работает? Не проводывал?

— А как же! Сейчас от нее иду. По дороге встретил. Дрова она везла из лесу. Сегодня Тайпо решил ее в лес послать, а сам с Юсси по дому остался работать. Ну уж они наработают!

— Значит, обеда там не будет, — сказал пристав. — Хорошо я сделал, что к тебе завернул... Поесть найдется для меня?

Они вышли из леса, и маленькая избушка Кумохи открылась перед ними. Из трубы вился дымок.

— Кто у тебя там? — спросил пристав.

— Матти-рыбак.

— Чего это он загостился?.

— Простыл малость, отогревается. Да и что рыбаку зимой делать?

— И то верно, — охотно согласился, пристав.

Кумоха хотел первым войти в дом — он боялся, что Айно не услышит их прихода и не успеет спрятаться: ведь кони идут шагом, почти беззвучно.

Но пристав, словно догадываясь о намерениях Кумохи, не отпускал его от себя.

— Подарок сделаем твоему рыбаку! — веселился пристав и щурил рысьи глазки. — Я сначала войду один, он перепугается! Ха-ха!

Но когда пристав первым вошел в избу, то сам перепугался: за столом сидели Матти и еще двое мужиков, а им подавала обед... Айно! С открытым лицом, улыбающаяся и говорливая!

Пристав со злорадным любопытством посмотрел на Кумоху, сделал шаг назад из избы.

— Значит, сестру проводывал? Эй! — крикнул он стражнику, только собиравшемуся заводить в сарай коней. — Гони к Тайпо и привези сюда его служанку, самого Тайпо и сына-дурачка. А я буду тебя тут ждать. Да скорее! Коней не жалеть!

Пристав вошел в избу, прищурился:

— Проголодался я, ан дичь-то сама в рот бежит и уже даже жареная-пареная... Ешь — не хочу! Что ж, съем ее всю!

Про то, как пристав парился в холодной баньке

Первым, кто оправился от неожиданного появления пристава, оказался, конечно, Матти.

Он как ни в чем не бывало раскурил свою пузатую трубку, рассыпая искры, и, чтобы выиграть время, дать всем прийти в себя и придумать, как действовать дальше, начал

рассказывать очередную историю.

— Один бедняк до того обеднел, что хоть ложись и помирай. — Матти подмигнул Кумохе: думай, друг, думай, безвыходных положений не бывает. — Что делать? Другой бы на его месте ноги протянул и умер. А наш мужик был с соображением. Пошел он к одному купцу и говорит: «Одолжи мне муки мешок». — «А чем отдавать будешь?» — спрашивает купец. «Корову скоро резать буду, так мясом отдам». Ладно, взял он муку, отнес домой. Мало показалось. Пошел к другому купцу: «Дай мне муки мешок». — «А чем расплачиваться будешь?» — «Корову скоро зарежу, мясом отдам». — «Бери». Вот уж у него дома два мешка. А коровы и нет никакой. «Да все равно: семь бед — один ответ. Пропал я, как пена на квасе», — решил мужик. И пошел к богатому хозяину: «Не одолжишь ли мне мешок муки? А я корову в том месяце зарежу, мясом отдам долг». Еще мешок муки домой приволок. Уже худо-бедно, но жить можно. Проходит месяц, купцы и богатый хозяин начинают с мужика долг требовать. «Где мясо, что обещал?» А он сам-то мясо только во сне видит. Делать нечего, идет мужик к приставу. «Ваше благородие, — говорит мужик, — брал я у трех человек в долг муку, обещал мясом отдать. Да отдавать не хочется, лучше я вам, ваше благородие, половину того мяса, что обещал за муку, отдам. И вам прибыль, и мне. А купцы люди богатые, перебьются, как-нибудь». Пристав согласился...

— Ну, ну, — сказал пристав весело, — наговорись, рыбачок, вволю, помели языком!

— Так это же я не про вас, ваше благородие, — почтительно молвил Матти. — Это было совсем другое ваше благородие!

— Что же он сделал? — спросил пристав.

— А вот что. Задумался. «Как, говорит, тебя, голоштанника, выручать? Разве вот что: притворись дурачком, блаженным. Придут жалобщики ко мне, я начну тебя спрашивать, а ты одно тверди: «Ху, ху, хотиву». Сколько раз о чем бы и кто бы тебя ни спрашивал, ты свое повторяй...» Так оно и вышло: сколько мужика ни спрашивали, ничего от него не добились. «Ху, ху, хотиву» — и все! «Долги будешь платить?» — «Ху, ху, хотиву». — «Признаешь, что муку брал?» — «Ху, ху, хотиву». Пристав говорит купцам и богатому хозяину: «Видите, он умом убогий, зачем с ним рядились? Кто ж его осудит, раз он полный дурак?» Так купцы и богатый хозяин пошли домой с пустыми руками. А пристав мужику подмигнул: «Когда мясо принесешь?» — «Ху, ху, хотиву», — отвечает мужик. Пристав и так и сяк к нему — он свое твердит: «Ху, ху, хотиву». Пристав плюнул да и прогнал его... Вот какие дела бывают!

— Ну, а теперь расскажи мне другую сказку. Пристав уставился на Кумоху рысьими, раскосыми глазами. — Что ты с дружками задумал? Только правду говори!

— Что мы задумали, — сказал Кумоха задорно, — узнаете, когда Тайпо приедет. Чтобы не повторять два раза.

— Захочу — сто раз повторишь! — сказал пристав грозно.

— Да чего скрывать? — усмехнулся Кумоха. — Вместо Айно почти две недели в служанках у Тайпо ходил тот самый беглый, которого ты ловишь.

— А-а, я как вас увидел здесь, так сразу и догадался! — стукнул кулаком по столу пристав. — Всех сгною в острогах! Всех!..

Нийкой, Матти, Мокки и Айно настороженно слушали Кумоху.

— А это друзья наши, — показал на Мокки с Нийкочем

Кумоха. — Они пришли, чтобы беглого увести в Болотеную землю.

— Да, уж оттуда-то его выковыривать сто лет нужно было бы, — покрутил головой пристав. — Ну, а дальше что?

— Айно продолжала бы работать у Тайпо пока ваше благородие из села не уехало бы, — продолжал Кумоха. — А уж там мы придумали бы что-нибудь. С Тайпо справиться не трудно.

Он бы сам Айно отпустил, чтоб от нас откупиться.

— Ловко закрутили! — Пристав вскочил с лавки и заходил по избе. — Ах, бунтовщики! Но я вам не колдун Ворон. — За мной власть!

— А ты, ваше благородие, никогда не бывал в Болото земле? — спросил Кумоха.

— Тьфу! Там одни разбойники! Честному человеку там делать нечего! Эка невидаль: собрались беглые да бродяги власти не признают, неизвестно где живут! — Пристав топнул ногой так, что избушка дрогнула. — Ну, крамольники, берегись! Сорок душ я на каторгу отправил, с вами у меня сорок шесть будет!

— До сорока шести и я считать умею, — сказал Кумоха. — Но у меня есть к тебе, ваше благородие, еще одно дело.

— Какое? — удивился пристав. Его глаза смотрели сквозь Кумоха, как сквозь стеклянное окно: пристава уже виделось празднество в его честь, награды, повышение в чине — шесть каторжников сразу он привезет в город! Какое торжество будет!

— Дело у меня простое, — вкрадчиво молвил Кумоха нежно кладя ладонь на загривок пристава. — Хочу просить тебя ехать вместе с Мокки да Нийкочем в Болотную землю. Поживешь там, осмотришься. Может, так полюбится, что и возвращаться не захочешь?

Что?! — Пристав рванулся прочь, но Кумоха слегка сжал пальцы, и шея пристава чуть не хрустнула.

— Айно, пойдти в баньку, посмотри, нет ли там чего лишнего, — сказал Кумоха. — Его благородию хочется в холодное баньке попариться, пока его санки не вернутся.

Айно вышла.

— Да как ты... да я... — закричал пристав, но Мокки, Матти и Нийкой быстро сняли с него ремни, мундир, сапоги. — Что ты со мной делаешь? — спросил пристав Кумоха. — Ты меня царева слугу, погубить задумал? Да за это тебе петля

— Зачем губить! — блеснув зубами, широко улыбнулся

Кумоха. — Поживешь в Болотной земле годков десять, умным станешь.

— Меня искать будут! Солдаты сюда приедут! — хрипел пристав в могучих руках Кумохи.

— Солдаты найдут твои санки в самой глубокой трясине. И отпишут своему начальству: что, мол, погиб зимой его благородие со своим стражником и верными конями в лесной незамерзающей пучине, — пояснил пристава Матти. — И пойдут солдатики назад, в город...

Голого пристава завернули в холстину. Кумоха, подняв сверток на руки, как ребенка, понес его благородие в еле теплую вчерашним паром баньку.

— Если крикнешь, то я тебя, здесь запарю до смерти, — предупредил Кумоха. — А впрочем, береженого бог бережет...—

И он заткнул остатки березового веника в рот пристава так, что тот не мог и языком

шевельнуть.

— Не катайся зря — узлы не развяжутся, — сказал Кумоха, — они рыбаками вязаны! Рыбакам зимой делать нечего, вот они узлы-то морские и вяжут.

Приперев дверь баньки бревном, Кумоха вернулся в избу.

Аино уже связала одежду пристава в узел.

— Спалить шкуру этого зверя в печи! — сказал Кумоха. — Хотя нет, пригодится — в болото бросим с саями.

— Сапоги теплые оставь, — посоветовал Матти, — а то Кондро без сапог.

— Ладно, сапоги оставьте — послужат еще, — согласился Кумоха.

— Стражник как бы нам все карты не спутал, — с опаской произнес длиннобородый Мокки.

— Стражник нас не видел, он во дворе был, — уточнил охотник Нийкой. — Он не знает, что здесь, кто здесь. С ним справиться легко.

— Давайте подумаем, как всех незаметно в Болотную землю провести: пристава, стражника, Тайпо, Юсси, Кондро да вас троих — Матти, Мокки, Нийкой... Мне здесь оставаться или для подкрепления с вами идти? Как думаете? — вслух размышлял Кумоха, комкая в руках чубук отцовской трубки.

— Нас четверо — их четверо, — сказал Матти. — Управимся! Тебе тут нужно остаться — пусть все знают, ты никуда не уходил, все время дома был.

— Мы такими тропками пойдем, что нас никто не увидит, — пообещал Нийкой. — Только для коней — не погибать же двум коням! — нужно на ноги что-то вроде больших лаптей-корзинок сплести... А то в снегу будут кони проваливаться, не дойдут.

— За ночь сплетем, — сказал Матти.

— Отправитесь так, — посоветовал Кумоха. — Сперва выйдете вчетвером: Мокки дорогу знает, Кондро с ним, Тайпо, стражник. Стражнику и хозяину руки так свяжите, чтоб не высвободились. А завтра на заре — Юсси, пристав и Нинкой с Матти. Приставу руки связать, Юсси на всякий случай тоже. Коней будете вести с собой. У тех и других по одному коню. Порознь легче доберетесь.

Идти до Болотной земли нужно было не меньше семи дней, поэтому Аино сразу же начала готовить в дорогу все, что нужно.

— Пусть в доме крошки не останется, — сказал Кумоха, — но ты, сестра, не жалея ничего — нам добыть тут съестное легче, чем им в дороге...

Прибытие богатого хозяина, стражника, «Аино» и Юсси застало друзей в самый разгар приготовлений к походу.

Стражник задержался возле лошадей, Тайпо с сыном вошли в избу.

Увидев улыбающуюся Аино, оба остолбенели.

— Ай-ай! — ужаснулся Кумоха. — Кого же вы тогда у себя держали в доме? Не беглого ли дубильщика Кондро, которого так ищет их благородие господин пристав?!

Матти, Мокки, Нийкой так ловко окружили богатого хозяина и его сынка, что те ничего и не заметили.

Юсси как замороженный смотрел на Аино и повторял:

— Значит, ты тут... а не там... значит, там... а не тут... там...

Кумоха сказал:

— Пойду приведу вашу служанку со двора!

Стражник уже поставил коней в сарай и вместе с замотанным в платок Кондро важно шагал к избе.

— А ты не видел, что на крыше сарая у меня стоит? — спросил его Кумоха.

Стражник повернулся всем телом к сараю, и в это мгновение Кумоха резко ударил его по подбородку.

Кондро испуганно шарахнулся в сторону.

— Не бойся, — засмеялся Кумоха, — не то еще увидишь!

Стражник падал неторопливо, медленно, как копна сена.

— Отстегивай у него саблю, вяжи ему руки, — приказал Кумоха Кондро. т — Да снимай свой платок — теперь ты опять мужиком стал!

И пошел в избу.

В избе все было тихо. Богатый хозяин учуял опасность, но держался хорошо, только глазки рыжие метались быстрее обычного.

— Где его благородие? — спросил Тайпо, кусая мундштук трубки, которую он от волнения забыл разжечь.

— В баньке, — сказал Матти. — Вас, хозяин, дожидается.

Тайпо мрачно посмотрел на улыбающегося Кумоху.

— Если ты улыбаешься, значит, кому-то плакать придется! — проговорил Тайпо. — Чего мне беглого мужика в дом подсунул?

— Так кому придет в голову беглого у Тайпо искать? — еще шире улыбнулся Кумоха. — Самое спокойное место! Мокки, пойди помоги Кондро, там, во дворе. И пусть он сюда идет, хозяин хочет, скажи, на него посмотреть.

Когда Кондро вошел в избу, то все, кроме Тайпо, расхохотались.

В руке дубильщик держал саблю стражника. Испуганное лицо лже-Аино было покрыто многодневной щетиной. Все это так не подходило к яркому девичьему кожуху, что поневоле вызывало смех.

Юсси же смотрел только на настоящую Аино, в его явно, словно плавилось, как кусок масла на сковороде, становилось неотчетливым от глупой улыбки.

— Ты его так стукнул, что он до сих пор еще глаза не открыл, — сообщил Кондро Кумохе.

— Разве это стражники, которые от одного удара помереть готовы? — рассмеялся Кумоха. — Ничего, на холодке быстро оправится.

— Ты ударил стражника? — спросил Тайпо Кумоху. — Знаешь, что с тобой сделает его благородие?

— Может, пусть об этом богатый хозяин сам расскажет его благородию? — спросил Матти. — Может, и стражник хочет попариться?

— Вы что задумали? — Тайпо соскочил с лавки, уронил с головы свою высокую шапку. — Бунтовать?

Матти показал богачу свой внушительный кулак:

— Видел? — А у моего дружка Кумохи в три раза больше! Проходи вперед, хозяин!

— Что будет с Юсси? — тихо спросил Тайпо.

— Он все время будет с тобой, — сказал Кумоха.

Матти крепко взял богача за руку и вышел из избы.

— Юсси пусть помогает Аино, если может, — сказал Кумоха. — Он никуда не сбежит...

Вечером из избышки Кумохн отправились в путь четверо лыжников.

Горбатая луна брела по небу.

Впереди шагал длиннобородый Мокки, за ним со связанными сзади руками толстый стражник в рваном кожухе.

Маленький хозяин Тайпо семенил третьим. Шествие замыкал дубильщик Кондро, с лица которого наконец-то сошло испуганное выражение. Он вел коня, к ногам которого были

прикреплены крышки от круглых корзин.

А утром двинулся в Болотную землю второй караван под водительством Нийкоя и Матти...

Про то, чем заканчиваются приключения

Ну, а что было потом?

Мокки, Нийкой, Матти вернулись из Болотного края. Они рассказали, что добрались туда без особых происшествий. Если, конечно, не считать, что пристав пытался бежать, но заблудился в лесу, чуть не замерз и сам пришел назад, к Нийкою и Матти.

— Юсси потому был глуп, — сказал Матти, рассыпая табачные искры из своей трубки, — что с детства никакой работы не знал. А если его к труду приохотить, то он поумнеет! Он как жил? Двух травинок крест-накрест сам не положил. Думал дела делать, да зевота одолевала! А сейчас лесорубом становится, уже топор держать умеет. Доволен!

Бывший богатый хозяин недолго прожил: погиб от собственной жадности. Его пригласили на угощение, и он постарался съесть побольше, чтобы потом не есть подольше. Сколько он съел, никто не считал, а только ночью умер Тайпо от обжорства.

Пристав, бывшее «благородие», все время пытался удрать. Одна из попыток закончилась плохо: попал в гиблое место, трясина поглотила его. По правде сказать, никто о нем и не пожалел.

А дубильщик Кондро и там выделяет шкуры и кожи. Друзья привели к нему семью — теперь все в сборе, и никто им налогами царскими не докучает..

Летом, как и предсказывал пристав, приехали солдаты с офицером, начались поиски пропавших без вести.

Удалось отыскать сани пристава, которые застряли на коряге среди незамерзающего даже в крепкую стужу бездонного болота.

Невдалеке, на кочке, нашлась и высокая шапка богача Тайпо. «Видимо, испугавшись чего-то, кони понесли, забрались в топь, а оттуда выбраться не смогли. Все, кто был вместе с приставом — отец и сын Тайпо, стражник, — погибли» — так решил офицер, так и доложил начальству.

Хозяйка Тайпо продала дом младшему брату покойного мужа и уехала к родным.

Красавица Айно по-прежнему хозяйничает в своей избе, и друзья любят собираться у нее.

Сам Кумоха, правда, редко бывает на этих встречах.

Так уж случается: или лес он валит где-то на севере, или помогает кому-то на морском берегу, или избу строит для друга, или выручает из беды бедняка, или у Сийлы учится молотом орудовать. Ведь неизвестно, когда и какое умение в жизни пригодится: поэтому чем больше умеешь, тем жить интереснее и работать веселее! В доме, построенном с песней, и жить радостно; сани, сделанные улыбающимся мастером, и скользят легче, а топор, выкованный веселым кузнецом, никогда не затупится!

Кумоха всегда помнит о друзьях, и если он им бывает нужен, то через любые преграды мчится к ним. Потому что дружба прежде всего.

И если ты не умеешь быть другом, то ты еще не настоящий человек и жизнь должна тебя выучить на человека.

